

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МУРМАНСКИЙ АРКТИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОРИЕНТИР И ПУТЬ

Сборник научных статей

МУРМАНСК
2017

УДК 141.319.8(082)
ББК 87.524я43
О65

Печатается по решению Совета по научно-исследовательской работе и редакционно-издательской деятельности Мурманского арктического государственного университета

Рекомендовано к печати кафедрой философии и социальных наук МАГУ (протокол № 7 от 26 апреля 2017 г.)

Научные редакторы: **В. М. Воронов**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук МАГУ;
К. Я. Коткин, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук МАГУ

Рецензенты: **А. И. Виноградов**, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук, директор Социально-гуманитарного института МАГУ;
О. Д. Мачкарин, доктор философских наук, профессор, профессор МГТУ

Коллектив авторов

О65 **Ориентир и путь** : сборник научных статей / науч. ред. В. М. Воронов, К. Я. Коткин. – Мурманск : МАГУ, 2017. – 200 с.

Сборник включает доклады, представленные в рамках работы семинара «Ориентир и путь», который состоялся в МАГУ 23–24 ноября 2016 г. Издание будет интересно профессиональным философам, ученым, преподавателям, аспирантам и всем интересующимся осмыслением антропологических феноменов.

Печатается в авторской редакции.

ISBN 978-5-4222-0332-1

© Коллектив авторов, 2017
© ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый день ты встаешь и идешь. Понуришь голову или высоко подняв ее, спотыкаясь или обходя препятствия, вновь и вновь делая шаг за шагом. Иногда бежишь, иногда останавливаешься. Если не идешь, значит смотришь на то, как идут другие. Любой идет по своему пути. Куда, за чем, для чего этот путь? Кто выступает ориентиром в нем, где он? Его видим вдали? Прямо перед тобой или в тебе самом?

Перед Вами второй выпуск трудов семинара Лаборатории Антропологических исследований МАГУ¹ по итогам междисциплинарного семинара с международным участием «Ориентир и путь», прошедшего в стенах университета 23–24 ноября 2016 г. Семинар объединил преподавателей и аспирантов разных кафедр университета, исследователей КНЦ РАН, научных сотрудников Мурманского областного краеведческого музея, преподавателей вузов России, книгоиздателей и журналистов, иностранных коллег-антропологов из Болгарии и Норвегии.

Символы ориентира и пути, одни из ключевых как для понимания индивидуального человеческого существования, так и для осмысления общественного развития. Неслучайно то, что любой серьезный выбор определяется как решительный шаг, а сама жизнь часто связывается с образами дороги и путешествия.

Продвижение по тропам и дорогам истории и жизни предполагает наличие ориентиров. При этом поступок одного человека также может стать и маяком-ориентиром для других. Вместе с тем, символ ориентировки имеет и самостоятельное значение. Речь может идти о высоком и возвышенном, низком и низменном, глубине и глубоком.

На этом научном мероприятии произошло соединение различных тематических полей и методологических линий в понимании феноменов, сопряженных с концептами «ОРИЕНТИР» и «ПУТЬ». Хочется верить, что читатель сборника почувствует себя обогащенным новыми идеями, ракурсами понимания и концептуальными моделями.

Думается, чтение книги не что иное, как этап пути в мире смыслов, ориентиры на котором могут быть принципиально различны. Надеемся, что встреча с одними статьями обогатит читателя новыми фактами, с другими – породит критическую мысль, а с третьими – заставить по-иному взглянуть на казавшееся знакомым и привычным.

¹ Научные статьи, подготовленные по итогам работы первого семинара в рамках проекта Лаборатории антропологических исследований МАГУ, были опубликованы в сборнике: ДОМ: сборник научных статей / науч. ред. В.М. Воронов, К.Я. Коткин. Мурманск: МАГУ, 2016. 202 с.

РАЗДЕЛ I. ОРИЕНТИР И ПУТЬ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ

УДК 1
ББК 87

А.М. Сергеев
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ОРИЕНТИРЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Аннотация. В статье представлен опыт понимания человеческой жизни через образ пути. Ориентация на этом пути понимается как дело сознания, т.е. как осознанное выстраивание личных правил и знаков. Метафизическое измерение жизни связывается с ситуацией принципиальной онтологической неполноты человеческого существа, связанной с даром жизни и тайной рождения.

Ключевые слова. Жизненный путь, сознание, другой, образ пути, этос, знаки, тайна, дар.

A.M. Sergeev
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

REFERENCE POINTS FOR THE COURSE OF ONE'S LIFE

Abstract. The article presents the experience of understanding human life through the image of the path. Orientation in this way is understood as a matter of consciousness, i.e. as a conscious alignment of personal rules and signs. The metaphysical dimension of life is associated with the fundamental ontological incompleteness of human beings related to the gift of life and the mystery of birth.

Key words. Life, consciousness, the Other, the image of the way, ethos, signs, mystery, gift.

Каждый семинар – это повод высказаться относительно того, о чем ты уже размышлял: думал, возможно, разрозненно, раз от раза, фрагментарно и не систематично, однако благодаря семинару можешь теперь собрать все свои мысли воедино. В этом смысле семинар есть время собирания, время логоса.

1. Ориентация на знаки.

Вопросы о том, как ведет себя человек и почему он ведет себя именно так, а не иначе, в первую очередь, связаны с констатацией того, что он ориентируется на *знаки*. Мы ориентируемся на знаки и ориентированы ими: наше поведение «вписывается» в определенные правила и определенным образом «помещается» и «прописывается» внутри знаков. Со знаками

знакомятся, их принимают – пусть не сразу, не везде и не в полном объеме, их выучивают, с ними сживаются. Мир (его время и пространство) в связи с этим определяется для нас сугубо в проёме знаков и постигается нами по мере «вхождения» нас в знаковую область и знаков – в нашу жизнь.

2. Индивидуально-личностный горизонт поведения.

Вместе с тем, человек начинает жить и «трогается» в жизненный путь, не зная никаких знаков и даже не зная об их существовании. Он оказывается в положении существа, «вбрасываемого» в мир и «заброшенного» в него, в ситуации «брошенного» в мире и «оставленного» в нем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Путь каждого человека исключительно *индивидуален*. Благодаря освоению в параметрах своей индивидуальной траектории – путем осознанного к ней отношения – у нас может быть выработано личное измерение жизни, понимаемое теперь уже в качестве своего жизненного пути.

Личностное время и *личностное* пространство нашей жизни определяется там и тогда, где и когда мы живем и поступаем посредством именно осознанного отношения и встаем на путь *принципиального* отношения к своему *индивидуальному* жизненному пути.

3. Правила жизни как правила пути.

В индивидуально-личностном освоении своего пути, которое возникает и поддерживается посредством труда, связанного с выстраиванием *осознанного* отношения к своей жизни как особенному пути, появляются, конечно, свои правила, закрепляющие определенные мотивации и детерминации нашего поведения. Наряду с *безличными* и *всеобщими* правилами жизни, воспринимаемыми нами через обращение к знакам, есть и сугубо *личные* и *особенные* правила, которыми мы руководствуемся в своей жизни. Эти личные и особенные правила невозможно понять вне обращения к *символическому* горизонту сознания каждого человека, который он привносит в отношение ко всему: к чему бы ни было и к кому бы ни было. Понятно, что привнесение символического времени и символического пространства, которые оказываются способами сохранения именно *своего* отношения человека ко всему, оказывает мощнейшее воздействие на его жизнь. В этом смысле у каждого человека, выработавшего осознанное отношение к миру, имеются *свои* содержания, явно не совпадающие с содержаниями сознания *другого*. С одной стороны, это – некие «дыры» внутри всеобщего и безличного понимания *процесса* жизни, но с другой стороны, именно такие «дыры» и обеспечивают возможность сохранения и поддержания индивидуально-личностного отношения к жизни, что собственно и фокусируется в *образе* пути.

Разумеется, важны как те, так и другие правила. Причем, и это надо подчеркнуть особо, вполне возможно употребление одних и тех же слов в

отношении разных – по своему генезису – мотиваций и детерминаций. Например, можно рассуждать об «этических» или «моральных» нормах и в том, и в другом отношении. Вместе с тем, если мы хотим не все время пребывать в топосе антиномий, но, напротив, намереваемся определиться в отношении конкретных значений, то стоит сопоставлять отдельные значения с конкретными мотивациями и детерминациями своего поведения. Исходя из этого, целесообразно сопоставить мотивации и детерминации *первого* порядка (типа) со словами «знаки» и «мораль», тогда как мотивации и детерминации *второго* порядка отождествить со словами «символы» и «этика». Понятно, что можно размышлять об этосе каждого человека, однако у одного – он молчит, а у другого – говорит, и выявляется он всегда и везде по-разному.

4. Тайна. Дар. Акт дарения.

Вышесказанные суждения основаны на понимании темы ориентиров и жизненного пути, отождествляемого всецело с одним человеком, точнее – с *субъективностью* как таковой. Между тем, жизненная ситуация каждого из нас, включая и задумывающегося о ней и ее истоках, и не задумывающегося об этом, связана также и с тем, над чем мы не властны и вынуждены принимать это как данность, оказывающуюся для нас уже предданностью.

Речь идет о *начале* нашего рождения, т.е. о начале сугубо *нашего времени* и сугубо *нашего места* жизни, что связано с независимым от нас действием нашего попадания в мир. Наше отношение к такому действию – всегда отношение *последствия*, т.е. такое отношение, которое не может быть *полным* ответом ввиду того, что оно всегда как-то мотивировано ситуацией. Поэтому можно попытаться зафиксировать данное положение дел, прибегнув к слову «тайна».

Всегда будет сохраняться некий *избыток*, связанный с началом нашей жизни, который мы не в силах преодолеть. Всегда будет сохраняться некая тайна нашего вхождения в мир, ведь жизнь нам именно дарится и даруется. В этом – исток нашей онтологии, точнее – исток нашей *онтологической неполноты* и нашего *онтологического запаздывания* к началу сложившегося положения дел, которое мы принимаем. В *настоящем* времени своей жизни мы не можем не сталкиваться – в разных видах и разных формах – с *другим* временем, как-то о себе заявляющем, к которому мы себя как раз и относим, сопоставляя, сравнивая и сопрягая с ним настоящее время своей жизни.

5. Метафизический горизонт понимания жизни.

Итак, мы оказываемся в положении того, кто втянут в некую область, выходящую за *пределы* нашей жизни, по крайней мере – за пределы

настоящего времени нашей жизни. Мы укоренены во вневременном, и наша жизнь имеет исток вне нас самих¹.

Речь идет о том, что помимо двух указанных ранее форм мотивации и детерминации действует еще одна форма, возникающая в связи с нашей ориентацией на *соответствие* вневременному, т.е. ориентация нас на соответствие делу дарения нам жизни. Такая мотивация, если мы ее принимаем, связана с нашим отношением к событию дарения нам жизни, когда жизнь предстает в качестве того, что неким образом мотивирует нашу жизнь, к чему мы непременно хотели бы прикоснуться как к *целому*, придающему нам расширяющую и дополняющую силу – силу простора.

Вот почему для человека значимо совершение им *бескорыстных* действий – действий *прямых* и *абсолютных*, ибо они непосредственно направлены на то, чтобы *изменить* именно наш взгляд на *свою* жизнь и жизнь человека *в целом*, независимо от любого изменения содержания нашей жизни в сторону его «повышения» или «понижения». Здесь значим именно неутилитарный характер таких действий, который восполняет нашу онтологию: совершая действие дарения жизни, человек «внедряет» и «вкладывает» себя и свою жизнь в жизнь как таковую. Он вкладывает себя в целое, восполняя этим свою онтологическую неполноту.

Мы отвечаем на акт дарения и придания нам нашей жизни другой жизнью, не только приобщаясь к истокам своей жизни, но и к целостности жизни. Через ориентацию на *другого* – как того, кто даровал и дал нам жизнь и *возможность быть*, так и того, кого мы можем одарить такой же возможностью – возможностью *быть* – мы приобщаемся к тому, что является другим по отношению к нашей собственной жизни. Мы приобщаемся к другой *ее* стороне, связанной с ее истоком, приобщаемся к другому ее времени. Вынести такое – метафизическое – расширение своей жизни может не каждый и далеко не в полной мере, однако не обращать на это внимание мы, в общем-то, не можем, да и не должны.

¹ К слову сказать, *психическое* содержание нашей жизни может быть мотивировано тем, что присутствует внутри психики, будучи не психическим по своему генезису: оно мотивируется *сознанием*, которое в этом случае принципиально не может пониматься в качестве «продолжения» психики или как ее «последствие».

УДК 165.22+23
ББК 87.225.6+87.253

Ю.Л. Войтеховский
Геологический Институт Кольского Научного Центра РАН
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Апатиты, Россия

ЖИЗНЬ КАК ПУТЕШЕСТВИЕ: НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ОБ «ОБРАЗОВАНИИ УМА И СЕРДЦА»

Аннотация. В статье подчеркнута общая платформа научного и художественного познания мира, более строго определяемая на первом, более обобщённо и метафорично – на втором пути. В обоих случаях результат субъективен и окрашен личностью автора.

Ключевые слова. Жизнь как путешествие, науки и искусства, познание мира.

Yu.L. Voytekhovsky
Geological Institute Of the Kola Science Centre of RAS
Murmansk Arctic State University
Apatity, Russia

LIFE AS A JOURNEY: SOME THOUGHTS ON THE «EDUCATION OF MIND AND HEART»

Abstract. The common platform of scientific and artistic cognition of the world is emphasized in the paper. It is more strictly defined on the first way while more generalized and metaphoric on the second one. The result is biased and dependent on the personality of the author in both cases.

Key words. Life as a journey, science and art, world cognition.

Земная жизнь – другой не знаем и потому вправе придать ей статус онтологический – взятая не только как «способ существования белковых тел» (Ф. Энгельс), но и как *cogito*, в первую очередь как *cogito*, есть – *volens nolens* – путешествие ради познания мира. Об этом говорилось во все времена и во всех жанрах – от «Эпоса о Гильгамеше», гомеровских «Илиады» и «Одиссеи» до «Улисса» Дж. Джойса и песен группы «Земляне»: «Мы выбираем путь, идём к своей мечте, // И надо не свернуть с пути уже нигде. // И стоит шаг пройти, заносит время след, // Обратного пути у жизни просто нет». Или: «Хорошо, что есть на свете // Это счастье – путь домой». Даже в эстрадном варианте зарифмованы философские проблемы: выбор цели, определение пути, необратимость времени, жизненный путь как поиск истины и вечное возвращение... Неисчерпаемые, нестареющие темы жизни как приключения, одиссеи, лабиринта.

«Одиссей для меня – первообраз не только человека современной эпохи, но и человека грядущего, поскольку он представляет собой тип гонимого странника. Его скитания – это путь к Центру, в Итаку, то есть путь к себе. Он – опытный мореплаватель, но судьба, а другими словами, инициатические испытания, из которых он должен выйти победителем, все время вынуждают его оттягивать возвращение к своим пенатам. Миф об Одиссее, я думаю, для нас очень важен. В каждом из нас есть что-то от Одиссея, когда мы ищем самих себя, надеемся дойти до цели и тогда уж точно вновь обрести родину, свой очаг, снова найти себя. Но, как в лабиринте, в каждом скитании существует риск заблудиться. Если же тебе удаётся выйти из лабиринта, добраться до своего очага, тогда ты становишься другим. <...> Миф о нём – это, по-моему, модель для определённого образа существования в мире»¹.

Человека тоже «несёт попутный ветер» – традиции, обстоятельства, чужая воля... Но как вообще возможно свободное проявление воли, выбор цели, формулирование проблемы как «инициатического испытания, из которого должно выйти победителем»? «Затем пустота, немая пустота, неопостижимая для смертного человека, абстрактная и конкретная, действительная и утраченная, субстанция в пустоте, опять конкретная и весомая, твёрдая и оформившаяся, огонь и вода. А затем, шагая среди виноградников, я увидел всю вселенную – безмолвную в сознании человека, неподвижную и тёмную, потерянную, в ожидании человека и человеческой мысли. <...> Неожиданно в пустоте зарождается мысль человека. И этот человек – я. А это – истина, которую я вынес из пустоты, в одиночестве ступая среди виноградников»².

Путешествие за истиной – «золотым руном» – полно рисков и обрекает смельчака на одиночество. Лабиринт – базовая метафора, поэтическая структура сознания, используемая со времён рождения мифа о Тесее до метафорических «Царей» Х. Кортасара, «Дома Астерия» Х.Л. Борхеса и «Минотавра» Ф. Дюрренматта, фантазмагорических «Минотавров» П. Пикассо и постмодернистского интернетного «Шлема ужаса: креатифф о Тесее и Минотавре» В. Пелевина. Один из Минотавров, который всегда с нами – конформизм, страх своей и чужой оригинальной мысли. «Привычка и пример убеждают нас больше, чем какое бы то ни было точное знание. Но при всём том большинство голосов не является доказательством, имеющим какое-нибудь значение для истин, открываемых с некоторым трудом, так как гораздо вероятнее, чтобы истину нашёл один человек, чем целый народ. По этим соображениям я не мог выбрать никого, чьи мнения

¹ Элиаде М. Испытание лабиринтом // Иностранная литература 1999. № 4 // Журнальный зал (сайт). URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/4/labir.html> (дата обращения 15.10.2016)

² Сароян У. И человек // Сароян У. Отважный юноша на летящей трапеции. М.: Эксмо, 2013. С. 138.

я должен был бы предпочесть мнениям других, и оказался как бы вынужденным сам стать своим руководителем. <...> Следует отыскивать <...> то, что мы можем ясно и очевидно усмотреть»¹.

При кажущейся прочности этой путеводной – ариадниной – инструкции истина всегда не очевидна. Свет мысли рассеивается даже в самых прозрачных глубинах, а далее – темнота недоумения. «Сколько нужно деревьев, чтобы можно было сказать: это лес? <...> Вокруг меня – десятка два могучих дубов и несколько стройных ясеней. Могу ли я утверждать, что нахожусь в лесу? никоим образом. Это не лес, а только деревья, которые мой взгляд различает в лесу. Настоящий лес состоит из тех деревьев, которых я не вижу, ибо лес по природе невидим. <...> Независимо от нашего местонахождения лес предстаёт исключительно как возможность»².

Налицо – сложность актуального определения понятия, проблемы, цели, даже не их строгой дефиниции, а лишь названия, именования, встраивания в бегущий, мимолётный поток мысли. Неужели нам позволено лишь асимптотическое приближение к истинам, не считая банальных? «Не прибегнуть ли нам к помощи Блаженного Августина? Если меня спросить, что такое бытие, то я этого не знаю; если не спрашивать – то знаю»³. Но без имени – нельзя. «В горизонте повседневности вокруг нас всё значимо, всё имеет имя, место и время, нет ни одной вещи, которая была бы безымянна и занимала бы не своё место. Магритт понуждает нас заняться вечным вопросом познания: что это такое? <...> Художник тот, кто называет какую-то неназванную вещь собственным именем, да и вообще любую вещь, но этот ритуал именования возможен только на территории искусства»⁴.

Сказанное отчасти спорно: именование – скорее труд учёного, нежели художника и тем паче ремесленника. Впрочем, никому не заказано: «Без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием. <...> В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия... <...> В имени – средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человеческо-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни»⁵.

Путешествие – верный способ открыть в учёном художника и наоборот, иначе – примирить два способа освоения мира. Кстати философская притча о Микромегасе – жителе «одной из планет, что обращаются вокруг

¹ См.: Декарт Р. Рассуждение о методе. М.: Академ. проект, 2014.

² Ортега-и-Гассет Х. Размышления о Дон Кихоте. М.: Грюндриссе, 2016. С. 55-56

³ Элиаде М. Испытание лабиринтом.

⁴ Подорога В.А. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. М.: Грюндриссе, 2016. С. 258, 268.

⁵ Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Академ. проект, 2009. С. 96-97.

звезды, именуемой Сириус». «Он отправился путешествовать, <...> чтобы завершить образование ума и сердца. <...> У обитателей моей планеты около 1000 чувств, и всё же нас постоянно томит какая-то неясная жажда, смутная тревога, беспрерывно нашёптывая нам, что мы ничтожны. <...> Мы умираем чуть ли не в момент рождения; срок, отпущенный нам – мгновёнен; наша жизнь – краткий миг; наша планета – крохотный атом. Едва начинаешь приобщаться к знанию, как тут же, прежде чем придёт опыт, наступает смерть. <...>

Микромегас осведомился, сколько принципиально отличных существ насчитывается на Сатурне, и узнал, что их более 30: Бог, пространство, материя, протяжённые существа, наделённые способностью ощущения, протяжённые существа, наделённые способностью ощущения и мышления, существа мыслящие, но не протяжённые, субстанции проницаемые, субстанции непроницаемые и прочая. Житель Сириуса совершенно потряс сатурнианского философа, когда сказал, что на его планете таких существ насчитывают 300 и что, путешествуя, он открыл ещё 3000 оных.

И устроена эта планета скверно, <...> всё на ней неправильной формы, всё нелепо, всё хаотично. Взгляните на эти ручейки: ни один из них не течёт прямо. А эти прудочки! Они не круглые, не овальные, не квадратные... Очертания у них самые невероятные. А эти маленькие остроконечные штуки, которые торчат по всей планете! (Он имел в виду горы). Они мне все ноги изранили. Обратите внимание на форму планеты: она сплюснута у полюсов и обращается вокруг Солнца так несуразно, что климат в полярных областях непригоден для жизни. Всё это позволяет мне думать, что планета необитаема, да и какие здравомыслящие существа согласятся обитать на ней?

Вполне возможно, что это планета не для здравомыслящих людей, – заметил Микромегас. – И всё-таки существует вероятность, что сотворена она не зря. <...> Поскольку вы обладаете столь обширными знаниями о том, что вне вас, вы, несомненно, должны быть ещё лучше осведомлены о том, что внутри вас. Скажите, что такое душа и как образуются у вас мысли? Философы опять заговорили все вместе, но теперь каждый говорил своё. Самый старый процитировал Аристотеля, один произнёс имя Декарта, другой Мальбранша, кто-то упомянул Лейбница, кто-то Локка»¹.

Путешествуя по страницам замечательных книг, созданных в разное время в разных странах на этой «скверно устроенной планете», легко перепрыгивая от одной к другой, сталкивая и зацепляя мысли разных авторов, я – «протяжённое существо, наделённое способностью ощущения и мышления», правда, не очень здравомыслящее, ибо «согласился обитать в полярной области, непригодной для жизни» – всё же полагаю, что наша

¹ Ф.-М. Вольтер. Микромегас. URL: <http://lib.ru/INOOLD/WOLTER/mikromegas.txt> (дата обращения 15.10.2016).

цивилизация есть распределённый мыслящий орган планеты, каждой клеткой утверждающий своё творческое – научное, художественное и нравственное – начало. Воистину «существует вероятность, что сотворена она не зря»...

Список литературы

1. Вольтер Ф.-М. Микромегас // Библиотека Мошкова (сайт). URL: <http://lib.ru/INOOLD/WOLTER/mikromegas.txt> (дата обращения: 15.10.2016).
2. Декарт Р. Рассуждение о методе. М.: Академический проект, 2014. 322 с.
3. Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Академ. проект, 2009. 300 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о Дон Кихоте. М.: Грюндриссе, 2016. 196 с.
5. Подорога В.А. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. М.: Грюндриссе, 2016. 348 с.
6. Сароян У. Отважный юноша на летящей трапеции. М.: Эксмо, 2013. 320 с.
7. Элиаде М. Испытание лабиринтом // Иностранная литература. 1999. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/4/labir.html> (дата обращения: 15.10.2016).

Б.Г. Соколов
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
г. Санкт-Петербург, Россия

ИМПЕРАТИВ ЛОУКОСТЕРА¹

Аннотация. Формирование современной модели путешествия происходит под воздействием того, что автор определяет как «императив лоукостера». Современная модель путешествия, формируемая турбизнесом массовой глобализационной культурой, ликвидирует ту зону Иного и опасности, с чем традиционно были связаны путешествия и паломничества. Модель лоукостера, рассматриваемая как императив, выстраивает современный «тип потлача», где объектом уничтожения выступает не столько предмет, но само индивидуальное Я и его «жизненный мир».

Ключевые слова. Путешествие, массовая культура, глобализации, современный патлач.

B.G. Sokolov
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia

THE IMPERATIVE OF LOW-COST AIRLINE

Abstract. The creation of a modern model of travel occurs under the influence of “the imperative of low-cost airline”. The modern model of travel generated by the tourist industry of mass global culture eliminates the zone of the Other and risk than has been traditionally associated with travel and pilgrimage. Model “low-cost airline”, considered as an imperative, builds modern “type of the potlatch” where the object of destruction is not so much the subject, but the individual I and his “life-world”.

Key words. Travel, mass culture, globalization, contemporary potlatch.

Речь пойдет, прежде всего, о процессуальности, но не только.

Как говорил век тому назад Лев Троцкий: «конечная цель ничто, движение все», слегка подправив изречение лидера II Интернационала Эдуарда Бернштейна «движение все – все, цель – ничто». Не будем абсолютизировать данный тезис, ибо цель, телос – отнюдь не последний (если не основной) императив и причина случающегося в жизненном мире человека. Телос, цель существенна, ибо через них и благодаря ней выстраивается направление любого движения, которое и у Л. Троцкого и

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-03-00613 «Феномен вещи в информационной культуре».

Э. Бернштейна – все. Цель и движение существенны и сущностны, так же как не в меньшей мере важны, если вспомним и остальные аристотелевские причины, «форма», «материя» и «откуда происходит, развертывается движение». Так же как не менее существенно – тем более, что речь пойдет о путешествии – направление движения, которое сплавляет и цель, и движение в единой процессуальности.

Именно о направлении пойдет сейчас речь. В двух смыслах: направление как то, что выстраивается в согласии и под присмотром цели и направлении как «туристическое направление», как то, что разбивает мир на сектора турбизнеса. В сфере турбизнеса, а вернее о том, что выстраивается «за плечами» туриндустрии и что вызывает и, одновременно, формирует логику и логистику выстраивания этой сферы промышленности и культурного обмена, процессуальность выступает той доминантой, которая и определяет «правила игры». Иными словами, именно направление движение и направление как сектор внимания существенны в той сфере, которая подлежит сейчас нашему вниманию. И процесс, и цель, и способ осуществления процесса-движения и цели равно существенны в пространстве современного выстраивания путешествия. Цель, которая эксплуатируется и используется в сфере современного путешествия и, соответственно, выстраивает основные правила функционирования данного феномена (в качестве того социального пространства, которое формуется этим запросом на путешествие), не просто цель как фиксируемый и застывший результат, но цель как прийти и организовать движение к цели. Если переформулировать под вполне конкретный случай: целью путешествия в Париж является не просто **доехать** до той географической точки, каковой является Париж, но выстроить путешествие в этом пространстве, которое формируется через выбор наиболее предпочтительных маршрутов пребывания в этом городе от посещения Эйфелевой башни, бульвара Монмартр, Лувра или кафешек в районе Мулен Руж и т.п. Целью современного путешествия, выстраиваемого по формату турпоездки выступает как сама процессуальность, так и организация этой процессуальности. А потому в этом пространстве лозунг Бернштейна-Троцкого стоит несколько модернизировать: движение, процесс является целью, которая – все.

Но как практически выстраивается это самое движение, куда направляют свои «стопы» тысячи туристов-отдыхающих? Они идут в направлении направления, т.е. выбирают направление движение, что предусматривает не столько и не только выбор «реального направления», например, съездить в Эмираты или в Италию, но, главное, процессуальности, «стиля» своего движения. Именно поэтому не случайно направление в этой сфере означает не только конкретную страну, город или целую страну света (например, съездить в Азию или в Европу), но и конкретный стиль пребывания, например, пляжный отдых, экологический туризм, экстремальный туризм, культурный и т.п. Именно под эти два ракурса-смысла подбираются

путешествия, хотя, конечно, возможны и другие императивы, которые иногда в большей степени определяют выстраиваемый маршрут.

Прежде всего – это даты и время. И услужливые поисковики, например, билетов на авиарейсы предлагают довольно странный на взгляд «архаичного» способа выстраивания путешествия или паломничества: можно подобрать под определенные даты (как правило, даты отпуска или каникул, или, что выступает как раз довольно знаковым императивом для огромного количества путешествующих, руководствоваться «ценой вопроса») любое направление (и географическое и содержательное). Не важно куда, важно уехать, поехать, вырваться, переместиться из мест своего постоянного пребывания в ту зону, которая выступает дополнительной, а потому паразитирующей на основном пространстве обитания, зоной отдыха, новизны, экстрима и т.п. Я не абсолютизирую, конечно, что все так и происходит и человек, который собирается попутешествовать руководствуется лишь «ценой вопроса». Существуют различные модели дополнительности от научного туризма до служебных командировок, которые выстраиваются исходя из других императивов. Но сейчас речь идет о сфере турбизнеса и том, что с ней сочленено.

Итак, направление путешествия. Можно, конечно, в данном случае «поиграть» словами и смыслами как у Хайдеггера и выявить оригинальные ресурсы рассуждения о самом направлении: править, прав, правда. Но наш маршрут пойдет другим путем в направлении направления. Еще раз: направление. Куда? Безразлично куда. Главное – прочь, главное выйти за пределы обыденности и повседневности, т.е. как одном известном анекдоте: прямо, просто и незамысловато прямо. И современное путешествие как раз и форматируется исходя из этого императива прямо, куда-нибудь: куда пустят, куда дешевле, куда ближе, куда по датам, куда... да этих резонансов, которые заботливо собирают и объединяют поисковики и логистика турбизнеса довольно много. Но, поскольку речь идет, как правило, не о реальном эксклюзиве (тот эксклюзив, который пропагандируют различные туристические агентства – лишь проработка и освоение выпадающих их массовости секторов потребительского рынка), а о сегменте массового производства и массовой культуры, происходит не всегда видная и рефлексивно схватываемая подмена.

Рассмотрим это немного подробнее. Ситуация современного путешествия, в той или иной мере (речь идет и о так называемых индивидуальных путешественниках, которые если напрямую и не задействованы турфирмами, но все равно осваивают и реализуют те же самые культурные и экономические императивы и диспозитивы: трудно представить себе другое, если речь идет о массовой культуре, которая «все равно себя реализует» и все равно «свое возьмет») производит то, что можно зафиксировать как выветривается символизма прежней модели путешествия. Путешествие – это, традиционно, неизвестность и новация, это фигура Другого и

опасность. Все это оказывается элиминированным в ситуации современного путешествия. Как фактически выстраивалось прежде путешествие или паломничество? Это был «прыжок» в той или иной мере в неизвестность, без каких либо гарантий, это была зона неизвестного и подстерегающей отовсюду опасности, от которой невозможно полностью огородиться. Нужно было пройти по дороге, где пыль, грязь, или трястись под палящим солнцем или под пронизывающим ветром в седле и т.п. на встречу неизвестности. Можно было – ибо велики опасности для любого путешествующего – вообще не дойти.

Что же сейчас? Каждый путешествующий – а иначе через границу не всегда возможно пройти – является «счастливым» обладателем страховки, которая обеспечит ему привычный комфорт и безопасность в тех случаях, когда все же что-то приключилось. И эта обеспеченность купленной безопасностью действует даже в тех ситуациях, которые представляются по сравнению с обычным туризмом зоной экстрима. В этом отношении экстрим, как «доза адреналина», как «вспышка» на фоне обыденности и привычности – лишь высшая форма этой самой обыденности и безопасности, ибо то, что прописывается сейчас как экстрим, является не оппозицией к обычным тропам и маршрутам в индустрии туризма, а неким дополнением, необходимой прибавкой для «полноты картины», ибо обеспечивает тотальный захват туриндустрии всего, что только возможно, всего, что пожелают «господа заказчики». А потому он, экстремальный или – другая «добавка» – индивидуальный туризм, выстраивается согласно все тому же сценарию, даже если форматируется «от противного» и «противоположного».

Соответственно, то, что представляет собой современный проект путешествия (от разработки маршрута, покупки билетов и гостиниц до зарядок для различного рода гаджетов, призванных зафиксировать особо выдающиеся моменты путешествия или облегчить его) – это довольно унылый и однообразный сценарий в своих конститутивных схемах и структуре, который, конечно, бесконечно варьируется в деталях и способах реализации. Причем – и это самое главное, ибо речь идет о наиболее значащих императивах – это путешествие должно быть достаточно комфортным и по минимальной цене. Остановимся на этих двух императивах, которые дополняя друг друга, очерчивают горизонт возможностей современного путешествия.

Итак, минимальная цена. Конечно, речь не идет о том, что современный европеец или «европеизированный» космополит кластерного глобализационного мира – это тотальный скряга, только и думающий как отложить в банк любую копейку. Как раз наоборот, зона современного путешествия – это зона современного же потлача, экономически бесполезного, с точки зрения производственного процесса, мероприятия. Путешествие – это сфера растраты, избытка, изобилия, которое «вменено» в быт любого

современного европейского или американского обывателя. Конечно, воспроизводство квалифицированной рабсилы, каковой в своей массе являются трудящиеся Западного мира, несколько специфично и требует не примитивного «возлежания на диване», но активного и культурного отдыха, а потому туриндустрия как зона рекреации не только дополнительна, но и необходимо в существующей системе экономических координат. Однако эта зона рекреации выстраивается в стиле тотального потлача, который так же социально и культурно был необходим, а потому оправдан.

Но и в форме «современного потлача» путешествие всё же разворачивается в системе ценностных установок и правил буржуазного общества, отнюдь не стремящегося в массовом масштабе и бесцельно тратить с трудом заработанные массовым трудоголиком деньги. А потому здесь императивом выступает тот символ, который мы использовали как название данной статьи: лоукостер. Но что такое лоукостер и, главное, к каким следствиям приводит тотальная «лоукостеризация» турбизнеса, т.е. что выступает следствием императива лоукостера, взятого как модель выстраивания личного отдыха?

Вначале – на всякий случай – что такое лоукостер. «Заботливая» Википедия предлагает следующее определение сего феномена, с которым в целом можно согласиться:

«Бюджетная авиакомпания (другие названия – лоукостер, дискаунтер) (англ. low-cost carrier, low-cost airline, также англ. no-frills carrier, discount carrier, budget carrier) – авиакомпания, которая предлагает крайне низкую плату за проезд в обмен на отказ от большинства традиционных пассажирских услуг.

Родина концепции лоу-кост – США, откуда она распространилась в Европе в начале 1990-х и в дальнейшем во многих странах мира. Термин лоу-кост заимствован во многие языки мира из английского языка, где первоначально относился ко всем авиакомпаниям с более низкой структурой эксплуатационных расходов, чем у их конкурентов. В то время как термин лоу-кост часто применяется к любым авиакомпаниям с низкими ценами на билеты и ограниченным набором услуг, независимо от их операционных моделей, лоу-кост авиакомпании не стоит смешивать с региональными авиакомпаниями, которые работают на коротких рейсах без сервиса или с авиалиниями с полным сервисом, но ограничивающими набор услуг»¹.

Речь идет, таким образом, о бюджетном варианте перелетов, в котором для того, чтобы снизить саму цену билета, потребителю приходится расстаться с привычным набором услуг или, если он все же возжелает их получить, то получить за отдельную, отнюдь не символическую плату. Как

¹ Википедия: свободная энциклопедия.

URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бюджетная_авиакомпания (время обращения 01.04.2017)

правило, речь идет о питании на борту самолета, а также об ограничении на килограммы провоза ручной клади и багажа. Второй момент наиболее важен, ибо как раз в этом пункте мы можем нащупать «нерв» современного подхода к путешествию, т.е. то, чем оказывается современная модель путешествия.

Что такое, собственно говоря, багаж, который перемещается вместе с пассажиром? Это, конечно, вещи, и прежде всего, личные вещи, вещи личного потребления, т.е. то, что всегда было и будет зоной «своего иного» любого индивида, т.е. той сферой, в которой материализуется «эйдетическое присутствие» столь неуловимого, но и столь неустранимого нашего Я. И вот, в ситуации лоукостера нам предлагают отказаться от того, чтобы брать в путешествие это свое «материализованное» Я, его историю, его «дом», «его биографию». Все это не особенно нужно и оправдано с точки зрения как современного путешествующего, так и с точки зрения современной организации «номадоподобного» населения Западной Европы и Северной Америки.

В самом деле, зачем брать лишнее, за которое нужно еще, вдобавок, переплачивать? Все что нужно взять с собой можно купить на новом месте или это будет входить в набор предлагаемых в отелях услуг. Так оно конечно, так. Но не особенно. Конечно, в ситуации глобализации то, что ты приобретаешь у себя на экономически продвинутой родине не слишком разнится от того, что тебе предложат пускай в не столь же успешной (но зато возможно по более низкой цене без ущерба качеству) стране, где предстоит отдых. Зачем все это брать с собой, если все это доступно на месте? Но вот что главное, что все то, что «формально» лишнее может оказаться тем, что зримо очерчивает зону личного. В этом смысле именно зримо – это лишнее... Вещи, за которые нужно вносить дополнительную плату, это не просто вещи. Это зримая «биография», это зримая часть того, что маркируется как зримая часть «жизненного мира». И даже если речь идет о серийно произведенных вещах, за время своего «существования» с человеком они приобретают тот символический, биографический, личностный колорит, в котором нам не только привычно или комфортно, но и в котором укоренено и зримо представлено наше Я.

Без сомнения, современная глобализация стремится выстроить, особенно в зонах рекреации, один и тот же уют и комфорт. Она же, глобализация делает бессмысленными индивидуальные вещи, заменяя их одноразовыми и безличностными предметами, мгновенно потребляемыми и исчезающими. Не существует, таким образом, экономически оправданного смысла того, чтобы брать их с собой, затрачивая на это дополнительные деньги и, к тому же, затрачивая вполне ощутимые дополнительные физические нагрузки. Вроде никакого смысла в этом нет.

Но что получается в результате? Конечно, путешествие всегда сочленено с фигурой Иного, в том числе иного места и иного «жизненного

мира», который можно выстроить на новом месте. Это с одной стороны. С другой стороны, то, что предлагается в «результате» – набор услуг, дизайн помещений, «стекло и кондиционер», закрывающие доступ к иной реальности и т.п. – ничем не отличается от того мира, откуда приехал отдыхающий. А потому, новации – нет, но, главное, нет той зоны личности, индивидуальности, которая «походя» проступает в тех вещах, которые уже сжились с нами и стали частью нашего жизненного мира. Иными словами то, что предлагается в результате «действия» императива лоукостера – это утрата себя. Ты приезжаешь не к себе, который новый, но к себе, которого нет. Ты повсюду – как зона сборки глобализационной машины – и, одновременно, тебя нигде нет. Вместо «рекламируемой» турбизнесом зоны Иного, путешествующий «среднестатистически» получает зону того потлача, где реальным «объектом уничтожения» выступают не столько и не столько современным сериальные вещи (их, в конце концов, можно всегда купить-заменить такими же безличными и сериальными предметами), но сама идентичность Я.

Что, таким образом, получается? Ты приезжаешь к себе, которого нет. Ты приезжаешь в том место, где тебя нет, где нет Иного, где нет риска, где нет того, за чем чаще всего реализовывался проект современного путешествия: перемены. Здесь, в системе, которая откликается и выстраивается императивом лоукостера (в той или иной степени или в той или иной мере, понятно) нет перемен, а значит, нет и самого путешествия. Зато есть потлач собственного Я, осуществляемый по минимальной цене, с набором минимальных услуг.

С.В. Шачин
ФБГОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

**ЖИЗНЬ В ДОМЕ И ДВИЖЕНИЕ ПО ДОРОГАМ КАК ДВА
СПОСОБА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ:
ОПЫТ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО УГЛУБЛЕНИЯ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ**

***Аннотация.** Статья описывает две экзистенциальные характеристики человека, данные в статье немецкой философа Карен Джойстен: жизнь в доме и движение по дорогам. Каждая из этих характеристик рассматривается феноменологически. Дialeктическое углубление этих характеристик заключается в перемене местами содержания этих противоположностей с целью определения новых ориентиров в условиях кризиса субъективности и интерсубъективности. В результате в жизни в доме присутствует момент движения по дорогам и наоборот.*

***Ключевые слова.** Жизнь в доме, движение по дорогам, кризис субъективности и интерсубъективности, новые ориентиры пути, смысл жизни.*

S.V. Shachin
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

**LIFE IN THE HOUSE AND THE TRAFFIC
ON THE ROADS AS TWO WAYS OF HUMAN EXISTENCE:
THE EXPERIENCE OF THE DIALECTICAL DEEPENING
OF EXISTENTIAL PHENOMENOLOGY**

***Abstract.** This article describes two existential human characteristics is given in the article of German wide-philosopher Karen Joisten: life at home, and traffic on the roads. Each of these characteristics is considered phenomenological. Dialectical deepening of these characteristics is to change places of these opposites to define new reference point in the crisis of subjectivity and intersubjectivity. As a result, in the life at home present the moment of the traffic on the roads, and vice versa.*

***Key words.** Life at home, the movement on the roads, the crisis of subjectivity and intersubjectivity, new references of the way, the meaning of life.*

Если в условиях нормального состояния социального мира в философии акцентируется субъективность человека (каждый из нас – активный субъект, способный инициировать изменения в мире в соответствии с нашим жизненным проектом, индивидуальным или коллективным, если, ко-

нечно, сумеет познать природный и социальный мир и поставить себе на службу основные процессы в нём, к ним приспособившись), то в условиях кризиса на первое место выходят размышления о конечности человека и ненадёжности всех его начинаний. Оказывается, что конкретный человек не в состоянии вынести бесконечный субъект, причём ещё надо учитывать, что субъект-то нельзя приватизировать, он всегда предполагает множество других разумных существ, с которыми каждый человек связан на глубинном, онтологическом уровне. На самом деле кризис проистекает именно оттуда: из расстраивания связей между субъектами в силу того, что каждый из них начинает дезинтегрироваться, распадаться на изолированные моменты, превращаться во что-то нереальное. Если известна дорога, обустроено человеческое со-бытие, то не так уж и сложно в философском отношении сначала показать взаимосвязь между человеком и субъектом, а потом – между изолированным субъектом и intersубъективностью. Тут надо исследовать определённые формы человеческого существования, которые выражают бесконечное самосознание в конечном разумном существе, например, присутствие, свобода воли, самоопределение и т.п., а потом указать на интеллигибельный мир, нравственное законодательство, сферу объективных ценностей, способность суждения, воображение, экзистенциальную коммуникацию и другие бытийственные возможности и творческие способности человека, благодаря которым он вступает в диалог с другими я и возвращается к самому себе в качестве «другого я». Но что делать в условиях, когда идти-то некуда, ибо сам путь пропадает в тумане, и люди не только не знают, куда они движутся, но даже и то, что они являются субъектами?¹ Какой смысл имеют все рассуждения о доме, ибо непонятно, кто в нём по-настоящему хозяин? Насколько можно положиться на отношения диалогичности, если связи с другими субъектами всё больше разрываются по мере того, как пропадают как раз те творческие силы, которые связывали человека с субъектом? Например, к коммуникации человек оказывается мало способен, ибо сообщить принципиально нового другим он не может, все становятся всё больше похожими друг на друга, а всё непохожее оказывается изолированным и исторгнутым вовне, в область неосмысленного; нравственный поступок, ориентированный на внесение в мир нового смысла, оказывается идущим в пустоту, так как эти смыслы не входят в самосознание, а остаются как бы в потенциальном состоянии; способность суждения лишается объективных критериев и низводится до чистой случайности или произвола; воображение становится плоским и уходит в мельтешение внешних впечатлений со стремлением к новизне любой ценой вместо проникновения в суть бытия как потенциальной со-

¹ См. напр.: Wagner P. Versuch, das Endspiel zu verstehen: Kapitalismusanalyse als Gesellschaftstheorie. // Dialektik der Freiheit: Frankfurter Adorno-Konferenz 2003. / Hrsg. von Axel Honneth. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2005. S. 205–207. (Der ganze Artikel: S. 205–235.)

кровищнице новых смыслов и т.п. То есть как вообще возможен субъект в условиях кризиса интерсубъективного мира?

Однако очевидно, что как раз такая ситуация и ставит философию на карту: либо она будет в состоянии снова провести работу по определению бесконечного смысла, доступного конечному существу – человеку, либо она изменит своей творческой сверхзадаче и потому будет устранена в пользу чего-то иного (например, религии, искусства или кибернетики). Философия никогда не пряталась от реальности, а мужественно смотрела ей в лицо и могла противопоставить бесконечному напору реальности только усилие мысли, такой же бесконечной в своей потенциальности. То есть философия должна заново продумать категории конечности и бесконечности, не в статике их взаимоотношений в ситуации нормальности, а в динамике необратимых изменений в самом человеческом бытии. При этом философия всегда антропологична, то есть она обращена к человеческому бытию, чтобы найти в нём именно человеческий смысл. И, наконец, в ситуации изменений она должна быть диалектична, чтобы увидеть не только угрозы, но и новые возможности: если субъект бесконечен, а человек конечен, то человек или сможет по-новому вместить в себе бесконечность и тем самым стать ближе к себе подлинному, или утратит её, а тогда ослабит и свою разумность и будет жить как зомби в мире с нарастающими катастрофическими процессами...

Именно такой сверхзадаче отвечает та характеристика человека, которую даёт немецкая философ из университета Майнца Карен Джойстен в книге «Философия Родины – Родина философии»¹, по материалам которой она написала статью, побуждающую нас к самостоятельным размышлениям². Итак, цитата: «Человек – это разделённое надвое существо, в котором обе стороны его самости противоречат друг другу. Соответственно ему присуща двойная структура, для которой конститутивны жизнь в доме и движение, связывание себя и ориентирование на что-то. Эта структура конфликтна в самой себе, так как обе неразрывно связанные друг с другом стороны сущности человека противоположны друг другу. В то время как жизнь в доме выражает способность человека к домашнему бытию, благодаря которой он может, почуяв свои тенденции, найти свою колею, движение указывает на его способность быть в дороге, благодаря которой человеку возможно, сохраняя как бы у себя за спиной своё бытие связанности, отправиться в мир по проторенным и непроторенным дорогам. Например, человек может бродить на природе, пойти или поехать по улице, облететь

¹ Joisten K. Philosophie der Heimat – Heimat der Philosophie. Berlin: Akademie-Verlag, 2003. 369 S. См.: <https://www.degruyter.com/viewbooktoc/product/213641> (файлы „Frontmatter“ und „Inhaltsverzeichnis“) (дата обращения 05.11.2016)

² Joisten K. Das Haus, die Tür und die Wege: Toleranzen des Menschen zwischen drinnen und draußen. // Studia hermeneutica. Neue Folge. Band 1: Toleranz, Pluralismus, Lebenswelt. Berlin: Parerga-Verlag, 2004. S. 111–133.

на самолёте мир или погрузиться в Интернет. Каждая из этих дорог отвечает за специфический способ, которым человек относится к миру и его узнаёт. Смотри отсюда, человек неустанно движется между направлениями вовнутрь и наружу, и он может совершать неустанные поиски подлинной середины, стремясь выдержать напряжение между этими обоими сторонами своей сущности»¹.

Карен Джойстен при описании диалектики сущности человека акцентирует противоречие между двумя сторонами человека, в то время как дополнительность этих противоречий не констатируется изначально, а предоставляется усилиям самого человека в качестве задачи, которую необходимо решать каждому и каждый раз заново в конкретных условиях жизни. Тем самым Джойстен выражает специфику гуманитарного знания вообще, которая заключается в том, что без *усилий* самого человека невозможно достижение состояния, превосходящего в качестве нормального. Ведь человек всегда – существо незавершённое, и ему требуется высокая пластичность и способность к концентрации, которые должны быть выражены в его реальных действиях, чтобы обрести самого себя в единстве своих диалектически-дополняющих сторон.

Приведём конкретные мысли немецкого философа относительно каждой из этих сторон человека. Дом – это место, которое интимно близко человеку, где везде выражается его субъективность при организации жилого пространства, при определении темпа и даже характера течения времени, где живут вместе с ним самые близкие ему люди, оказавшие воздействие на него в процессе социализации или те, с кем он разделяет свою жизнь. Человек воплощает в своей жизни в доме свою тенденцию связывания себя, которая выражается в фундаментальных феноменах защищённости, покоя и доверия.²

Что касается категории защищённости, то она выражает связь между конечным и бесконечным, то есть тот способ, которым бесконечный в своих возможностях и способностях субъект входит в ограниченный мир и тем самым осваивает какой-то участок пространства, оставаясь верным самому себе. Здесь имеется в виду, что в мире у каждого из нас всегда имеется неотъемлемо присущее нам место, находясь в котором, мы будем испытывать гармонию в себе и во взаимоотношениях с миром в целом. Пусть это пространство ограничено, но каждый человек может так повлиять на него, чтобы оно в целом и находящиеся там предметы в частности несли бы на себе какой-то отпечаток его неповторимой субъективности. С другой стороны, в защищённости выражается способность человека разрешить противоречие между двумя способами своего существования в пользу связывания самого себя (а не в пользу движения по дорогам). Поэтому

¹ Joisten K. Das Haus, die Tür und die Wege... S. 112. Перевод автора статьи.

² О домашней стороне человека: Joisten K. Das Haus... S. 113–116.

только тот, кто сумел создать защищённое пространство, сможет успокоиться в процессе постоянного движения; и всё движение можно рассматривать как такое, которое рано или поздно должно привести к какому-то пространству защищённости, причём у каждого человека оно будет своим.¹

Другая категория – категория покоя – может рассматриваться как выражение свойственного человеку в домашнем бытии своеобразного отношения ко времени. Оно теперь будет течь не объективным образом, то есть так, чтобы извне определять темп жизни, характер деятельности, обязанности человека по отношению к другим в рамках институциональных практик, а таким образом, чтобы человек смог бы сам и по-своему распорядиться этим времени хотя бы в каких-то пределах. Человек может расположиться в глубоком и удобном кресле и очистить своё сознание от того, что он принёс с собой извне при движении по разнообразным дорогам. Человек может оживить своё прошлое, и оно заговорит с ним языком различных предметов, которые лежат в шкафах, стоят на полках или запечатлено в картинах, или фотографиях, или на изображениях, в том числе и в компьютере, чтобы лучше понять смысл своего субъективного жизненного проекта или целостность своей жизненной истории. Точно так же он может понять или актуализировать смысл своего будущего как того временного модуса, которое ещё не совершено, но которое может быть осуществлено благодаря его собственным усилиям, то есть будущее может зависеть также и от самого человека (а не является продуктом безраздельного сцепления причинно-следственных связей).²

Наконец, отношение к другим людям предполагает вынесение человеком опять-таки разных способов своего бытия – интересубъективного и индивидуально-субъективного. Всегда имеется возможность разрыва между ними, что приведёт к разорванности сущности человека. Но только те из других людей, приходящих в дом извне, кто будет ощущать индивидуально-личностные тенденции хозяина дома или квартиры в организации пространства и неповторимые ритмы его субъективного времени, могут быть допущены вовнутрь. Если же от другого человека, стоящего на пороге дома, будет исходить угроза навязывания хозяину дома своего (т.е. пришлеца) способа бытия или своего собственного времени, то он не будет впущен; а если непрошенный гость начнёт бесцеремонно возиться в вещах хозяина, присваивать их или же осмелится покуситься на предметы, благодаря которым хозяин дома может испытать покой и умиротворённость (например, кресло или кровать), то он будет изгнан, коли уж он туда войдёт. Именно этот разрыв между «я» и «другим я» в пространстве домашней стороны человека, до тех пор, пока он может быть им вынесен, и обо-

¹ О защищённости человека: Ibidem. S. 117–118.

² О категории покоя: Ibidem. S. 118–119.

значается категорией толерантности. Она отмечает тот уровень, в соответствии с которым живущий в доме человек может допустить, чтобы его дом был бы упорядочен по логике того, что находится вовне, или размер того внешнего, что пока ещё может впустить вовнутрь хозяин дома. Естественно, у каждого человека такой уровень свой, и также многое зависит от гостя, насколько он относится к людям, интимно близким хозяину дома (последнему, конечно, может дозволяться то, что не позволено чужаку).¹

Таковы три категории, с помощью которых Карен Джойстен описывает домашнюю сторону каждого человека, чтобы затем сравнить её с динамичной стороной. Нам осталось проверить, насколько этот подход работает в условиях кризиса не просто человеческого мира, но и кризиса самой субъективности и интересубъективности (как следствие первого). Мы постоянно наталкиваемся на границы этого подхода: например, если человек столкнётся с такими ситуациями за порогом его дома, которые не оставят места для проявления его свободы, для творческой самореализации, то он вынужден будет впустить в дом всё то, что может и разрушить защищённость, и нарушить течение индивидуального времени (подчинив его логике времени коллективного). Тогда разрыв между я и другим я может разрастись до таких размеров, что может грозить исчезновение самого я и его растворение в некоем я коллективном (которое чаще всего является псевдо-я, продуктом массовой манипуляции и массовой растерянности в условиях кризиса). И у человека остаются две возможности: либо покинуть свой дом и оказаться в ситуации вечного кочевника, нигде надолго не укореняющегося и даже не понимающего, каким образом можно рассчитывать на какие-то устойчивые связи с другими, на какую-то защищённость и покой и т.п. Либо – вторая возможность: человек будет вынужден запереться в своём собственном доме и остаться в нём изолированным по отношению к быстро меняющимся процессам снаружи, которые он рассматривает как для себя разрушительные, до тех пор, пока у него будет достаточно средств, чтобы выдержать осаду реальности. То есть если человек не сумеет найти приемлемое равновесие между домашней и дорожной стороной своего существа, между связыванием самого себя и ориентированием на что-то, то он окажется несоответствующим своей задаче, которая как раз и состоит в стремлении к обретению гармонии. А тогда связь между человеком и субъектом всё больше начнёт разрываться, и его способности будут всё больше «зарываться в землю», говоря образным языком.

Но, может быть, выход будет найден как раз не в стремлении к затушёвыванию этого конфликта, а через его максимальное обострение? Это предполагает вовсе не снятие границ между домом и окружающим миром, в результате чего человек окажется неприкаянным кочевником, и не по-

¹ О категории доверия: Ibidem. S. 119–120. О вырастающей отсюда проблеме толерантности: Ibidem. S. 120–123.

стоянные движения в сторону места работы и обратно, в результате которых у человека будет оставаться только один выходной день на то, чтобы элементарно отоспаться, а другое состояние: человек может пребывать в постоянных разъездах для того, чтобы уже там, куда он едет, творчески проявить свою субъективность. Такие места, куда будут притягиваться близкие по духу другие, могут привести к эпизодическим опытам глубоинной коммуникации, причём именно в созвучии своих мыслей, переживаний, своего духовного состояния с тем же самым у других людей человек сможет расслышать мотивы иного рода защищённости, чем та, которая им ощущается только в его собственном доме. Защищённым можно стать потому, что ты оказываешься вместе с другими, и для того, чтобы найти таких близких тебе людей, можно совершать путешествия (причём как физически в пространстве, так и виртуально, с использованием возможностей разного рода сетей). Карен Джойстен права в своём обосновании, так сказать, субъективной стороны защищённости, но не учла, что у последней может быть и интересубъективная сторона. Как в дальнейшем будет развит этот опыт созвучия и возникающего отсюда сотрудничества, предсказать невозможно до совершения этих опытов. Однако очевидно, что сам человек будет хранить в своём доме свидетельства о таких опытах, испытанных им за пределами дома, и дом тем самым будет наполнен не такими вещами, как те, что можно купить в магазинах, как у большинства людей, мало выезжавших, а теми, которые действительно будут проявлять его субъективность в том смысле, что у человека есть неповторимый жизненный путь в совокупности тех дорог, что он прошёл вместе с другими. Эти предметы можно получить, только находясь в пути.

Так же и покой можно будет испытать не только через пребывание в неподвижности, а в моменты высшего напряжения деятельности, когда испытывается описанное созвучие, когда понимаешь, что дело, которым ты занимаешься, кому-то нужно, а также понимаешь, что и ты можешь другим помочь в том, что касается роста их субъективности. Время начнёт по-особому течь у человека не только в его доме, но и на таких встречах в пространстве глубоинной коммуникации, а отсюда могут быть выходы на философское обоснование особого коммуникативного пространства и времени, в котором каждый человек обогащается переживанием своеобразного покоя в интенсивной деятельности. И встреча с другим будет совершаться не на пороге своего дома, а там, где сама логика общения породит публичное пространство, что будет отличаться от «обычных» рабочих мест, где происходит только мимолётное общение в рамках институциональных правил, а будет подразумевать взаимное обогащение и сотрудничество при осуществлении коллективной цели или разрешении сложной задачи. Таким образом, если мы попробуем впустить путь в дом и увидеть в доме уже пройденный и будущий путь, то появятся новые смыслы как ориентиры для человека в условиях кризиса, когда из-под ног уходят при-

вычные формы межличностных отношений и дезинтегрируется привычная форма субъективности. Но только тот сможет найти эти смыслы, кто отправится за ними в путь... Тем самым мы переходим ко второй стороне человека – к его способности к движению по дорогам.

Карен Джойстен связывает её с всеобщей изменчивостью мира и невозможностью человека охватить всё пространство и всё время мира своим пониманием и своей волей. Динамичное в существе человека обусловлено необходимостью каждый раз по-новому действовать в контексте изменившейся ситуации, при необходимости меняя свою точку зрения и ориентиров. Конечно, всё это не отменяет и пространственные перемещения, которых может быть множество: хромающая походка и танцы, бродяжничество и йогические упражнения, бег или спокойная прогулка; а также движение к определённой цели по улице вместе со всеми остальными, например, к супермаркету за покупками. Цитата: «Человек открывает своё пространство не единственным способом, но в многообразии и в широком диапазоне дорог, в которых каждый раз воплощается специфический способ движения. Каждая из этих дорог тем самым показывает, каким образом человек выражает движимое своего бытия в определённых взаимодействиях с пространством, что означает – обнаруживает, каким образом он сам испытывает и истолковывает пространство в ходе его преодоления, т.е. как природное пространство, пространство улицы или виртуальной сети»¹. При этом немецкий философ указывает на, по её мнению, основные дороги: прогулки на природе, ходьба и поездка по улице, путешествие на каком-то транспорте, от поезда до самолёта, и погружение в виртуальные сети. Самым распространённым она считает движение по улице, поскольку оно наиболее упорядочено социальными нормами.

При этом улица сама как бы движет всех к определённой цели, а именно, создаёт такие условия, чтобы пустое пространство наиболее быстро преодолевалось с максимальной экономией времени. Каждый участник движения по улице должен как можно лучше понять темп и ритм движения остальных участников, как можно быстрее и чётче приспособиться к нему и как можно лучше соблюдать социальные нормы, регулирующие движение (например, правила дорожного движения), чтобы не только самому попасть куда ему надо и вовремя, но и дать это сделать другим с минимально затраченными на дорогу усилиями. Поэтому движение по улице стремится к автоматизму природного процесса, и если попытаться подходить к нему с рефлексивных позиций, не выходя при этом из потока движения, то неизбежно возникает «спотыкание», то есть помеха в любом отношении. Интересно, что движение по улице допускает появление таких кратковременных помех, так как они свидетельствуют тоже о происходящей в этом квази-природном процессе самоорганизации: скажем, если

¹ Joisten K. Das Haus, die Tür und die Wege... S. 124. Перевод автора статьи.

слишком много двигающихся сосредотачивается в ограниченном пространстве, то неизбежно увеличение числа и продолжительности подобного рода заминок. Однако во время движения по улице нельзя сознательно чинить препятствия потоку в целом и каждому из движущихся как элементам потока: даже если происходят мимолётные встречи, то можно только скользнуть глазами по лицам друг друга и коротко поприветствовать, чтобы потом быстро разбежаться или разъехаться дальше по своим делам. Человек, который посреди потока перемещающихся по улице начнёт высматривать какие-то достопримечательности или искать какой-то встречи, станет восприниматься как странный, а если он тем самым начнёт чинить препятствия, то он натолкнётся на границы толерантности.

Только один вариант разговора допускает движение по улице: короткий вопрос новичка относительно пути до такого-то целевого пункта и объяснение ему дороги; другими словами, те опытные участники потока, которые уже хорошо приспособлены к нему, помогают новым членам стать такими же элементами дорожного движения или ходьбы по тротуарам. Получается, что чем меньше рефлексии, тем лучше движущимся человеком находится своё место в бытии движения по улице. Такая форма бытия личности как раз противоположна той форме, что предполагает жизнь в доме: если в последнем случае человек на всё накладывает отпечаток своей субъективности, то в первом случае ему приходится как бы максимальным образом растворяться в коллективном я и снова собираться воедино только в тот момент, когда он достигает цели, после чего ему приходится совершать движение в обратную сторону, к своему собственному дому. Время, которое тут проживается, оказывается всеобщим и также ничьим: оно течёт объективно, независимо от участников движения, вообще как бы воплощает коллективную волю к максимально экономному и эффективному преодолению пространства, а потому представляет собой отрицание субъективного времени; когда же человек возвращается домой и переступает порог своего дома, то имеет место своего рода отрицание отрицания, «недостаток недостатка» (впрочем, эту интересную мысль Джойстен в данном тексте далее не развивает). Вообще с позиции домашней стороны человеческого существа, протекание времени в движении предполагает потерю содержания, как бы движение в пустоту, а вот пребывание в доме подразумевает время, наполненное субъективностью и потому содержательное.¹

Для творческого продолжения идей Карен Джойстен и применения их к кризису социального мира мы должны подвергнуть сомнению некоторые её характеристики дороги: дело в том, что у неё получается дорога как что-то несамостоятельное, подчинённое какой-то определённой цели,

¹ О движении по улице как образцовой форме движения человека по дороге см.: Joisten K. Das Haus, die Tür und die Wege... S. 124–129. Пересказ автора.

которую ставит человек, пребывая в своём доме. В любом случае в деловой жизни, во время покупок или в жизни частной, предполагающей отдых вне дома, человек, осуществив свои стремления, возвращается домой, и потому «домашность» становится главной характеристикой человека, а полноценной диалектики не получается. Мы развернём эту диалектику, если поймём для начала простую вещь: мы передвигаемся к определённой цели не в пустом пространстве, а в пространстве, где находятся дома других людей, каждый из которых воспринимает и понимает мир исходя из своей точки зрения. Поэтому для него мы как движущиеся предстаём неким природным процессом, однако для нас в процессе движения открывается шанс выйти из-за границ своего ограниченного субъективного самосознания, если мы поймём хотя бы потенциально, какое богатство жизненных миров других субъектов мы оставляем рядом с собой и позади себя в процессе нашего движения. Мы не можем воспринять ни один из них, если только мы не продвигаемся мимо знакомых мест, с которыми мы связаны определёнными жизненными впечатлениями (тогда путь оказывается сопряжён с чувством приближения к дому или удаления от него, наподобие полей с постепенно усиливающимися или ослабевающими силовыми линиями). Однако даже если мы двигаемся по совершенно не знакомым нам местам, мы всё равно можем воспринять некое единство результатов согласованной деятельности огромного количества людей. Например, мы можем увидеть городскую среду в целом и ощутить в её пространственной структуре и в её художественном содержании выражение внутреннего мира человеческих коллективов, живущих в определённом сообществе, причём на каждого конкретного человека этот коллективный внутренний мир будет накладывать как бы свой собственный отпечаток. Особенно хорошо это видно откуда-нибудь сверху, из самолёта, когда мы пролетаем над сияющим городом и понимаем, какое невообразимое количество внутренних миров других людей находится там, под нами. Мы можем рассматривать дорогу как доказательство необходимости не останавливаться на достигнутом в нашем поиске самих себя, в процессе самоосуществления в жизни, потому что мы ещё очень далеки от того, чтобы суметь вобрать в свою содержание жизненного мира других, с которыми нас связывает хотя бы наше эстетическое переживание. И новые неповторимые впечатления, которые мы получаем за окном поезда, машины или за иллюминатором самолёта, будут своей непрерывной новизной вырывать нас из окостенелой стабильности, а также будут постоянно доставлять нам красивые виды неожиданными для нас сочетаниями, причём большую роль в этом будет играть и природа в единстве с миром людей, который так или иначе в природу вписан и с ней соотнесён. Эти виды за окном будут пробуждать в нас некую глубинную память, более древнюю, чем наш ограниченный опыт сознательного существования. Тем самым мы поймём, что наше субъективное самосознание глубже, чем те сознательные содержания, которые

мы получаем в процессе нашей жизни в результате взаимодействия чувственных восприятий и рассудочных категорий. Мы убедимся тем самым в том, что корни каждого из нас как индивидуальных субъектов уходят в интерсубъективность. Пожалуй, именно вдумчивое переживание дороги и позволит пробудить в нас кантовскую разумную идею о целостности бытия, потому что наш путь, каким бы он ни был бы длинным или коротким, есть посильное нам продвижение в огромность бытия. Конечно, нам как конечным существам не дано переживание или осмысление бесконечности, но мы можем на уровне возвышенного воспринять величие мира за пределами нашего субъективного опыта. А отсюда из пространственных перемещений мы сможем вернуться с позицией углубления в самих себя, точнее, в свои интерсубъективные истоки, и именно поэтому-то немцы и говорят: „Reisen bildet“ (путешествие образовывает).

Кризис социального мира и ослабление способностей субъектов, вплоть до дезинтеграции этих способностей, ведёт к тому, что описанный здесь опыт всё больше рассеивается, что сама по себе дорога начинает занимать такое количество субъективных сил, что у человека уже не остаётся энергии углубиться в самого себя и задуматься в тот период свободного времени, когда он ещё находится в пути. Однако у человека всё-таки остаётся при этом шанс обратить недостатки в свою противоположность, например, использовать моменты вынужденного простоя в дороге вследствие рассогласования движения для того, чтобы бросить хотя бы мгновенный взгляд в сторону и увидеть, насколько огромен мир за пределами того, что ему открыто в его переживаниях, восприятиях и осмыслениях. Получается, что обе стороны человека – домашняя и дорожная – как бы на время могут поменяться местами, и в пути человек может ощутить себя как дома, в том пространстве, которое есть вокруг него движущегося, будь то салон автомобиля, или кресло самолёта, купе поезда и пр. Как раз в моменты простоя в движении это мимолётное ощущение может прийти к человеку лучше всего, поскольку простой ещё хранит в себе ритм движения, и его участники готовы двинуться дальше, как только представится возможность, и вот это ожидание и движет человека за свои границы и в то же время ориентирует его организовать пространство пути по-своему, находя новые, необычные маршруты. В то же время человек, который много находится в дороге, имеет больше шансов встретить там других людей, близких по духу, вступить с ними в глубинную коммуникацию и организовать тем самым сознательную интерсубъективность – несомненно, более глубокую, чем то пока ещё интуитивное понимание возможности такой интерсубъективности, которое к нам приходит при размышлениях о жизненных мирах других людей, мимо которых мы проезжаем или пролетаем. И именно в этом смысле город – это люди, а не дома и не небоскрёбы: от потенциальной интерсубъективности мы можем перейти к интерсубъективности актуальной. Именно поэтому нас так притягивают к себе впечатления путеше-

ственников, а их дома свидетельствуют о значительно более богатой субъективности, чем дома оседлых людей. Мы станем более домашними, если мы усилим нашу сторону себя движущихся; и мы в процессе движения также может ощутить себя домашними, но уже по-иному, не так, как в нашем собственном доме, и потому найти в самом движении некий высший динамический покой.

Вот такая диалектика может творчески продолжить экзистенциальную феноменологию Карен Джойстен и даже указать нам на путь обретения новых ценностей в условиях кризиса: для этого мы должны чаще отправляться в дорогу, ибо кризис расторгает многие социальные связи, которые привязывали нас к жёстким социальным структурам, привычным формам и способам деятельности. В дороге мы можем найти что-то новое, неопределённое, и тем самым на это новое может отозваться резонансом какая-то, новая неизвестная нам самим, способность в нас как субъектах. То есть в кризис само бытие заставляет нас жить по-новому, на что мы не всегда оказываемся способными, желая начать жизнь, например, с понедельника. Но для этого мы должны отдаться динамической диалектике домашней и дорожной сторон человека, а не подчинять путь оседлости или же не считать всех кочевниками, сорванными кризисом с места. Надо уезжать далеко, но возвращаться всё равно к дому, как это сделал когда-то Одиссей... И выход из кризиса будет завершением такой Одиссеи уже на коллективном уровне интерсубъективности...

Список литературы

1. Joisten K. Das Haus, die Tür und die Wege: Toleranzen des Menschen zwischen drinnen und draußen // *Studia hermeneutica. Neue Folge. Band 1: Toleranz, Pluralismus, Lebenswelt.* Berlin: Parerga-Verlag, 2004. S. 111–133.
2. Joisten K. *Philosophie der Heimat – Heimat der Philosophie.* Berlin: Akademie-Verlag, 2003. 369 S. URL: <https://www.degruyter.com/viewbooktoc/product/213641> (файлы „Frontmatter“ und „Inhaltsverzeichnis“) (дата обращения: 05.11.2016).
3. Wagner P. Versuch, das Endspiel zu verstehen: Kapitalismusanalyse als Gesellschaftstheorie// *Dialektik der Freiheit: Frankfurter Adorno-Konferenz 2003 / Hrsg. von Axel Honneth.* Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2005. Der ganze Artikel: S. 205–235.

В.Р. Цылёв
ФГБОУ ВО «Мурманский Арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Аннотация. В статье рассматривается, в какой степени физиологические особенности организма человека определяют его жизненный путь. Анализ проводится с опорой на основные принципы теории деятельности С.Л. Рубинштейна. Сделан вывод о том, что возможности развития человека в большой степени детерминированы его природой, хотя при этом его природа имеет значительный потенциал изменения в зависимости от конкретных условий жизнедеятельности. Детерминация жизненного пути человека его природой является большим недостатком в современном мировоззрении, т.к. нарушает права человека на равенство возможностей, но считается необходимым и важным принципом устройства мира в системе органического мировоззрения.

Ключевые слова. Природа человека, теория деятельности, органическое мировоззрение, равенство людей, судьба человека.

V.R. Tsylev
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

HUMAN NATURE AS A FACTOR OF THE COURSE OF LIFE

Abstract. The article examines the extent to which the physiological characteristics of the human body determine his course of life. The analysis is based on basic principles of the activity theory of S. Rubinstein. It is concluded that the possibility of human development is largely determined by his nature. And its nature depends on the specific living conditions. Determination of human life course of his nature is a big disadvantage in the modern world view, because It violates the human right to equality of opportunity. At the same time, this determination is considered necessary and important principle of world order in the organic world view system.

Key words. Human nature, activity theory, the organic world view, equality of people, human destiny.

Свобода выбора и судьба, предопределенность – это две стороны жизненного пути человека, противостояние которых является одной из вечно обсуждаемых философских проблем. Насколько человек свободен в выборе своего жизненного пути? С одной стороны считается, что человек – сам творец своей судьбы, и именно на это мы ориентируем своих детей при воспитании (говорим, что их будущее зависит от них), а с другой сто-

роны, наверное, очевидно, что далеко не каждый человек может стать президентом, как бы он этого ни желал. Где проходит граница свободы выбора и предопределенности в жизни человека?

Для анализа возможностей психического развития человека обратимся к теории развития психики С.Л. Рубинштейна. В своих работах известный российский психолог в полном согласии с основными принципами теории деятельности показывает, что все особенности развития человека определяются условиями его жизнедеятельности. Соответственно, в человеке развивается то, что необходимо востребуется содержанием и особенностями организации деятельности, которую он выполняет.¹ Поэтому чем более сложную деятельность выполняет человек, тем больше способностей у него развивается. Второй важный принцип теории деятельности Рубинштейна – принцип психофизиологического единства – утверждает, что психические способности человека по мере их усвоения закрепляются на физиологическом уровне, сопровождаясь соответствующими изменениями морфоструктуры головного мозга.² Таки образом, психическое развитие человека сопровождается изменением самой его природы. После того, как усваиваемая способность закрепляется на физиологическом уровне, она становится частью человека, и осуществление деятельности на основе этой способности становится привычным и естественным. Научившись есть ложкой, ребенок уже легко пользуется ей без дополнительного сознательного контроля.

Тогда, казалось бы, под любую деятельность можно усвоить набор способностей, изменив свою природу³, и успешно ее выполнять. Но принцип психофизиологического единства имеет и обратную сторону, так как показывает ограниченность возможностей человека его уже имеющейся природой в выполнении деятельности в каждый конкретный момент, поскольку изменение природы под новые способности является длительным процессом. И чем более сложный комплекс способностей нужно усвоить человеку, тем больше времени для этого требуется. Так, например, можно научиться поднимать 100 кг, но для этого начинать надо с 10 кг, и постепенно повышать вес по мере нарастания мышечной массы. Нарастание мышечной массы – это, по сути, изменение природы человека под выполняемую деятельность. Тот же принцип реализуется и при усвоении способностей: каждая новая должна опираться на ранее усвоенные и уже закрепленные на физиологическом уровне. Человек имеет некий диапазон свободы в выполнении деятельности, которая еще не подкреплена усвоенными способностями, с помощью сознательного контроля, но этот диапазон очень небольшой, это его зона ближайшего развития, которая опирает-

¹ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 98.

² Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. С. 197.

³ Под природой человека в статье понимаются все особенности физиологического строения его организма, определяющие спектр возможностей его жизнедеятельности.

ся на его уже существующую природу. Соответственно, каждый человек в каждый конкретный момент своего бытия может выполнять только определенный набор деятельностей, подкрепленный его природой. Он может усваивать новые способности и меняться в выбранном направлении, но это изменение осуществляется достаточно медленно и постепенно с опорой на его изменяющуюся природу. Именно по этой причине развитие способностей имеет определенные ограничения, обусловленные природой конкретного человека: далеко не каждый ребенок может стать чемпионом мира по тяжелой атлетике, для этого ему изначально нужно иметь подходящие данные, определенную природу.

Различие природы людей хорошо видно при работе психологов и педагогов с детьми. Дети рождаются с различными возможностями к усвоению разных способностей: одним легко дается что-то одно, другим – другое. Поскольку в нашем обществе требования к развитию детей нормированы, и все они к определенному возрасту должны усвоить определенный набор способностей, то обеспечение одинакового развития детей является большой проблемой. Особенно остро эта проблема встает в детских садах и в школе, когда все дети должны усвоить одинаковую программу обучения. Эта программа одним детям дается достаточно легко, а для других оказывается непосильной, и для ее усвоения детям нужно оказывать большую дополнительную помощь, которая далеко не всегда оказывается эффективной. Фактически при поступлении в школу дети оказываются подготовленным к обучению в разной степени, и для них являются оптимальными условия обучения в разных классах, которые в большей степени соответствуют их природе.¹

Возникает вопрос, откуда у детей берется эта разная природа? Проблемы детей часто обуславливаются особенностями самочувствия матери во время беременности, особенностями протекания родов, условиями воспитания и развития в младенческом возрасте и т.п., т.е. всем тем, что связано с условиями развития организма ребенка. Но есть и еще одна причина, которую можно вывести из теории деятельности С.Л. Рубинштейна, и которая подтверждается современными исследованиями эпигенетики: природа детей во многом определяется природой их родителей. Согласно С.Л. Рубинштейну, способности детей «имеют органические, наследственно закрепленные предпосылки для их развития в виде задатков. Люди от рождения бывают наделены различными задатками, хотя различия эти не так велики <...> Различия между людьми в задатках заключаются, прежде всего, в прирожденных особенностях их нервно-мозгового аппарата – в анатомо-физиологических, функциональных его особенностях».² Задатки не развиваются в способности сами по себе, но могут быстро развиваться

¹ Цылёв В.Р. Как правильно подобрать для ребенка класс при зачислении в школу // Вопросы психологии. 2003. №4. С. 33-34.

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1998. С. 535-536.

при наличии соответствующих условий. О том же самом говорят современные исследования эпигенетики: способности родителей передаются детям на уровне фенотипов, которые могут быть активизированы при создании для них соответствующих условий развития.

Рассмотренное положение об обусловленности природы человека особенностями природы его родителей и более далеких предков позволяет сделать вывод о том, что усилия родителей по развитию своих способностей не проходят даром: они все могут быть переданы детям на уровне задатков. И может быть, данную закономерность наследственной передачи способностей следует учитывать при создании семьи и планировать рождение детей после достижения родителями пика своего развития.

Второй вывод, который можно сделать на основании приведенных рассуждений, это то, что у каждого ребенка от рождения закладывается свой жизненный путь, который определяется его природой, наследуемой от родителей и предыдущих поколений его родословного древа. И тогда вполне естественно современная система стандартизированного образования входит в противоречие с различными способностями детей к усвоению нормируемых знаний и умений. Следовательно, для каждого ребенка оказывается важным подбирать такой уровень обучения, при котором он находится в коллективе равных, понимает и способен усвоить тот учебный материал, который разбирается на уроке.

Полученные выводы, конечно, не являются жесткой детерминантой развития ребенка, так как большое влияние на его текущее развитие также оказывают условия, в которых оно осуществляется, в соответствии с другим ранее рассмотренным принципом теории деятельности, повествующим о том, что все особенности психофизиологического развития человека обусловлены условиями его жизнедеятельности. Но данный принцип работает все же с определенными ограничениями в зависимости от существующей «природы» ребенка. Так, если детей с разным уровнем начального развития (с разной «природой») поместить в одинаковые условия обучения (в один класс в передовой школе с прекрасным учителем), то развиваться они все будут по-разному в зависимости от степени готовности своей начальной природы к нужному изменению. Кто-то из детей будет развиваться эффективно, а у кого-то могут быть большие проблемы с развитием, если он окажется неспособным к обучению в данном классе. Таким образом, изначальная природа ребенка все же ограничивает возможный диапазон его развития, так как любое развитие – есть изменение природы человека, и оно возможно только при наличии физиологической основы, которая должна определенным образом усложняться.

Принцип теории деятельности, провозглашающий зависимость особенностей психофизиологического развития человека от условий его жизнедеятельности, позволяет сделать еще один интересный вывод. Получается, что природа человека адаптивна, и она развивается под те конкретные

условия, в которых живет человек. Обычно, когда говорится о разных условиях жизни человека, то при этом по умолчанию предполагается, что люди, живущие в разных условиях, имеют одинаковую природу, и поэтому их страдания и переживания напрямую зависят от условий их жизни: чем они менее благоприятны – тем хуже себя чувствует человек. Но с учетом адаптивной природы человека получается, что человек одинаково хорошо может себя чувствовать в разных условиях жизнедеятельности при успешной адаптации к ним. Например, часть своего детства я провел в коммунальной квартире с пятью соседями и прекрасно там себя чувствовал. Более того, мы жили в каменном трехэтажном доме и считали свои условия жизни комфортными по сравнению с проживанием в деревянных домах. Дикарь, живущий в пещере, был адаптирован к своим условиям жизни и тоже должен был чувствовать себя вполне комфортно.

В психологии утверждается, что особенностью восприятия человеком жизни другого человека является проекция, заключающаяся в том, что человек бессознательно приписывает другому те чувства и состояния, которые бы испытывал сам, если бы находился на его месте. Поэтому когда мы видим условия, в которых живет человек, то приписываем ему те чувства и состояния, которые бы испытывали мы, проживая в подобных условиях. При этом совсем не делается поправка на особенности его природы, а когда человек живет в определенных условиях длительное время и, тем более, не одно поколение, то его природа, по идее, полностью адаптирована к окружающим его условиям жизни.

Адаптивность природы человека к условиям жизни выводит проблему предопределение жизненного пути человека его природой на философский уровень осмысления. Утверждение наличия у разных людей различной природы и необходимость учета этой различной природы в устройстве общества можно проследить в системах органического мировоззрения. К таким системам можно отнести древнеиндийское мировоззрение, древнегреческое мировоззрение (в полной мере выраженное в учении Платона), религиозное мировоззрение, мировоззрение органической целостности русских религиозных философов серебряного века.

Мир в органическом мировоззрении рассматривается как единое живое целое, и каждый живой организм занимает в этом мире определенное место, рождается для выполнения определенной функции, или иначе имеет свою судьбу подобно отдельным клеткам и органам единого тела человека (подобие макрокосма и микрокосма). С.Л. Франк писал: «Древние греки лучше нас знали, что мир – не мертвая машина, а живое существо, что он полон живых и одушевленных сил».¹ Ребенок в таком мире рождается с определенной природой не случайно, а для того, чтобы занять в нем какое-

¹ Франк С.Л. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология./Сост., общ. ред., предисл. и прим. Н.К. Гаврюшина. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1994. С. 531.

то соответствующее себе место. Удивительно, что основные принципы органического мировоззрения в полной мере подтверждаются теорией психического развития С.Л. Рубинштейна, несмотря на то, что основная его деятельность проходила в советский период истории нашей страны, и он, казалось бы, достаточно далеко отстоит от традиции русской религиозной философии серебряного века.

Наглядным примером воплощения органического мировоззрения в жизнь общества является его кастовое строение в Древней Индии. В таком обществе человек от рождения принадлежит определенной касте, в которой рождается для выполнения соответствующей социальной роли. При этом, согласно теории С.Л. Рубинштейна, он при рождении наследует на уровне задатков те способности, которые необходимы для успешной жизнедеятельности в данной касте, поэтому жизнь в ней оказывается наиболее подходящей его природе. Подобную картину жизни общества создал в своей теории государства и Платон. Он вообще предлагал забирать детей от родителей и готовить их для жизни в том сословии, которому в наибольшей степени соответствовала их душа. По сути, он предлагал для ребенка подбирать условия жизни в соответствии с его природой.¹ И это вовсе не для ущемления прав тех, кто попадает в более низшие сословия, а для создания каждому человеку наиболее благоприятных условий жизнедеятельности.

И, наверное, в наибольшей степени необходимость каждому человеку идти своим жизненным путем показывает учение Христа. Хорошо известна фраза Христа из Евангелия от Иоанна: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня»². Эти слова Иисуса можно толковать по-разному, в статье предлагается их символическая интерпретация, которая хорошо укладывается в основные принципы органического мировоззрения. Данный подход к интерпретации используется при интерпретации образов мифа и опирается на рекомендации А.Ф. Лосева, представленные в его работе «Диалектика Мифа». Он пишет, что при интерпретации мифа полностью сохраняется и передается только смысл, но не сами вещно-конкретные факты и ситуации. То есть миф нужно понимать *буквально*, но не сами факты, а *смысл*, который с их помощью передается. И этот смысл накладывается на те жизненные события, в которых он реально осуществляется³. Данный подход был методически обработан автором и реализован в ряде статей при интерпретации символических образов миров инобытия произведения «Роза мира»

¹ Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 193.

² Новый Завет. Евангелие от Иоанна. Ин. 14:6.

³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 176.

Д.Л. Андреева.¹ Мифом русские философы называли образное описание содержания откровений, в которых пророки созерцали мир духовный в телесно-ощутимых образах. Иначе, миф есть форма выражения содержания религиозного познания, мистического созерцания мира. В мифе «выражается содержание откровения, или, другими словами, откровение трансцендентного, высшего мира совершается непосредственно в *мифе*, он есть те письмена, которыми этот мир начертывается в имманентном сознании, его проекция в образах».² Евангелия описывают опыт познания апостолами мира духовного и передают они этот опыт с помощью телесно-ощутимых образов, ситуаций, поэтому данные тексты могут рассматриваться как мифы, наполненные символическими образами.

Рассматриваемая фраза Христа содержит несколько емких символов, в данной статье будет представлена интерпретация только одного из них - символа «пути». Жизнь Христа – это жизнь в истине, жизнь в Боге, и он примером своей жизни показал путь к Богу, путь к спасению. Как можно понимать суть жизни Христа как пути? Ярким символическим выражением всего жизненного пути Христа является его путь на Голгофу от дворца Понтия Пилата. Этот путь проходил от места, где ему был произнесен приговор, до места, где была совершена казнь. На этом пути Христос нес свой крест, на котором потом и был распят. Именно «несение своего креста» является ярким символом жизненного пути. «Нести свой крест» означает следовать своей судьбе, стойко перенося все жизненные испытания. Это фраза именно в таком смысле употребляется в повседневной речи. Слово-сочетание «у каждого свой крест» означает, что у каждого своя судьба, свой жизненный путь. Крещение – это не что иное как принятие своего креста, своей судьбы, согласие со своим жизненным путем. И несение Иисусом своего креста от дворца Понтия Пилата на Голгофу символически означает, что вся его жизнь – это «несение своего креста», следование своей судьбе. Наверное, трудно придумать жизненный путь более сложный, чем путь Христа. Он родился в хлеве, жил в бедности, проводил жизнь в странствиях, показывал путь спасения всему человечеству, и при этом терпел унижения, насмешки и издевательства. Он изначально знал о своей миссии, знал, что жизнь свою закончит на Голгофе, и, не смотря на это, стойко «нес свой крест». Пройдя такой трудный жизненный путь, он своим примером тем самым показал, что все другие более легкие жизненные пути вполне возможно пройти.

Что же дает человеку следование своей судьбе, несение своего креста? Согласно органическому мировоззрению, следование своей судьбе –

¹ Цылёв В.Р. Русская религиозно-философская мысль о реальности мифа // Труды членов Российского философского общества. М.: Московский философский фонд, 2003. Выпуск 5. С. 220-230.

² Булгаков С.Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994. С. 57.

это вхождение в гармонию мира, это путь к Богу и к благодати души, потому что у каждого человека есть свое определенное место в мире. Душа человека неразрывно связано с душой мира, с Божественным началом, и она испытывает глубинное чувство удовлетворения, радости, благодати, когда человек выполняет то, что он должен выполнять как часть мира, когда он делает то, что ему суждено, когда он «несет свой крест». Иисус родился для того, чтобы пройти свой путь, его природа соответствовала этому пути, и он с достоинством на протяжении всей своей жизни «пронес свой крест». Поэтому он должен был жить в душевной благодати. Фильм М. Гибсона «Страсти Христовы» с точки зрения органического мировоззрения искажает саму суть жизни Христа, потому что он акцентирует внимание зрителей именно на страданиях Иисуса. Страдания, наверное, в его жизни были, поскольку он жил как человек, но он должен был их испытывать намного легче, чем другие люди, потому что в отличие от них он жил в Боге, в полной мере следуя своей судьбе, и, следовательно, основным состоянием его души при жизни должна была быть благодать. Можно отметить, что на средневековых иконах благодать была основной чертой лица Иисуса, даже когда он был распят на кресте. Страдания на его лице на иконах появились уже в Новое время, когда художники начали проецировать на Иисуса те страдания, которые испытывали бы в подобной ситуации обычные люди – их современники.

«Спасение» при рассматриваемом отношении к «пути» можно понимать не как награду за страдание, которую человек получает после смерти, а как благодать души, которую человек испытывает при жизни, следуя путем Христа, т.е. «неся свой крест». Современный человек пытается уйти от страданий, от душевной неудовлетворенности, меняя условия своей жизни, свой социальный статус, но это, к сожалению, помогает только на очень ограниченное время. За последние столетия условия жизни человека существенно улучшились, но при этом страданий, различных психических расстройств меньше не стало. Некоторое успокоение приносит только сознательная позитивная оценка своей жизни (если она достаточно высокая), но глубинной душевной удовлетворенности, благодати практически совсем нет. Обычно человек оценивает душевные состояния других людей по условиям их жизни, проецируя себя на эти условия и конструируя душевное состояние других по аналогии с собой. Но природа у всех людей разная, и каждый вполне комфортно себя чувствует в тех условиях жизни, которым в наибольшей степени соответствует его природа. Так, например, представитель шудр в Древней Индии вполне комфортно должен был себя чувствовать в условиях жизни своей варны, потому что его собственная природа соответствовала этим условиям. Его предки адаптировались к условиям жизни этой варны и передали ему на уровне задатков способности, позволяющие осуществлять успешную жизнедеятельность в данных условиях. И с этой точки зрения деление древнего общества на касты можно считать

благом для человека, потому что каждый получал возможность жить в соответствии со своей природой и быть при этом успешным.

С точки зрения современного мировоззрения деление людей на касты нарушает их равенство, потому что в современном обществе равенство рассматривается как предоставление равных возможностей для достижения высоких статусных позиций, обеспечивающих комфортные условия жизни, поскольку именно статусные позиции и условия жизни являются для современного человека основной ценностью. Эти ценности современного общества приводят к тому, что при обучении детей делаются попытки выравнивания их природы путем создания дополнительных условий для тех, у кого есть проблемы с усвоением учебной программы (дополнительные занятия, коррекционные классы, занятия с репетитором и пр.). Но часто эти попытки имеют низкую эффективность и приводят только к повышенной нагрузке детей, отбивая у них желание учиться. Разная природа детей является реальностью, от которой сложно отмахнуться, и поэтому равенство их возможностей является надуманным: далеко не каждый может достигнуть высоких социальных статусов даже при создании ему всех необходимых условий.

Если выстраивать систему ценностей с позиции органического мировоззрения, то основной ценностью, наверное, будет являться духовные ориентиры, состояние души человека, и поэтому равенство будет предполагать создание для каждого таких условий жизни, которые в большей степени соответствуют его природе, чтобы каждый мог чувствовать себя в душевном комфорте. Различные социальные статусы в этом случае уравниваются: они становятся одинаково важными (от дворника до президента), аналогично тому, как в человеке одинаково важны все органы: от прямой кишки до головного мозга. И все статусные позиции должны обеспечивать одинаково достойный уровень жизни. Платон в своем учении о государстве устами Сократа заявлял о том, что в идеальном государстве не должно быть ни бедных, ни богатых во всех сословиях общества.¹ А наградой человеку за занятие определенной статусной позиции будет благостное состояние души, которое обеспечивается тем, что человек идет жизненным путем, соответствующим его природе (идет «путем Христа»).

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что природа человека является важным фактором, оказывающим существенное влияние на его жизненный путь. Этот вывод хорошо подтверждается рассмотренными принципами теории деятельности С.Л. Рубинштейна. С точки зрения современного мировоззрения разная природа людей является серьезным недостатком, нарушающим их равенство, как равенство возможностей, поэтому предпринимаются попытки и

¹ Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. - М.: Мысль, 1994. С. 191-192.

создаются условия для корректировки выявляемых проблем развития ребенка. С позиции органического мировоззрения разная природа людей – это важная необходимость, обуславливаемая целостностью и гармонией мира, так как в мире нужны люди с разным комплексом природных способностей. И путь к душевному благополучию человека обеспечивается его следованием своей судьбы, «несением своего креста». Каждый человек рождается со своей природой – и у него есть свой жизненный путь, который соответствует этой природе, каждому дается испытание по силе его. И тогда основной задачей человека становится поиск своего места в жизни, поиск своего пути, своего смысла.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
2. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
3. Новый Завет. Евангелие от Иоанна. Ин. 14:6.
4. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
5. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. 328 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1998. 688 с.
7. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.
8. Франк С.Л. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1994. 592 с.
9. Цылёв В.Р. Как правильно подобрать для ребенка класс при зачислении в школу // Вопросы психологии. 2003. №4. С. 26-34.
10. Цылёв В.Р. Русская религиозно-философская мысль о реальности мифа // Труды членов Российского философского общества. М.: Московский философский фонд, 2003. Вып. 5. С. 215-230.

А.В. Копылов
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ЭТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ В ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты этики перевода, причем противопоставляются традиционная для лингвистической теории перевода деонтологическая установка, и ряд подходов к этике перевода как определенной социокультурной практики, предложенных вне лингвистики перевода (В. Бибихин, А. Берман, П. Рикёр и др.). Предпринимается попытка показать, что для этих авторов характерен переход к осмыслению этического измерения переводческих практик в перспективе этики добродетели. Рассматривается также влияние на этическую сторону перевода ряда внепереводческих факторов.

Ключевые слова. Перевод, этика перевода, «моральный кодекс переводчика», деонтологическая этика, этика добродетели, «языковое гостеприимство».

A.V. Kopylov
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

ETHICAL FRAMEWORKS IN TRANSLATION

Abstract. The article discusses a theoretical opposition between the traditional 'code of ethics' imposed on translators, and the approach put forward in a number of studies of the ethical dimension of translation (V. Bibikhin, A. Berman, P. Ricœur etc.) which envisage the translation phenomenon in its entirety. The author suggests that, whereas the former approach is narrowly deontological, the latter marks a significant turn towards virtue ethics, opening an entirely new perspective on the problem of translation ethics. The author also discusses the influence of a number of external factors on the ethical dimension of translation.

Key words. Translation, translation ethics, the translator's code of ethics, deontological ethics, virtue ethics, "linguistic hospitality".

Внимание к этическим проблемам перевода заметно выросло в последние десятилетия. При этом имеет смысл различать два существенно различных подхода в этой области. С одной стороны, проблему этики перевода традиционно ставят в практической плоскости, что находит выражение в существовании «этического», или «морального», кодекса переводчика как свода этических предписаний, действующих в определенной профессии. С другой стороны, предпринимаются и попытки осмыслить

этическое измерение перевода, так сказать, в целом, как неотъемлемый аспект некой социокультурной практики. В этом последнем случае этика перевода не замыкается на одной только фигуре переводчика.

В качестве образца «морального кодекса переводчика» здесь имеет смысл рассмотреть достаточно популярную его версию, предложенную И.С. Алексеевой. Она сводится к следующим основным положениям. (1) Переводчик выступает как *транслятор*, т.е. он перевыражает текст оригинала в виде текста на другом, т.н. переводящем языке. Здесь важнее всего то, что переводчик не является участником коммуникации. (2) Переводчик не имеет права каким-либо образом изменять текст, если только такая задача не поставлена прямо его заказчиком. (3) Переводчик должен стремиться к тому, чтобы наиболее полно передать т.н. инвариант оригинала, т.е. те его аспекты, которые должны быть переданы по условиям конкретного акта перевода (для научного перевода, например, это обычно информация, которую несет оригинал). (4) Переводчик никоим образом не должен покушаться на права своих клиентов либо ущемлять их достоинство. (5) Переводчик не должен каким-либо образом вмешиваться в отношения участников коммуникации либо «обнаруживать собственную позицию по поводу содержания переводимого текста»¹. Этим «кодекс» Алексеевой не исчерпывается, но приведенные положения занимают в нем центральное место.

Легко заметить, что рассмотренный «моральный кодекс» обобщает «хорошую практику» перевода в том, что касается *поведения переводчика при осуществлении им профессиональной деятельности*. Другие участники процесса опосредованной двуязычной коммуникации фактически исключаются из рассмотрения, создается впечатление, что они вообще не несут каких-либо моральных обязательств в рамках этого процесса. Отметим также, что почти все требования «кодекса» отражают то традиционное мнение, что переводчик в своей работе должен стремиться быть «как прозрачное стекло». Представляется вполне очевидным, что любой такого рода «кодекс» неизбежно оказывается образцом *деонтологической* этики, что, разумеется, следует считать нормальным для прикладной этики и в любой другой профессиональной области. Собственно, даже само слово «деонтология» иногда прямо используется в наименованиях подобного рода документов: таково, в частности, название «кодекса» Французского общества переводчиков – *Le Code de déontologie de la SFT*.

При этом представляется вполне очевидным, что перевод имеет этическое измерение и помимо «морального кодекса переводчика». Ведь в противном случае придется считать, что позиции всех других участников ситуации перевода являются, так сказать, этически нейтральными, т.е. что

¹ Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2006. С. 29-30.

у них не возникает никаких обязательств по отношению друг к другу, к переводчику, к вовлеченным в процесс опосредованной коммуникации культурам и т.п. И, действительно, в литературе последних десятилетий, посвященной переводческой тематике, мы иногда находим обсуждение этических основ перевода как такового, а не только профессиональной деятельности переводчика. В этой связи можно упомянуть имена таких авторов, как Владимир Бибихин, Поль Рикёр (Paul Ricœur), Анри Мешонник (Henri Meschonnic), Антуан Берман (Antoine Berman), Жан-Луи Кордоннье (Jean-Louis Cordonnier), Лоуренс Вентути (Lawrence Venuti). У этих авторов нетрудно заметить нечто общее: все они работали вне господствовавшей с середины XX века лингвистической парадигмы переводоведения. Рассмотрим некоторые особенности их подходов к этической стороне перевода.

В небольшой работе «Подстановочный перевод» В.В. Бибихин, говоря об установке переводчика по отношению к оригиналу, приходит к этической по своей сути идее *гостеприимства*: если переводчик ставит перед собою цель ввести написанное на другом языке в свою собственную словесность, то он постепенно «увлечется тем, как мысль вырывается из оков языка», которым написан оригинал, и «станет писать вместе со своим автором на другом языке»: дело здесь в том, что «мысль», как художественная, так и философская, «льнет к слову и на русском просторе найдет себе неожиданные пути». Именно в процессе этой работы «после долгих проб и ошибок переводчик» и «начинает понимать, что *стать гостеприимным хозяином ему неизбежно*» (курсив мой. – А. К.)¹. Такая позиция оказывается здесь *внутренне* присуща переводу, ее, собственно, открывают в процессе перевода, а не формулируют до его начала, подобно деонтологическим «кодексам» переводчика. Совершенно независимо от В. Бибихина к идее «языкового гостеприимства» приходит и Поль Рикёр. Обращаясь к хорошо известной метафоре Фридриха Шлейермахера, французский философ рассуждает следующим образом: «Привести читателя к автору, привести автора к читателю [...] – это то, что я называю проявлением *языкового гостеприимства* (курсив мой. – А. К.)»². Оно не только необходимо в качестве некой основы всей деятельности переводчика, но и способно помочь переводчику обрести в этой деятельности подлинное счастье: «Несмотря на агонистику, которая драматизирует задачу переводчика, последний может обрести счастье в том, что я хотел бы назвать *языковым гостеприимством*» (курсив автора. – А. К.). При этом «удовольствие жить в языке другого» уравнивается удовольствием принимать слово иностранца в своем собственном доме³. У П. Рикёра, таким образом, язы-

¹ Бибихин В. В. Слово и событие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 201-202.

² Лингвистические аспекты теории перевода (хрестоматия) / сост. С. Т. Золян, К. Ш. Абрамян. Ереван: Лингва, 2007. С. 299-300.

³ Ricœur P. Sur la traduction. Paris: Bayard, 2004. P. 19-20.

ковое гостеприимство как этическая установка выступает в качестве *условия возможности* перевода, верного оригиналу.

Любопытно, что в свое время А. Берман также сформулировал свою теоретическую позицию исходя из *этически* определенной цели перевода – «принять иностранное как иностранное». Берман указывает, что в культурной истории Европы решительно преобладает этноцентрический перевод, т.е. такой его тип, который не только не стремится испытать иностранное во всей его полноте, но пытается его «акклиматизировать» и «натурализовать». Отсюда и проистекает необходимость *рефлексии над этической целью перевода*. Почему с незапамятных времен эта цель (принять иностранное как иностранное) подвергалась всевозможным искажениям? Причина в том, что переводчики некритически усвоили двухтысячелетнюю традицию перевода, обусловленную своего рода *этноцентрической структурой*, присущей всем языкам и культурам, но наиболее характерной для т.н. «культурных» языков: только культурные языки переводят, но они же и воздвигают на пути перевода самые серьезные барьеры.¹ Преодолеть такую этноцентрическую цензуру и должно осознание истинной этической цели перевода.

Весьма подробно этические аспекты перевода рассмотрены Жаном-Луи Кордоннье в книге «Перевод и культура» (1995)². Подобно Берману и Рикёру, под этикой перевода Кордоннье понимает, прежде всего, этические предпосылки переводческой практики в целом, и особенно – ту *этическую перспективу*, в которой должен быть определен сам *тип перевода*, необходимый современной культуре. Таким образом, этика у Кордоннье служит обоснованием и переводческой практики, и подхода к ее теоретическому осмыслению. При этом именно в этической перспективе Кордоннье обнаруживает в классике переводческой мысли позицию, принять которую он считает настоятельно необходимым для современной культуры, – «позицию децентрации». Постмодернистский термин способен ввести в заблуждение: эту позицию Кордоннье находит уже у Ф. Шлейермахера, основная теоретическая работа которого, посвященная переводу, была написана еще в 1813 году. Дело в том, что для Кордоннье Шлейермахер как теоретик перевода есть, прежде всего, носитель «*этики различия*», предполагающей в качестве своей фундаментальной установки уважение к радикальной *инаковости* Другого. Основанный на такой этике перевод выступает как «скрещивание дискурсов», при котором переводящая культура не просто «аннексирует» еще один полезный ей для собственных целей текст (как это происходит при этноцентрическом переводе), а сама изменяется

¹ The Translation Studies Reader. / L.Venuti (ed.). London and New York, 2000. P. 285 – 286.

² См.: Cordonnier J.-L. Traduction et culture. Paris: Hatier, Didier ; Les Editions Didier, 1995.

через открытие опыта Другого в его инаковости, в его несводимости к привычным координатам. Перевод при такой установке постепенно изменяет и переводящий язык, и переводящую культуру.

Если ориентироваться на трактовку этики перевода у Бибихина, Бермана, Кордоннье и Рикёра, то приходится признать, что этические обязательства по отношению к оригиналу и его автору существуют не только у самого переводчика, что всегда охотно признавалось, но и у *реципиента перевода*. В частности, очевидно, что от него может потребоваться определенное *герменевтическое усилие*, вытекающее из осознания того, что инокультурный текст вовсе не обязан быть легким для понимания. На более глубоком уровне от него может потребоваться *готовность принять Другого как Другого, иностранное как иностранное*, готовность поставить под вопрос те или иные привычные презумпции своей культуры, готовность, так сказать, релятивизировать те предпосылки, с которыми он обычно подходит к привычным ему текстам собственной культуры.

Следует обратить особое внимание на то, что рассмотренные четыре концепции объединяет одно примечательное обстоятельство: этика перевода в них предстает не как профессиональная деонтология, а скорее как *этика добродетели* (virtue ethics), т.е. как *другой тип* этической установки. В этой связи может оказаться небезынтересным и то, что в последние десятилетия в этике как особой дисциплине говорят иногда о так называемом «аретическом повороте», связанном с трудами Гертруды Энском, Аласдера Макинтайра и др. В рамках «аретического поворота» внимание смещается от долга, норм и правил, от последствий поступков и т.п. на сам характер человека, на его добродетели. В области перевода этика добродетели, как представляется, предполагает необходимость (причем не только для переводчика, но и для реципиентов перевода и других участников процесса опосредованной межкультурной коммуникации) приобрести некоторые *личностные качества* (в частности, способность оказать языковое гостеприимство, увидеть и принять Другого именно как Другого). Без этих *добродетелей* не может быть адекватно осознана даже истинная цель перевода. Не менее важно в этой связи и то, что в перспективе этики добродетели перевод предстает не только как межъязыковое и межкультурное посредничество (на чем строится, как мы попытались показать в начале статьи, вся переводческая деонтология), но и, прежде всего, как своего рода *(транс)формативный процесс*, глубоко преобразующий вовлеченных в него субъектов, как индивидуальных, так и коллективных. На уровне отдельного человека это совершенно очевидно, ведь «упражнение в добродетели» для того и предпринимается, чтобы преобразовать самого упражняющегося. На уровне же лингвокультурных сообществ, как показывает, в частности, П. Рикёр, перевод формирует соизмеримость языков и культур, создавая переводимость там, где ее изначально не было, он обогащает переводящую культуру, делая ее частью всемирной культуры.

Предложенное выше противопоставление переводческой деонтологии и переводческой этики добродетели, однако, отнюдь не исчерпывает вопрос об этическом измерении перевода. И в том, и в другом случае речь идет об этике, мыслимой как нечто возникающее в рамках самого перевода, взятого либо как вид профессиональной деятельности, либо как целостная социокультурная практика. Перевод, однако, может оказаться в поле действия внешних по отношению к нему сил, которые способны радикально повлиять на любые этические установки, выработанные применительно к самому переводу, вплоть до их полного устранения.

Говоря в этой связи о переводе как социокультурной практике, нельзя недооценивать роли общекультурных и даже идеологических установок, которые могут извне предписывать переводу и его задачи, и характер этических рамок, в которых он осуществляется. Здесь хорошим, хотя и несколько экзотическим, примером может служить т.н. «бразильский каннибализм» – переводческая школа, возникшая в теоретическом и идеологическом контексте постколониализма. Сторонники этого движения используют метафору каннибализма (антропофагии) для обозначения предлагаемого ими типа перевода, который видит в оригинале, принадлежащем одной из культур мира бывших колонизаторов, нечто такое, что должно послужить «пищей» для постколониальной культуры: богатый и развитой язык колонизаторов «поглощается» в ходе перевода их текстов и придает новые силы и энергию поглощающим¹. Для фигуры каннибала, даже метафорической, трудно увидеть возможность стать «гостеприимным хозяином» (В.В. Бибихин).

Если же обратиться к перспективе переводчика, занимающегося своей профессиональной деятельностью, то нетрудно увидеть, что, пусть даже в исключительных случаях, он вполне может оказаться в ситуации, когда высшие моральные соображения заставляют его полностью пренебречь профессиональной деонтологией. Эрих Прунч в несколько иной связи рассматривает случай, ярко демонстрирующий такую дилемму. Маргарете Бубер-Нойманн, будучи переводчицей в концлагере Равенсбрюк, использовала свое положение для того, чтобы изменять содержание ответов допрашиваемых таким образом, чтобы те смогли избежать расправы. При этом она рисковала собственной жизнью². Ее действия заслуживают высочайшей моральной оценки совершенно безотносительно к каким-либо требованиям «этического кодекса переводчика», ибо вполне очевидно, что в таком случае предметом моральной оценки является *поступок*, а не перевод.

Эту статью, пожалуй, имеет смысл закончить своего рода «определением» этики, которое дает теоретик перевода Анри Мешонник: «Этика –

¹ См, например.: Munday J. *Introducing Translation Studies*. London: Routledge, 2001. P. 136-137.

² Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015. С. 386.

это занятие субъекта, стремящегося конституировать себя через свою деятельность, но там, где эта деятельность субъекта есть такая деятельность, через которую конституирует себя другой субъект»¹.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2006. 348 с.
2. Биbihин В. В. Слово и событие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 280 с.
3. Лингвистические аспекты теории перевода (хрестоматия) / сост. С. Т. Золян К. Ш. Абрамян. Ереван : Лингва, 2007. 307 с.
4. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / пер. с нем. О. Боковой [и др.] под науч. ред. Н.И. Рейнгольд. М.: Р.Валент, 2015. 512 с.
5. Cordonnier J.-L. Traduction et culture. Paris : Hatier, Didier ; Les Editions Didier, 1995. 236 p.
6. Meschonnic H. Ethics and Politics of Translating. Amsterdam: John Benjamins BV, 2011. 180 p.
7. Munday J. Introducing Translation Studies. London: Routledge, 2001. 222 p.
8. Ricœur P. Sur la traduction. Paris : Bayard, 2004. 70 p.
9. The Translation Studies Reader / L. Venuti (ed.), Mona Baker (advisory editor). London and New York : Routledge, 2000. 524 p.

¹ Meschonnic H. Ethics and Politics of Translating. Amsterdam: John Benjamins BV, 2011. P. 35.

УДК 316.334.56
ББК 60.54

И.Б. Циркунов
Мурманское областное книжное издательство
г. Мурманск, Россия

ГОРОДСКИЕ «КРИВЫЕ» И «ВЕРТИКАЛИ»: СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Во-первых, в статье рассматриваются энвайронментальные и композиционные составляющие, которые являются важнейшими определителями города. Во-вторых, основные городские составляющие несут явные социальные черты, что позволяет рассматривать их с позиции социологического локуса.

Ключевые слова. Городские «кривые» и «вертикали», социологический локус метаморфозы.

I.B. Tsirkunov
Murmansk book publishing house
Murmansk, Russia

CITY “CURVES” AND “VERTICALS”: SENSE AND VALUE

Abstract. First, in article are considered envayronmentalny and composite components which are the most important determinants of the city. Secondly, the main city components carry obvious social lines that allows to consider them from a position of a sociological locus.

Key words. City “curves” and “verticals”, sociological locus of a metamorphosis.

Город в какой-то момент становится городом. Интересен ответ на вопрос, при каких обстоятельствах город становится городом, а не когда это происходит. Попробуем дать ответ на первую часть вопроса.

Город – это порождение человека, т.е. не природное, а искусственное создание. При этом сам человек является продуктом истории и культуры, а не природы, в данном контексте, хотя и представляет собой биологическое существо. Город можно рассматривать как некое убежище человека от природы, человеком же созданное. Как говорится, Бог создал землю и страны, а человек – город. Кроме этого, современный город (urbs) – это, прежде всего, феномен культуры, а не политики.

Как бы мы сейчас не пытались представить искусственную составляющую, города, всё-таки, основывались и располагались в естественных природных условиях. Планировочно и архитектурно будущие города принимали эти природные условия как данность. В этом, нам видится, главная причина появления, так называемой, городской «кривизны». Городская «кривизна» результат, во-первых, повторения или обвода естественных

кривых: по берегам рек, озёр или моря, по краям и вершинам холмов, сопкок, по изгибам долин и другим природным «неровностям». Во-вторых, городские «кривые» – это результат хаотичной или «свободолюбивой» застройки частных хозяев. Это, прежде всего, узкие улочки, переулки и тупики, с резкими поворотами, что приводит к снижению видимости до нескольких десятков, а порой и нескольких метров, с перепадами высот, даже в городах, расположенных в равнинной местности. Здесь мы не будем рассматривать латентные городские «кривые», к которым можно отнести городской водопровод, канализацию, теплотрассу, электросеть, телефонную, оптико-волоконную и другие сети. В этой энвайронментальной составляющей, для нашего отнюдь не геолого-географического подхода, отчётливо виден факт, так называемой, «кривизны», где природная «кривизна», обретает черты социальной. При том, что природная «кривизна» в городе, в соответствующем ландшафтном и архитектурном обрамлении, придаёт ему известный шарм.

Завершая обзор городской «кривизны», назовём ещё два вида абсолютно искусственных «кривых». Во-первых, это городские кольца и не только объездные загородные трассы, но и внутригородские дороги, ставшие местами бульварами, авеню или транспортными развязками. Во-вторых, как это не парадоксально, – это прямолинейная планировка города, городской сетки, веерная или лучевая планировка. Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что острые или тупые углы на перекрёстках улиц в веерной планировке или поворот на девяносто градусов в прямолинейной сетке города, являются примерами городских «кривых». Сочетание кривых, но мощёных дорожек и прямых (до первого перекрёстка) проспектов и бульваров являют собой наглядные примеры, с одной стороны, «народного» планирования и восприятия городов, т.е. прокладка замысловатых улиц, где с непривычки трудно ориентироваться, а с другой стороны, так сказать, «правильная» или, собственно архитектурное планирование, и прокладка городских улиц и проспектов, которые иначе воспринимается горожанами.

От энвайронментальной составляющей и её следствий перейдём к архитектурным моментам городского пространства. Как нам кажется, основной императив энвайронментальной составляющей в городском пространстве выражается горизонталью. Природа демонстрирует нам примеры не только горизонтальной организации, но и вертикальной – отдельно стоящие вертикальные камни и скалы, бьющие вверх гейзеры, растущие деревья и травинки, да и сам человек – верх природной вертикальной организации, ставший мерой всех вещей. В противовес природной горизонтали поставим искусственную вертикаль. Искусственную вертикаль можно выразить в способности выстраивать вертикаль над вертикалью, а это задача мастера или, конкретно, архитектора. Без композиции возвести вертикаль невозможно, а из этого следует, что в семантике вертикали объединя-

ется как материальное, так и нематериальное начала. Композиция – это не удел природы, а работа мастера – архитектора, результат его знаний, умений и воли. Главной задачей композиции, созданной архитектором, по любой из двух причин, культурной ли традиции, выражающейся в соразмерности, или природной причине, выдержанной в пропорциях человеческого тела, является создание укрытия для человека от сил природы, что и является нам в виде города. Если подходить к этой теме расширительно, то городская «вертикаль» – это и дом – жилище человека, и храм, сочетающий целлу и птерому, и столб (колонна), и памятник в центре площади. Всё многообразие городских «вертикалей» также можно разделить по типам: «народного» и «правильного», архитектурного планирования. Наиболее ярко эта градация проявляется в отношении к памятникам. Есть памятники, которым положено быть, причём они выполнены в классическом, выдержанном стиле (например Мурманска – это памятник Ленину или Кирову), а есть почти всенароднолюбимые, но откровенно безвкусные истуканы (например, скульптура «Кота» или «Ждущая»).

Однако есть уникальные памятники. Они построены по принципу колоннады (памятник Жертвам интервенции в Мурманске), т.е. самой ярко выраженной городской «вертикали». Эти памятники не только олицетворяют городскую «вертикаль», но и способны отразить в себе трансформацию колоннады, точнее колонны, в горизонтальную проекцию или живую городскую «кривую», т.е. колонну демонстрантов. А это есть проявление одной из самых мощных городских социальных метаморфоз.

Завершая описание городских «кривых» и «вертикалей», следует выделить общее – их можно рассматривать как городские знаки, которые можно и нужно анализировать, осмысливать и переосмысливать, и не только как семантические явления. Различие между городскими «кривыми» и «вертикалями» просматриваются в следующем. Городская «кривая» несёт в себе, прежде всего, мощную энвайронментальную составляющую, но имеет известную долю конструктивизма или элемента очеловечивания природы. Городская «вертикаль» – это всецело порождение композиции, или результат творческой работы мастера. В этих различиях, нам видится, постоянное взаимодействие, иногда конфликтное, иногда конструктивно-позитивное, двух типов мышления и восприятия города. Сочетание «кривых» и «вертикалей» создаёт городскую матрицу, пространственную матрицу, как минимум трёхмерную, размышляя на предмет которой, создаются образы, впечатления, отношения и мнения горожан по их поводу.

Иными словами, появление любого объекта в городском пространстве, трансформация, вплоть до его разрушения, или длительное пребывание, что делает его знаком в культуре города, и, со временем состарит его, даёт возможность не только наблюдать и осмыслить этот городской знак, как семантическое явление, как часть городской матрицы, но и является причиной метаморфозы. Метаморфоза – наиважнейшее явление в общест-

венном сознании горожан, которое свидетельствует о подвижности, изменчивости, а значит жизнеспособности общественного сознания, и, следовательно, социума конкретного города. А это, в свою очередь, создаёт условия для появления социологического локуса.

Социологический локус – это то самое общественное восприятие определённого знака и, собственно, отражение этого знака в общественном сознании горожан. Социологический локус метаморфозы – это сложное явление общественного сознания, которое, с одной стороны, демонстрирует определённую потребность зафиксировать (констатировать) момент движения общественного сознания, его изменчивости, а значит, жизнеспособности социума, а с другой стороны, это начальный момент формирования ответной реакции общественного сознания, которое проявляется или может проявиться, в конце концов, в изменении, видоизменении городского пространства, трансформации старых объектов, появлении новых... Метафорически, социологический локус метаморфозы – это социологический флюгер, который не определяет и не влияет на силу ветра и его ориентацию по сторонам света, но указывает его направление. Это уже не мало, но самое главное, что определяя и исследуя работу этого «флюгера» общественного мнения, мы фактически исключаем возможность манипулировать общественным мнением горожан.

Практическая ценность социологического локуса метаморфозы города заключается в следующем. Социологический локус метаморфозы следует изучать для того, чтобы знать о местнозначимых явлениях, которые при необходимых действиях и мероприятиях, могут стать значимыми в рамках области или страны. Социологический локус метаморфозы может помочь выявить лакуны городского пространства. Оно должно быть заполнено или подвергнуто трансформации, что приведёт к дальнейшему движению социологического локуса метаморфозы и создаст новое отношение горожан к окружающей их среде или создаст новое социологическое пространство. На практике это значит, что нужно достаточно регулярно проводить различные устные, письменные, телефонные и другого рода социологические опросы, создавать фокус-группы для изучения общественного мнения горожан по важнейшим проблемам организации жизни, конкретно, в городе-герое Мурманске. Это поможет снизить степень волонтаризма лиц, принимающих решения, как в вопросах возведения памятников второстепенного значения, так и в организации важнейших социально-значимых мероприятий, например, в придании областного статуса премии имени В.С. Маслова, в поддержке молодёжных театров, в программах книгоиздания в городе и т.д.

УДК 130.2
ББК 87

Н.С. Коваленко
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
технологии управления и экономики»
г. Мурманск, Россия

КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА ОРИЕНТИРОВ

Аннотация. В статье рассматриваются различные научные подходы в определении понятия «культура». Культура и ценности неразрывно связаны друг с другом. Особое внимание обращается на культурные ориентиры, как основу развития общества.

Ключевые слова. Культура, культурный ориентир, система, духовность, религиозность.

N. S. Kovalenko
Saint-Petersburg University of management and economics
Murmansk, Russia

CULTURE AS A FRAME OF REFERENCE

Abstract. The article considers various scientific approaches to the definition of «culture». Culture and values are inextricably linked with each other. Special attention is paid to cultural reference points as a basis of development of society.

Key words. Culture, cultural landmark, system, spirituality, religiosity.

Культура – область разнообразных духовных форм жизнедеятельности людей. Подобные практики личности, как и человечества в целом, протекает в двух взаимосвязанных и взаимообусловленных измерениях. Во-первых, это духовно-эмпирический уровень, обусловленный утилитарными потребностями и запросами людей. Во-вторых, духовно-теоретический, связанный с осмыслением реальности – природы, социума и рефлексией самого субъекта. Именно здесь происходит формирование сложной, нередко противоречивой системы морально-нравственных конструкций – традиций, идеалов, знаний, верований, ценностей, целей, моделей поведения выступающих в свою очередь ориентирами для индивидуального и общественного бытия. В совокупности все эти структуры интегрируются в коллективный социальный опыт, обладающий как собственной статикой, обеспечивающей преемственность поколений, так и динамикой постепенной трансформации, содержащей импульс развития, прогресса общества.

В самом широком понимании культура есть система смыслов, символов и знаков, кодирующая важнейшие, коллективно одобряемые цели, к

которым должен стремиться человек в данной социальной реальности. Современные подходы к трактовке самого феномена культуры многозначны¹. При всей разноголосице мнений исследователей, как представляется, прежде всего, необходимо попытаться определиться с главным. Логично возникает вопрос: следует ли рассуждать о культуре, как общечеловеческом явлении или должно выделять ее локальные компоненты, тем самым ставя во главу угла культурную уникальность каждого этноса? Альтернатива такова – культура или культуры? Иными словами следует понять, что значимее: обоснование самобытности отдельных культур с их системой координат или же на первый план выходит универсальное, наднациональное всеединство? Последнее понимается нами в духе В.С. Соловьева как «...отношение всеобъемлющего духовно-органического целого к живым членам и элементам, в нем находящимся»².

Представляется, что истина лежит где-то между крайностями каждого из анализируемых суждений. Вероятно, невозможно отрицать сам факт неразрывности ареала культуры различных эпох и цивилизаций. Благодаря этому мы обладаем величайшим сокровищем бытия – возможностью непосредственного общения с другими, в том числе и теми, кто отделен от нас временем и пространством. Вместе с тем, не подлежит сомнению качественная специфика отдельных культурных формаций. Например, античной культуры, культуры Китая, культуры саамов или аборигенов Австралии. Зафиксированные каждой из них особенности, традиции, обычаи являются выражением уникальной этнической и социальной общности. Причем, и это обстоятельство чрезвычайно значимо для понимания, подобный плюрализм ценностей и жизненных правил создает свою оригинальную систему координат. От того нередко носители разного культурного опыта не способны до конца постигнуть друг друга. Точнее не в силах принять те жизненные смыслы и ориентиры, которые представляются естественными для оппонента. Следовательно, определенная культурная среда (например, отечественная) предлагает свой вариант социального действия, поведения и взаимоотношений людей, принадлежащих к данному культурно-историческому типу. Потому ныне агрессивный глобальный культурный универсализм, стремящийся сломать своеобразие отдельных культурно-этнических общностей, встречает с их стороны все более активное противодействие.

Диаметрально противоположными являются и интерпретация понятия цивилизация. В науке сформировалось два различных варианта истолкования интересующего нас термина. «Цивилизация, как стадия развития, и как одна из множества цивилизаций – устойчивых, одновременно сосу-

¹ Энциклопедический словарь по культурологии. М.: Издательство «Центр», 1997. С.209-214.

² Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1997. С. 43.

шествующих человеческих сообществ, вычленяемых по особым критериям, которые остаются предметом дискуссии...»¹. В дальнейшем рассмотрении заявленной проблемы будем исходить из второй позиции.

Культурные ориентиры следует определить как различные символы, позволяющие человеку истолковывать свое положение в поле культуры, понимать специфические шифры, скрытые от непосвященных, распознать и трактовать отличия данной культуры от другой по наблюдаемым феноменам. Известно, что впервые теорию культурно-исторических типов обосновал Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа», где справедливо подчеркнул: «...ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития»². Тем не менее, бесплодные стремления опровергнуть данное положение, заявить об особой роли, абсолютном приоритете некой культурно-цивилизационной конструкции продолжаются и поныне.

Современное российское общество, несомненно, переживает глубокий нравственный кризис. С.Г. Кара-Мурза справедливо отмечает: «...в конце 80-х годов в России началась реформа, которая ставила своей целью «возвращение в наш общий европейский дом», т.е. переделку жизнеустройства России по западным образцам. Практически эта реформа представляет собой попытку устроить на российской земле «нечто похожее на Запад», пусть и похуже. Это большая программа имитации западных общественных институтов, типа хозяйства и социальных отношений»³. Форсированный слом советской системы ценностей и интенсивная попытка внедрить в общественное сознание идеалы западной цивилизационной модели, очевидно, привели к потере смысловых вех значительной части граждан России. Кардинальная перемена духовных ориентиров, падение общего культурного и жизненного уровня населения вызвали всплеск повального увлечения паранормальными явлениями, обусловили повсеместное распространение оккультных практик и псевдонаучных идей. Казалось бы навсегда опровергнутые измышления прошлого, возвращаются из небытия и наряду с современным мифотворчеством становятся важнее реальности. Например, теорию Ч. Дарвина вновь пытается поколебать креационизм. Итог – очевидный коллапс естественных для здорового социума этических принципов и норм, атомизация общества, которые грозят самыми непредсказуемыми последствиями.

¹ Сулакшин С.С. Количественная теория цивилизациогенеза и локальных цивилизаций. М.: Научный эксперт, 2013. С. 14.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995. С. 92.

³ Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть первая. Курс лекций. М.: Научный эксперт, 2011. С. 297.

От того проблема формирования некоей новой модели духовности стоит перед нашим обществом как никогда, пожалуй, остро. Хотя возможно, думается, проведение определенных историко-философских параллелей со Смутным временем, эпохой церковного раскола в царствование Алексея Михайловича, петровскими реформами и, наконец, октябрьским переворотом 1917 года. Проблема усугубляется и тем, что уже к началу XXI века стало очевидно, что абстрактная конструкция «общечеловеческих ценностей», кои следовало по задумке идеологов перестроечного периода утвердить в российском миропонимании, не способна объединить расколотое национальное самосознание. Тогда под эгидой власти начались лихорадочные попытки сконструировать «национальную идею» способную консолидировать страну. Увы, неуклюжие эксперименты по модернизации триады графа С.С. Уварова «православие, самодержавие и народность» каждый раз закономерно оказываются тщетными.

И все же, понятно, если Россия хочет сохранить себя, как «особливый мир» (по выражению И.В. Киреевского) вакуум смыслов, выступающих культурными ориентирами народа необходимо заполнить. По нашему мнению, столь популярное ныне обращение к религии, прежде всего в ее православном варианте, которое активно внедряется в массовое сознание, вряд ли сможет решить проблему «духовных скреп» нации, обеспечить эффективные ценностные ориентации для всех людей, а главное – подрастающего поколения. По точному замечанию известного культуролога К.Э. Разлогова в последнее время религия вернулась не только в лоно церкви, но и государства¹. Однако 14 статья Конституции провозглашает светский характер Российской Федерации. Причем «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Это отличает Россию, например, от Греции, основной закон которой гласит: «Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой». К тому же наша страна от века отличалась поликонфессиональностью. Следовательно, придание особого, едва ли не официального статуса одной из конфессий не пойдет на пользу укреплению межнационального согласия, поскольку приверженцы конкретных религиозных систем, не будем скрывать, далеко не всегда в ладу с представителями иных верований.

Кроме того, следует ясно разграничивать понятия «духовность» и «религиозность». Как известно, этимология и научная трактовка термина «религия», остаются дискуссионными². Но, несмотря на различное толко-

¹ Кирилл Разлогов. Две стороны одного скандала: симптом несовместимости науки и госуправления // URL: <https://lenta.ru/columns/2016/11/28/raz11/> (дата обращения: 28.11.16).

² См. Юрий Першин. К этимологии слова «религия»: парадигма Цицерона // Антропo-Тoпoс: теоретический журнал в области философских наук / под ред. докт. филос. наук, проф. В. И. Разумова. Омск, 2011. Вып. 9–10. С. 24–38.

вание феномена, возможно выделить главное. Так, Оксфордская энциклопедия указывает: «религия – мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение, основанное на вере в сверхъестественное»¹. Сходное мнение формулируют французские авторы Ж.М. Бесс и А. Буассьер, которые считают, что данный термин «... обозначает индивидуальное чувство, движущее человеком, который верит в Бога»². Следовательно, религия выступает специфическим способом осмысления и освоения индивидом самого себя и окружающей действительности на основе убежденности в наличии некой внешней по отношению к нему и всемогущей силы, которая управляет миром и направляет земной путь каждого. Отсюда выводится категория «религиозность», как характеристика сознания и поведения отдельных людей, их групп и общностей, верующих в надреальное и поклоняющихся ему³.

Смысл духовности неизмеримо шире. «Духовность, – по определению авторитетного отечественного академического издания, – высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности, находящиеся между собой в иерархических взаимоотношениях»⁴. Выступая специфическим свойством человеческой жизнедеятельности, духовность выражается, прежде всего, в формировании нематериальных потребностей и ценностей индивидуального и социального бытия, в стремлении личности к самосовершенствованию, наполненности и глубине внутренней жизни. Духовность личности следует рассматривать как подвижную систему, одновременно обладающую способностью сохранять стабильность и относительную неизменность от внешних условий и проявлять, в тоже время, мобильность, приспособляемость к различным новым факторам. Представляется, что духовность как культурное явление невозможно вписать исключительно в прокрустово ложе веры. Религиозная духовность – несомненная реальность для очень многих. Но столь же очевидной представляется светская, т.е. не связанная с религией духовность значительной части современного российского общества. Иными словами религия и религиозность есть лишь одна из сфер духовной жизни наряду с философией, моралью, наукой, искусством, правом и т.д.

Признавая значимость православной церкви в отечественной истории и дне нынешнем, не следует игнорировать многие факты, когда иерар-

¹ Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. В 9 тт. Т. 7 / Пер. с англ. М. : Издательский Дом «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 2000. С. 242.

² Философия: краткий курс / Ж.-М. Бесс, А. Буассьер; пер. с франц. М. : АСТ: Астрель, 2005. С. 108.

³ См. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М.: Политиздат, 1989. С. 283.

⁴ Человек. Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука 2000. С.114.

хи, исходя из прагматических интересов, придавали забвению евангельские заповеди. Да и о нравственном облике определенной части церковнослужителей можно, полагая, по крайней мере, рассуждать. Только свободный от любых предрассудков, гармонично развитый человек выступает подлинным субъектом социальных отношений. Лишь такая личность может действовать в любой обстановке рационально, в то же время сохраняя и приумножая все богатство отечественной и мировой культуры. Так независимо и ответственно, поддерживая верность проверенным временем культурным ориентирам, совершенствуя себя и окружающий мир человек способен преодолеть дегуманизирующие катаклизмы современности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации.
2. Конституция Греции. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=153> (дата обращения: 05.10.2016).
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995.
4. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть первая. Курс лекций. М.: Научный эксперт, 2011.
5. Киреевский И.В. Деятнадцатый век // Критика и эстетика. М.: Искусство, 1990.
6. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М.: Политиздат, 1989.
7. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия в 9 т. Т. 7. М.: Издательский Дом «ИНФРА-М», Изд-во «Весь Мир», 2000.
8. Сулакшин С.С. Количественная теория цивилизациогенеза и локальных цивилизаций. М.: Научный эксперт, 2013.
9. Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1997.
10. Бесс Ж.-М., Буассьер А. Философия: краткий курс. М.: АСТ: Астрель, 2005.
11. Человек. Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000.
12. Энциклопедический словарь по культурологии. М.: Изд-во «Центр», 1997.
13. Першин Ю.Ю. К этимологии слова «религия»: парадигма Цицерона // АнтропоТопос: теоретический журнал в области философских наук. Омск, 2011. Вып. 9–10. С. 24–38.

Д.Н. Воропаев
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет»
г. Оренбург, Россия

ПОНЯТИЕ «СВОБОДА» В ФИЛОСОФИИ Ж.-П. САРТРА

Аннотация. В статье рассматривается концепция «свободы» в философии Ж.-П. Сартра. Показаны возможные значения понятия «свобода» в онтологии, этике и повседневности. Анализируется связь понятия «свобода» с понятиями «ничто», «бытие», «тревога» и др.

Ключевые слова. Свобода, ничто, экзистенциализм, Сартр.

D.N. Voropaev
Orenburg State Pedagogical University
Orenburg, Russia

THE CONCEPT OF “FREEDOM” IN THE PHILOSOPHY OF JEAN-PAUL SARTRE

Abstract. The article discusses the concept of “freedom” in the philosophy of Jean-Paul Sartre. The author of the article shows the possible values of the concept of “freedom” in the ontology, ethics and everyday life. The author also analyzes relationship of the concept of “freedom” with those of “nothing”, “being”, “anxiety” and others.

Key words. Freedom, nothing, existentialism, Sartre.

Концепция «свободы», созданная Ж.-П. Сартром, как и его экзистенциализм в целом, оказались сильно романтизированы, что приводит к искажениям в понимании замысла французского философа. В одном из наиболее известных философских текстов Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм», который, по сути, является программным, он четко и ясно обозначает, что экзистенциализм представляет собой учение, адресованное специалистам в области философии, и далёк оттого, что сформировалось под влиянием моды на «экзистенциализм», сложившейся в Европе. Однако, несмотря на эту попытку, представления об экзистенциализме продолжали развиваться уже независимо от Сартра, но в тоже время, испытывая сильное его влияние. Это вызвано отчасти тем, что для большинства были интересны и доступны, прежде всего, его художественные произведения, а отчасти – тем образом «философа-экзистенциалиста», который сознательно формировали Сартр и Симона де Бовуар. Кроме того, экзистенциализм не был замкнут в работах Сартра, следовательно, различные его варианты

также влияли на некий общий образ «экзистенциализма», формируемый как Европе, так и за её пределами.

Вопрос о «свободе» проработан Сартром в «Бытии и ничто», но исследование «свободы» продолжается им и в художественных произведениях. Так как текст «Бытия и ничто» довольно сложен для восприятия, многие пытаются определить сартровское понимание свободы, опираясь на его статьи и художественные тексты. Однако Сартр часто сознательно популяризирует ключевые положения собственной философии, чтобы сделать её более доступной для неспециалистов. Разговор о «свободе» он обычно переносит из онтологии в область этики и конкретных проблем выбора, но смыслы, формируемые в ходе такого разговора, вторичны по отношению к тому, что Сартр назвал «опытом феноменологической онтологии». В художественных произведениях Сартр использует различные смыслы «свободы», условно назовём их «внешними» по отношению к смыслу, изложенному в «Бытии и ничто». Так как проблема свободы для человека – одна из важнейших, и вопрос о собственной свободе человек ставит часто, то Сартр не может игнорировать те образы свободы, которые возникают перед человеком и которые человек стремится реализовать. Это во многом определяет действия человека, а значит, и его бытие. Следовательно, все возможные варианты отношения человека к свободе и понимания её представляют прямой интерес для Сартра. Но при этом Сартр стремится сохранить собственное понимание «свободы» и показать, что такая «свобода» сохраняется независимо от того, в чём человек находит свободу.

Для Сартра «свобода» – некая данность «человеческой реальности», которая при этом не является свойством его сущности в числе прочих свойств. Мысль о том, что существование предшествует сущности, заставляет Сартра определить и «свободу» как предшествующее сущности. Человек обречён на «свободу», так как её наличие не зависит от человека. «Свобода», говорит Сартр, может пониматься как человеческое бытие, и нет никакого различия между человеческим бытием и «свободным-бытием».¹

Понятие «свобода» неразрывно связано с понятием «ничто» в философии Сартра. Феноменологическая онтология выстраивается им таким образом, что «ничто» становится ключевым понятием и инструментом для объяснения бытия человека. По мысли Сартра, «свобода» обуславливает появление «ничто», но понимать «свободу» как то, что предшествует «ничто», значит, несколько упростить замысел Сартра. Дело в том, что возможность «ничтожения» и наличие «ничто», в свою очередь, есть необходимое для наличия «свободы». «Ничто», содержащее в себе отрицание и потому являющееся его основой, определяет возможность сознания конституировать и определять себя как осознающую структуру; «ничто» оп-

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ: Астрель, 2012 С. 90-97.

ределяет возможность поставить бытие под вопрос, в некотором смысле противопоставить себя бытию, а также сделать возможным отделение предшествующего от последующего, т.е. конституировать себя по отношению к собственному прошлому таким образом, что оно ставится вне действия. «Свобода» есть такое бытие, которое может быть и не быть своим прошлым и будущим, но необходимым условием этого, по мысли Сартра, является «ничто».

В онтологии Сартра осознание «свободы» как бытия связывается с понятием «тревога». «Тревога» понимается Сартром как условие вопроса о свободе: «...как раз в тревоге свобода стоит под вопросом для самой себя»¹. «Тревога» есть сознание быть своим прошлым и будущим по способу небытия, т.е. Сартр также связывает «тревогу» с ничтожащей структурой временности, следовательно, и с «ничто». Через понятие «тревога» Сартр переносит «свободу» в этический контекст. По его мысли, «тревога» определяет отношение к ценностям и тоже ставит их под вопрос. Ценности с необходимостью требуют основания, но Сартр отмечает, что их основанием не может быть бытие, так как это исключало бы возможность «свободы». Ценности получают бытие из своего «требования», и не наоборот. Следовательно, ценности определяются «свободой», а значит, бытием человека. Поэтому, по мнению Сартра, принятие какой-либо системы ценностей не оправдывается ни чем. Основание ценностей кроется в «свободе» и раскрывается в «свободе», но она в качестве бытия человека «тревожится» быть основанием ценностей.

Основываясь на таком понимании «свободы», Сартр рассматривает конкретные ситуации, в которых оказывается человек, и которые, так или иначе, ставят вопрос о свободе. Хотя Сартр говорит, что онтология не может формулировать «моральные предписания», но, тем не менее, отмечает, что она может предугадать основания этики, а вопрос «морального описания» решается «экзистенциальным психоанализом»². По замыслу Сартра, «экзистенциальный психоанализ» должен открыть человеку, что он как бытие «свободы» является основанием ценностей, и посредством этой «свободы» ценности существуют. Поэтому «...ни позади, ни впереди нас – в светлом царстве ценностей – мы не имеем ни оправданий, ни извинений»³. Соответственно проблема «ответственности» приобретает особую напряжённость и значение. В таком контексте существуют, например, герои незавершённой тетралогии «Дороги свободы». Сартр показывает, что, независимо от того, стремятся они к свободе, считают или не считают себя свободными, люди постоянно обречены делать выбор, осознанно или неосознанно, но они делают его. «Свобода не помогает жить» – осознает

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. С. 96.

² Там же С. 919-922

³ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сартр Ж.-П. Тошнота: Избр. произведения. М., Республика, 1994. С. 442.

один из героев книги, но в тоже время человек желает свободы ради свободы. Дорога к свободе есть результат осознания собственного бытия как «свободы». В этом смысле никакой дороги к свободе нет, так как она уже дана и человек не может отказаться от неё. Поэтому человек обречён делать выбор, но, поскольку у него, по мысли Сартра, не может быть никакого внешнего оправдания, то человек ответственен за этот выбор. «Свобода» сама по себе как человеческое бытие ни от чего не зависит, но «человеческая реальность» наполнена «действием», и здесь человек сталкивается со свободой другого. И на этом уровне свобода немыслима без чужой свободы. Поэтому желание свободы должно быть и желанием свободы другого. Сартр говорит: «...человек становится человеком не тогда, когда он замыкается в себе, а когда он преследует какую-либо цель вне себя, как, например, освобождение или то или иное достижение»¹. Поэтому удачный проект человека заключается в осознании того, что он находится вне себя – в постоянном движении вовне, в осознании свободы, не существующей без свободы другого.

Таким образом, следует различать «свободу» как понятие в онтологии Сартра, сопряжённое с понятиями «ничто», «сознание», «человеческая реальность», «тревога», «бытие» и свободу в контексте этики и повседневности.

Список литературы

1. Сартр Ж.-П. Дороги свободы. М.: Издательство АСТ, 2015. 967 с.
2. Сартр Ж.-П. Картезианская свобода // Сартр Ж.П. Проблемы метода. Статьи. М.: Академический проект, 2008. С. 197-218.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сартр Ж.-П. Тошнота: Избр. произведения. М.: Республика, 1994. С. 435-458.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ: Астрель, 2012. 925, [3] с.

¹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сартр Ж.-П. Тошнота: Избр. произведения. М.: Республика, 1994. С. 457.

УДК 141.319.8
ББК 87

В.М. Воронов
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ПОНИМАНИЕ КАК ОРИЕНТАЦИЯ НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

***Аннотация.** В статье представлены краткие авторские размышления о проблеме понимания как способности к ориентировки на жизненном пути. Способность понимания жизненных ситуаций определяется как практическое мышление (φρονησις). Такой модус мышления противопоставляется наивности и паранойе.*

***Ключевые слова.** Ориентировка, мышление, практическое мышление (φρονησις), жизненный путь, наивность, паранойя.*

V.M. Voronov
Murmansk Arctic State University,
Murmansk, Russia

UNDERSTANDING HOW ORIENTATION TO PATH OF LIFE

***Abstract.** The article presents the author's brief reflections on the problem of understanding how the ability of orientation in life. The ability to understand situations defined as practical thinking (φρονησις). This mode of thinking is opposed to the naivety and paranoia.*

***Key words.** Orientation, thinking, practical thinking (φρονησις), path of life, naivety, paranoia.*

В первую очередь можно обратить внимание на неравновесность концептов «пути» и «ориентира». В этой паре «путь» представляет собой более «раскрученный» мыслеобраз. Однако, размышляя об их соотношении, можно задаться вопросом, а возможно ли какое-либо продвижение без акта ориентировки? Сам путь, если это действительно путь, а не просто блуждание, предполагает, хотя бы элементарное понимание направления и характера движения. Так, в знаменитом хайдеггеровском образе просёлка (лѣсной тропы), таким ориентиром выступает дуб, твердящий просѣлку о том, что «самородно-подлинное рождается лишь тогда, когда человек одинаково и по настоящему готов исполнять веления превышних небес, и хоронится под защитой несущей его на себе земли»¹. Путник может сориенти-

¹ Хайдеггер М. Просѣлок // Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. С. 392.

роваться и на «звук колокола», который начинает звучать в ночной тишине, когда просёлок истончается и приближается к городской черте¹. Да и сам «зов просёлка» является ничем иным как истинным ориентиром для человека в эпоху гигантизма технократии. Однако, любой ориентир является ориентиром только для того, кто способен сориентироваться, и, только он и способен увидеть путь как путь.

Заблудившийся человек, часто не держит направления и движется по круговой траектории, попадаясь, сам того не желая, на так называемый «фокус правой ноги». Ориентир – то, что позволяет идти вообще и более того позволяет идти в правильном (нужном, верном, заданном и др.) направлении. В то время как дезориентация связана с топтанием на месте, с движением в неверном направлении, с кругов блужданием и др. Естественно, что блуждать можно не только по физическому лесу, но и по жизненному. Блуждают, например, герои знаменитого романа Г. Маркеса «Сто лет одиночества», одержимые своими страстями, идеями, страхами и магиями. Все они не находят выхода из своего одиночества и ведут род Буэндиа к вырождению и гибели.

Другой модус дезориентации – это потерянности (растерянность). О попавшем в затруднительное положение и не знающим как поступить мы говорим – «человек растерялся», и, напротив, про нашедшего выход из трудной ситуации – с «честью вышел из положения». Для того чтобы выйти надо правильно сориентироваться, т.е. сообразить куда идти. Правильная ориентировка в данном случае означает правильное понимание. Мы можем не понимать, «что делать в принципе», или же «каковыми будут правильные действия» в ситуации выбора. Шанс на понимание может возникнуть тогда, когда человек решается признать свою первоначальную «дезориентацию». Сориентироваться в данном случае означает правильно понять положение дел. Нередко же мы просто мним себя знающими, но по истечению времени, оказывается, что мы были в плену иллюзорных представлений. Думая постфактум (т.н. «задним умом»), конечно можно прийти к пониманию ошибок. В этом случае человек понимает, например, что искреннее проявление чувств было понято как притворство, притворство – как искренность, подарок – как ловушка, ловушка – как подарок и др.

Понятно, что мы не можем видеть все возможные детали на нашем жизненном пути, однако, понимание некоторых аспектов это наша задача, если мы хотим, вообще, хоть куда-то продвигаться. Вероятно, это положение дел было осмысленно уже Сократом. Так, согласно Ксенофону, Сократ разделял дела необходимые, в которых человек *должен* уметь разбираться, и дела, неподвластные пониманию человека, а, находящиеся в компетенции бога (богов). Например, «...специалист по стратегии не знает, полезно ли быть стратегом; человек, опытный в государственных делах, не

¹ Там же. С. 394.

знает, полезно ли стоять во главе государства; женившийся на красавице себе на отраду не знает, не будет ли через нее терпеть горе...»¹. Например, шекспировский Отелло, женись на молодой красивой венецианке Дездемоне, очевидно, не мог знать будет ли она ему верна в супружеской жизни или не будет, в принципе, но рефлексивно отнести к словам Яго было в его силах. Поэтому, с одной стороны, бессмысленно считать себя ясно видящим жизненный путь на годы вперед согласно некому плану. Но, с другой стороны, человек является ответственным за те пути, которые он выбирает, за те ориентиры, которым он следует.

Что значит понять ситуацию или положение дел? Понять не означает просто выбрать некую оптимальную реакцию на внешний стимул. Можно сказать, что рефлексия открывает человеку ситуацию. Например, в мире платоновской пещеры узники могли, конечно, как-то реагировать на появляющееся перед их взором образы, но подлинное уяснение положения дел требует от них совершенно иного. Понимающими, и, соответственно, адекватно ситуации действующим, являлись бы только те из них, кто смог бы сбросить оковы и выйти на свет.

Чем конституировано понимание? На этот вопрос давались, даются и будут даваться различные ответы, но можно попробовать высветить один важный аспект. Речь идёт о своего рода пограничном характере того типа мышления человека, который в греческой традиции определялся как φρονησις (практический ум, рассудительность, благоразумие, практическая мудрость). Такой практический ум может быть противопоставлен не только некой неразумной жизни, но и модусам мышления, генерирующим иллюзии. В этом смысле практическое мышление можно трактовать, в том числе, и как некую пограничную область между наивностью и паранойей. Если наивность закрывает от человека возможность узреть скрытый смысл, то параноидальность мысли заставляет верить в псевдообъясняющие схемы. Мы – люди, можем относительно легко переключаться между состояниями недоверия (сомнения) и доверия. Ясно, что необходимо также понять, чему (или кому) стоит доверять, а в чём (или в ком) стоит сомневаться. Так шекспировский Отелло не доверяет своей жене, но доверяет словам Яго. В результате он смотрит на платок, который оказался у Кассио в силу случая как на доказательство измены Дездемоны. Конечно, в этом сюжете имеет место интрига и манипуляция, но человек может быть ослеплён и собственной «идеей фикс» или, что банальнее, просто прислушиваться к своему внутреннему «Яго».

Речь не идет, конечно, о том, что из жизни можно исключить горизонты риска. В этом смысле рефлексия является тем, что снижает риски, но не изгоняет их. При этом ставка на практическое мышление (φρονησις) как мета-практику означает следование определённой линии, которую

¹ Ксенофонт Воспоминания о Сократе. I, 1, 7-8.

можно назвать линией сопряжения жизни и мысли. Думается, что тот «Отелло», который проявил бы способность к размышлению в таких обстоятельствах, вряд ли стал бы душить даже действительно изменившую супругу. В подобных случаях совершения рефлексивных актов, мы и сталкиваемся с тем, что можно назвать подлинно человеческим поведением. Надо сказать, что действительно **вести себя**, а не просто реагировать на внешние обстоятельства сквозь призму излишней наивности или чрезмерной подозрительности, способен только ориентирующийся на мышление человек.

Таким образом, практическое мышление (φρονησις) может быть понято как должная и подлинная для человеческого существа жизненная ориентация. Можно сказать, что жизненный путь в истинном смысле как то, что определяется поступками человека, возможен только как результата актов ориентировки на этом пути. Сориентироваться – значит понять куда идти. Жизненная дорога в любом случае не может превратиться в полностью контролируемую карту-схему, но она не должна и превращаться в бесцельное блуждание. Практическое мышление, которое ориентирует нас в разных (простых и сложных) жизненных ситуациях, может быть определено в качестве пограничья (пограничной зоны) между наивностью и паранойей.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Просёлок // Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. С. 391-394.
2. Ксенофонт Сократические сочинения. М.: Мир книги, Литература. 2007. 368 с.

Е.В. Филиппова
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

XX ВЕК: ПУТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ УТОПИЙ И АНТИУТОПИЙ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию специфики восприятия будущего в социальном мышлении XX в.: рассматриваются и сопоставляются феномены антиутопии и практопии – социальный контекст их возникновения и развития, а также их сущностные характеристики. Выявляются как различия между ними, так и черты единства и преемственности.*

***Ключевые слова.** Утопия, антиутопия, практопия, будущее, прогноз.*

E. V. Philippova
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

XX CENTURY: THE WAYS OF MANKIND IN THE MIRROR OF UTOPIA AND DYSTOPIA

***Abstract.** The article investigates the specifics of perception of the future in the social thought of XX century. The phenomena of dystopia and practopia are reviewed and compared according to the social context of their emergence and development, as well as their intrinsic characteristics, their difference and unity.*

***Key words.** Utopia, dystopia, practopia, future, forecast.*

Можно выделить два основных варианта развития модальности отношения к будущему в XX веке, которые могут быть обозначены как «футурофобия» и «футурология»: враждебное будущее – управляемое будущее. Соответствующие модели общества (антиутопия и практопия) отражают два противоположных настроения – социальный пессимизм и социальный оптимизм, экзистенциальную неуверенность и сциентистскую самонадеянность.

Если утопия рассматривается как изображение идеального общества, в рамках которого человеческие отношения достигают наивысшей гармонии, то антиутопия является изображением несовершенного и негармоничного, абсурдного и антигуманного общества. Антиутопия выступает «ревизией утопического миромоделирования», «саморефлексией утопического мышления»¹.

¹ Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С. 79.

Антиутопия исходит из убеждения, что любые попытки построить произвольно сконструированный справедливый общественный строй приводят к катастрофическим последствиям, рассматривает утопические проекты как насилие над человеческой природой, пролагающее путь к тоталитаризму, поскольку попытки создать совершенное общество на практике подразумевают переход к жестким методам социального контроля¹. Антиутопия показывает, «как утопический идеал по мере своего воплощения в действительность превращается в свою собственную противоположность»², поскольку он не может осуществиться, не искажаясь при столкновении с реальностью, и утопия всегда осуществляется в «превращенном» виде: эмпирическая действительность вызывает к жизни определенные утопические идеалы, которые, будучи воплощенными в реальных режимах, перерождаются в антиидеал.

Антиутопия также часто рисует отрицательную картину социальной системы, истоки которой можно наблюдать в тенденциях развития реальных обществ, и показывает «образ жизни, которого обязательно нужно избежать», тем самым критикуя возможности общественного развития и выступая социальным предупреждением³. «Отсюда вытекает парадоксальный факт, что предметом антиутопии является не будущая, а современная действительность, которая посредством социального воображения пытается осмыслить, что происходит в мире и что происходит с самим человеком, а также может произойти впоследствии»⁴.

Начало, появление феномена антиутопии определяется по-разному. В отечественной традиции антиутопия воспринимается в основном как феномен XX века⁵. В англо-американской традиции антиутопия обычно рассматривается как ровесница утопии, возникшая одновременно с утопией и эволюционировавшая параллельно с ней⁶. Истоки антиутопии при этом связывают с европейской сатирической традицией, начиная со времен античности (и конкретно Аристофана). Тем не менее, и при таком подходе расцвет и зрелость антиутопии относят к XX веку, времени пересмотра идеи прогресса и возможности рационального устройства общественной жизни⁷.

¹ Философия: Энциклопедический словарь / Под редакцией А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004; The Cambridge Companion to Utopian literature. Edited by G.Claeys. Cambridge University Press, 2010. P. 107-108.

² Брега С.С. Феномен утопии и антиутопии как явление в социуме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2009. №4. С. 48.

³ The Cambridge Companion to Utopian literature. P. 105; Брега С.С. Указ. соч. С. 50.

⁴ Брега С.С. Указ. соч. С. 50.

⁵ Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.

⁶ Parker M., Fournier V., Reedy P. The Dictionary of Alternatives. Utopianism and Organization. London & New York: Zed Books, 2007. P. 84.

⁷ Ibid. P. 80-82.

XX век считается временем антиутопического социального мышления. Причины этого кроются в историческом опыте человечества. Значимыми вехами на пути «поворота к антиутопизму» стали неудачи утопических социалистических экспериментов XIX в., Первая и Вторая мировые войны, построение тоталитарных режимов на Востоке и массового общества на Западе¹. Основная тема антиутопий – критика дегуманизации мира, разочарование в достижениях цивилизации, пессимистическое отношение к «гиперрационально структурированным общественным системам»², осознание потери человечности и индивидуальности, абсурдности и бессмысленности существования человека, утрата доверия к рациональности как таковой.

Антиутопия – стиль мышления, исследующий сосуществование человека и социума преимущественно художественными методами, нашедший отражение главным образом в литературе и кинематографе, а также в анимации и компьютерных играх. С.Г. Шишкина отмечает, что антиутопия обладает стойкими типологическими признаками интернационального характера, поскольку исходит из приоритета общечеловеческого над национальным, что объединяет антиутопические художественные произведения, принадлежащие разным культурам и созданные в разное время³.

Антиутопии несут на себе печать времени своего создания. В классическом антиутопизме (первая половина XX века) основными темами выступали тоталитаризм, технократия, централизованное планирование, бюрократизм. Современный антиутопизм (с 1980-х гг. по настоящее время) связан с осознанием опасности засилья крупных корпораций и распространения управленческих техник бизнеса на другие сферы жизни, с критикой всеобщей коммерциализации, культа потребления, манипулирования массовым сознанием. Появился также поджанр постапокалиптической антиутопии, который основывается на опасности глобальной катастрофы, ядерной войны, разрушения окружающей среды. В общем виде антиутопический дискурс направлен на выяснение соотношений внутри триады «человек – цивилизация – общество»⁴.

Как отмечает ряд авторов, возможно не только противопоставление социальных моделей утопии и антиутопии, но и их сопоставление⁵. Утопия

¹ The Cambridge Companion to Utopian literature. P.108-121.

² Шадурский М.И. Указ.соч. С. 80.

³ Шишкина С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2007. Выпуск 2. С. 199-202.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Дыдров А.А. Идентичные признаки обществ утопии и антиутопии на материале утопических и антиутопических литературных произведений // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Т. 23. 2010. № 3. С. 69; Он же. Утопия и антиутопия как специфические формы отношения к модусу будущего // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 39-40;

пия и антиутопия выступают противоположностями, но взаимообусловленными, связанными, как «две стороны одной медали», состоящими между собой в отношении диалога: классические утопии рождались на основе художественного моделирования социально-философских теорий; антиутопии отталкивались от уже реализовавшихся теоретических постулатов¹. XX век в форме антиутопического мышления отошел от классического комплекса утопических «метаидей» (веры в естественность добра, в разум, в прогресс), чтобы потом на новом витке вернуться к ним уже в русле футурологии. Так, Ф. Полак выделяет тенденцию в развитии образов будущего – антиутопическое преодоление утопии (de-utopizing), футурологическое преодоление эсхатологии (de-eschatolizing)².

Будущее (как и прошлое, и настоящее) не может восприниматься человеком нейтрально – это сфера его ожиданий, надежд и опасений, потенциальных возможностей и угроз. В зависимости от характера социальных ожиданий, можно выделить: представления о возможном, вероятном развитии событий; опасения нежелательного развития событий; размышления о должном и желаемом состоянии общества и путях его достижения (в последнем случае мы и имеем дело с утопией).

Современная научная утопия (практопия) – продукт сциентистского сознания – преодолевшая свое «ненаучное состояние» утопия, основанная на вере в разум, науку (в смысле science – т.е. точные, естественные науки), идею управляемого прогресса, организацию, планирование. Понимание и освоение будущего происходит в терминах «прогноза» и «конструирования» – будущее выступает строительным материалом, с которым работает человек, вооруженный научным методом.

Термин и концепция практопии предложены в работе Э. Тоффлера «Третья волна» (1980), в которой он констатировал «разрушение кода» индустриальной цивилизации (Второй волны)³. Третья волна исторических изменений (постиндустриальная цивилизация) представляет собой «не прямое продолжение индустриального общества, а радикальную смену направления движения»⁴.

Научные достижения (прежде всего, на базе новых технологий) открывают новые горизонты и преобразуют мир (в том числе сферу культуры, знания, социальных отношений, организации и характера труда, образования, бытовой инфраструктуры и международных отношений, а также да-

Брега С.С. Указ.соч. С. 49; Шишкина С.Г. Указ.соч. С. 206; Шадурский М.И. Указ.соч. С. 12-13.

¹ Шишкина С.Г. Указ.соч. С. 204-205.

² Polak F. The image of the future. Amsterdam-London-New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. P. 185.

³ Тоффлер, Э. Третья волна: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 92-116.

⁴ Там же. С. 557.

леко не в последнюю очередь отношения «человек – природа») в плане его гармонизации¹. «Таким образом, перед нами возникает картина совершенно нового образа жизни, нового не только для человека, но и для всей планеты»². Отправная точка глобальных изменений здесь – наука, которая позволяет перестроить все сферы общественного функционирования и выйти на качественно новый уровень, что позволяет рассматривать модель цивилизации «Третьей волны» как своего рода реплику на «Современную Атлантиду» Ф. Бэкона.

Ситуация наблюдаемого системного кризиса как раз и свидетельствует о начавшемся переходе к новому порядку. «Когда общественные институты рушатся у нас на глазах, когда растет преступность, распадается семья, когда некогда надежная бюрократическая машина дает сбой, система здравоохранения перестает действовать, а экономика трещит по швам, мы видим в этом только упадок и разрушение». Но на самом деле это признаки не только дезинтеграции старого общества, но и создания основы нового, «разлагающееся общество – это почва, на которой взрастает новая цивилизация»³.

Важны отметить здесь два момента. Во-первых, новая цивилизация не будет застрахована от серьезных проблем, изменения не могут быть безболезненными. (В этом заключается отход от утопии в понимании «законченного совершенства», статичного и закрытого для возможных изменений, т.к. изменение чего-либо совершенного означает его порчу.) Эту новую цивилизацию вряд ли можно назвать утопией, равно как и антиутопией, в связи с чем Э. Тоффлер предлагает для нее название «практопия» – «не лучший и не худший из возможных миров, но мир практичный и более благоприятный для человека, чем тот, в котором мы живем», предлагающий «позитивную и даже революционную и тем не менее реалистичную альтернативу»⁴.

Во-вторых, практопия рассматривается как *возможность*, но не неизбежность. Практикопия как «мир не совершенный, но лучший, чем наш» возможна при определенных условиях: если мир сумеет преодолеть сложности переходного периода, *выстроить* то будущее, предпосылки к которому уже имеются в настоящем или вскоре появятся. «Переходный период будет отмечен величайшими социальными потрясениями, мощными сдвигами в экономике, технологическими провалами и катастрофами, политической нестабильностью, насилием, войнами и угрозой войн. В атмосфере разрушения общественных институтов и системы ценностей авторитарные демагоги и движения станут пытаться захватить власть, и, может

¹ Тоффлер, Э. Третья волна: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 559-568.

² Там же. С. 568.

³ Там же. С. 557-558.

⁴ Там же. С. 569.

быть, эти попытки будут успешными. Ни один разумный человек не может с уверенностью предсказывать исход этих процессов. Столкновение двух цивилизаций несет в себе грандиозную опасность. И в то же время мы рассчитываем на выживание». «Сливаясь воедино, изменения сегодняшнего дня дают направление на жизнеспособную контрцивилизацию, альтернативную устаревшей и потерявшей работоспособность индустриальной системе <...> Достигнуть всего этого – трудная задача. Но выполнимая»¹.

Таким образом, концепция практопии способствует преодолению традиционной критики в антинаучности, предъявляемой утопии, поскольку отказывается от замкнутости и антиисторизма, видится как развивающаяся система, которая «противопоставляет свою открытость, альтернативность, плюрализм статичности и глубокому фанатизму старой утопии»², исходит из не однозначно заданного, а вероятностного характера будущего.

Социальный критицизм имманентно присущ любой утопии, не является исключением и утопия послевоенного XX века; ее качественно новая черта – практицизм и компромиссный характер, это «утопия выживания», включающая в картину будущего напряжение, конфликтность, драматизм. Настоящее воспринимается как тяжелый кризис, но при этом естественный и исправимый. Происходит замена «исконной утопической формулы «прекрасного мира» компромиссной формулой «мира лучшего, чем наш» или даже постапокалиптической формулой «мира, который выживет»»³.

Современные future studies (исследования будущего, футурология), в русле логики практопии, исходят из того, что возможно и необходимо «сознательно и со знанием новейших методов науки о сложном конструировать желаемое будущее». «Мы не должны ждать подарков от будущего, но активно строить, создавать желаемое, предпочитаемое будущее» на основе трансдисциплинарных научных методов и понимания «конструктивной, созидательной, активной роли человека»⁴. Making the future, (re)design of the future, shaping the future – понятия уже не из области фантастики, а из сферы научной терминологии.

Парадигмальной базой здесь выступает «конструктивистский реализм» как единство, с одной стороны, философского конструктивизма с его особой эпистемологической позицией («Субъект и объект находятся в

¹ Тоффлер, Э. Третья волна: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 558, 570.

² Чаликова В. Утопия рождается из утопии. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 26.

³ Там же.

⁴ Князева Е.Н. Конструирование будущего. Режим доступа: <http://futuroligija.ru/bibl/knyazeva-e-n-konstruirovanie-budushhego> (дата обращения: 10.11.2016).

отношениях взаимной детерминации, взаимного становления», «то, с чем имеет дело человек в процессе познания и освоения мира – это не какая-то реальность, существующая сама по себе, которую он пытается постичь, а в каком-то смысле продукт его собственной деятельности», с другой стороны – синергетики, исходящей из осознания предела творческой деятельности человека, естественных ограничений в виде собственных путей эволюции сложных систем, которые задаются их внутренними свойствами, ситуациями неопределенности, нелинейностью связей действия и результата («Не все, что угодно, можно осуществить, сконструировать, построить, но только то, что согласовано с внутренними тенденциями сложных систем»)¹.

Поскольку современная утопия уже не исходит из желания коренного разрыва с прошлым/настоящим, а предусматривает определенную преемственность, образуется путем выделения в настоящем положительных тенденций, вселяющих надежду продолжения их в будущем, то сам факт их наличия может служить индикатором относительно благоприятного (по крайней мере, небезнадежного) социального климата и общественных настроений.

Несмотря на научную базу, у футурологии много общего с утопическим мышлением: изначальные установки (мир познаваем, общественное развитие поддается управлению, человек задан социально), сама логика мышления (критический анализ наличной действительности – трансценденция – альтернатива, конструирование *желаемого* будущего).

Ориентация на научность, стремление к системной аргументации и эмпирической верификации – основополагающая особенность развития утопии в XX веке. По словам В.А. Чаликовой, произошло «превращение некогда экзотически яркого жанра в интеллектуальный стиль»: «Современный автор, создавая утопию, ищет своему занятию другие, более «приличные» названия («проект», «программа»), а кружок своих единомышленников стремится представить как строго формализованную деловую организацию, как научно-исследовательский институт»².

И.Д. Тузовский полагает, что феномены антиутопии и практопии относятся к одному уровню прогнозирования и имеют много общего. Их основная функция – предупреждение социума о возможных негативных вариантах развития на основе реалий сегодняшнего дня. Футурология может дать также оптимистический прогноз, развеивающий тревожные ожидания (этот вариант симметричен литературной утопии). Различие заключается в том, что фантазия и гротеск, субъективные черты будущего в антиутопиях первичны, в футурологии вторичны, поскольку она декларирует первич-

¹ Князева Е.Н. Конструирование будущего. Режим доступа: <http://futuroligija.ru/bibl/knyazeva-e-n-konstruirovanie-budushhego> (дата обращения: 10.11.2016).

² Чаликова В.А. Указ.соч. С. 31, 29.

ность своей научности и лишь затем привлекает интуицию и воображение¹.

Как практопии, так и антиутопии отнесены И.Д. Тузовским к «авторитетному» прогнозированию (занимающему промежуточное место между мистико-религиозным и научным прогнозированием), поскольку они в большей мере зависят не от строгих научных методов верификации, а от аналитических и творческих способностей конкретного автора, его «интуиции социальных возможностей». «В использовании термина «уровень прогнозирования» нет намека на ценность или достоверность прогноза, под иерархическим уровнем подразумевается близость к научным методам изучения настоящего и прошлого». В связи с этим он называет прогнозы наиболее известных прогнозистов второй половины XX века (Д. Белла, Э. Тоффлера, З. Бжезинского) «околонаучными», «спекулятивными», поскольку в них происходит смешение уровней прогнозирования: «Это некачественные и изначально обладающие низкой релевантностью фантазии, объясняющиеся уверенностью прогнозиста в собственном авторитете [научном, социальном, политическом]. Некритически воспринятые идеи превращаются в магические формулы, наукообразные заклинания, которые уже не нуждаются в верификации (с точки зрения сторонников авторитетной концепции) и повторяются из работы в работу. <...> Большую роль играет уже не научность методики построения прогноза, а имя-бренд»².

Мы оказываемся перед фактом «перерождения исторически сложившихся утопических жанров в утопический стиль, трудно поддающийся строгому определению, но хорошо узнаваемый каждым, кто знаком с утопической литературой. Это некий синтез философии истории, социальной критики, футурологии и религиозной философии, но с новым качеством»³. Все это расширило границы утопии, сделало их подвижными и неопределенными.

Таким образом, можно констатировать противоречивое развитие модальности отношения к будущему в XX веке, воплощенное в антиутопии и практопии. В связи с этим представляется продуктивным предложенный авторами «Проективного философского словаря» термин «амбиутопизм», который указывает на «общность или обратимость тех явлений, которые обычно мыслятся как взаимно исключаящие». Настроение начала XXI века характеризуется противоречивым, амбивалентным отношением к будущему, сочетанием утопизма и антиутопизма, которое «напряженно переживает именно их обратимость», когда «к каждому утопическому порыву

¹ Тузовский И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2009. С. 55-57.

² Тузовский И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2009. С. 47-49.

³ Чаликова В.А. Указ.соч. С. 30.

примешивается антиутопический страх». Как отмечают авторы словаря, «амбиутопизм вообще присущ глубокому, объемному отношению к будущему»¹.

Список литературы

1. Брега С.С. Феномен утопии и антиутопии как явление в социуме. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: "Философские науки". 2009. №4. С. 46-50.
2. Дыдров А.А. Идентичные признаки обществ утопии и антиутопии на материале утопических и антиутопических литературных произведений // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Т. 23. 2010. № 3. С. 69-72.
3. Дыдров А.А. Утопия и антиутопия как специфические формы отношения к модусу будущего // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 38-41.
4. Князева Е.Н. Конструирование будущего [Электронный ресурс]. URL: <http://futuurologija.ru/bibl/knyazeva-e-n-konstruirovanie-budushhego> (дата обращения: 10.11.2016).
5. Проективный философский словарь / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. М.: Алетейя, 2004. 512 с. URL.: http://projective_philosophy.academic.ru/4/Амби (дата обращения: 10.11.2016).
6. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 781 с.
7. Тузовский И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2009. 312 с.
8. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
9. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
10. Чаликова В. Утопия рождается из утопии. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 107 с.
11. Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 160 с.
12. Шишкина С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2007. Выпуск 2. С. 199-208.

¹ Проективный философский словарь / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. М.: Алетейя, 2004. 512 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://projective_philosophy.academic.ru/4/Амби-.

13. The Cambridge Companion to Utopian literature. [text] / Edited by G.Claeys
Cambridge University Press, 2010. 285 p.
14. Parker, M., Fournier, V., Reedy, P. The Dictionary of Alternatives. Utopian-
ism and Organization. London & New York: Zed Books, 2007. 338 p.
15. Polak, F. The image of the future. Amsterdam-London-New York: Elsevier
Scientific Publishing Company, 1973. 319 p.

А.В. Попова
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ И ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ: ЧЕЛОВЕК В СЕТИ

Аннотация. В статье говорится о поведении человека в Интернете, раскрывается одна из возможных причин тяги к нему – желание избежать Другого. Рассматривается отсутствие независимости и свободы в Интернете и замыкание пользователя на своих собственных предпочтениях, используемых для рекламы, политического манипулирования и т.п.

Ключевые слова. Интернет, пользователь, Другой, Я, «информационный пузырь».

A. V. Popova
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

USER AND USED: PEOPLE IN THE NETWORK

Abstract. In this article is described human behavior on the Internet, stated possible reason for attraction to the Internet, and considered lack of freedom and independence on the Internet where users focus on their own preferences, which ones can be used for advertising, political manipulation etc.

Key words. The Internet, user, Another, Information bubble

Интернет и пользователь.

Под Интернетом далее мы будем понимать всю совокупную систему, благодаря которой стало возможно появление этой новой среды: как систему передачи данных, Интернет, так и информационную систему, Всемирную паутину.

В настоящее время Интернет доступен большому количеству населения земли. Количество пользователей постоянно растет: если в 2000-м г. количество пользователей от всего населения планеты составляло 6,5% человек, то в 2015-м г. – 43%¹. Всего в мире на 2016-й год насчитывается 3,5 миллиарда пользователей². Стоит отметить факт того, что обеспечение доступа к Интернету для беднейших стран мира, считается приоритетным направлением. Компания «Internet.org», одним из основателей которой яв-

¹ Пресс-релиз Международного союза электросвязи. URL: http://www.itu.int/net/pressoffice/press_releases/2016/pdf/30-ru.pdf (дата обращения 22.09.2016).

² Там же.

ляется социальная сеть «Facebook», в своих целях имеет разработку проектов, позволяющих бесплатный выход к важным ресурсам Интернета. Таким образом, Интернет сегодня становится важнейшей потребностью человека, а для бедных стран доступ к нему ставится в один ряд с показателями отсутствия голода и возможностью получения медицинской помощи.

Несмотря на современную повсеместность Интернет-жизни, некоторые исследователи до сих пор не принимают Интернет-среду всерьез, предполагая, будто это среда развлечений, где пользователи – это люди, которые «верят в позитив, живут и общаются для того, чтобы приятно провести время¹». Но времяпрепровождения в Интернете не ограничивается только развлечениями: оно включает в себя и учебу, и работу, и любовь и все иные сферы вполне реальной жизни. Быть в Интернете – значит быть со всеми, среди всех, не оставаться в стороне от жизни («FOMO²»). У человека существует внутренняя потребность оказаться в Интернет-среде, сильная тяга к ней, в природе которой необходимо попробовать разобраться.

Можно предположить, что причина указанной тяги к Интернету лежит в потребности снятия с себя личных, собственных переживаний, смыслов, символов и втягивания в общий поток внешней жизни. В Интернете, как уже было отмечено, человек находится среди других. Он как бы представлен перед другими. Социальная сеть – это пользовательская сеть связи людей друг с другом. В Интернет-среде вообще, и в социальных сетях, в частности, человек имеет свое представительство через знаки: аватары, тексты, фотографии. Любые лично значимые символы человека, перенесенные в Интернет-среду, становятся «означенными», то есть, переходят в знаки. Личный, интимный смысл символа теряется. Знак же является пригодным для распознавания и коммуникации с другими.

Таким образом, человек ощущает внутреннюю потребность в снятии личностного, присутствующего лишь ему, и в обращении к общему, распознаваемому другими, безличному. Можно назвать это бегством в безличное пространство.

Современного человека принято называть «пользователем» по его отношению к технике. Современный термин «пользователь» происходит от глагола «пользоваться», что значит употреблять что-либо для своей цели, извлекать из чего-либо выгоду. Категория пользы была рассмотрена еще Аристотелем, но центральным понятием она стала в этической теории утилитаризма. И. Бентам писал, что частные интересы отдельного человека, личное преуспевание многих людей складывается в общую сумму сча-

¹ Егорова В.И. Факторы проявления карнавальности в виртуальной реальности // Вестник ВятГГУ. 2011. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/factory-proyavleniya-karnavalnosti-v-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 04.01.2017).

²FOMO – fear of missing out (боязнь остаться в стороне). «Слово года» по итогам голосования Американского лингвистического общества, 2011 год.

стью¹. Таким образом, по его мнению, реально существуют лишь индивидуальные интересы, а общие являются их суммой. Моральная ценность любого поступка оценивается по степени его полезности и является, таким образом, относительной, что означает «цель оправдывает средства²». Общей целью же многими философами утилитаризма и эпохи Просвещения вообще признавалось счастье каждого отдельного человека. Таким образом, категория пользы в эпоху Просвещения обрела особое наполнение. Современное для информационной эпохи слово «пользователь», соответственно, вобрал в себя именно это значение.

Следовательно, пользователь – это понятие, которое основывается на движении человека к личному успеху или счастью, при котором средства истолковываются с позиции полезности цели.

Я и Другой в контексте Интернета.

По мнению М.М. Бахтина человек может совершить выход в мир, стать целостной личностью, сопричастной к бытию только через поступок или событие³. Местом сознательного выхода человека в мир является Я, в котором он отличает себя самого от всего остального. Таким образом, событие – это способ нашего участия в бытии. Причем событие возможно лишь при участие противоположностей – Я и Другого. Без Другого невозможно сопричастность бытию.

Свою внешнюю личность – целостную телесность – Я не имеет возможности осознать и воспринять, потому может лишь конструировать её. Конструирование внешней личности невозможно без оценок других людей. Таким образом, целостное существование человека невозможно без Другого.

Я и Другой как противоположности выстраивают диалог друг с другом, без этого диалога невозможна целостность человека и его участие в бытии.

Таким образом, человек не может быть целостным и не может быть человеком вообще без других.

Я, которое смотрит на себя в зеркало, видит самого себя глазами Другого, причем фальшивого, ложного, выдуманного Другого. В этой ситуации, поскольку настоящего Другого нет, невозможен и настоящий диалог, и, соответственно, событие как таковое.

С распространением первых поисковых систем, судя по данным исследований, пользователи чаще всего искали ту информацию, которую они не могли обсуждать с родными или докторами в силу интимности ее характера. Поисковая система стала стерильным средством поиска ответов на вопросы в бесконечном потоке информации. Стерильность заключается

¹ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.

² Бентам И. Указ. соч.

³ Бахтин М. М. Человек у зеркала // Бахтин М. М. Соч.: в 8 т. Т. 5. М., 1997.

в том, что человек в момент поиска может быть анонимным, бесследным. В самом этом акте уже ощущается момент фальши. Вся информация, имеющаяся на сайтах представлена другими людьми. Но в момент поиска, в момент ее прочтения, человек не сталкивается с другим человеком, а остается изолированным в своей квартире с возможностью в любой момент «замести следы». Таким образом, система поиска дает облегчающую возможность оставаться с самим собой каждому, не вынося наружу своих вопросов, переживаний или пристрастий.

В ситуации поиска и работы с информацией в Интернете, человек изолирован от других, он не сталкивается с ними, потому диалог в понимании М.М. Бахтина в повседневных практиках Интернета невозможен. Соответственно, событие и рождение Я также невозможны.

Причем, современные поисковые системы ограничивают человека так же, как он ограничен своим миром и своим кругозором в реальности. Но если в понимании М.М. Бахтина картина мира каждого уникальна и не видима больше ни с какого другого места, то картина в Интернете типична. Это означает, что поисковая система подбирает информацию для искусственно выделенного типа людей.

Для современных поисковых систем характерна ситуация «информационного пузыря»: специального подбора информации по внешним характеристикам Пользователя (ОС, марка компьютера, возраст, пол, последние открытые сайты, местоположение и др.). Таким образом, поисковая система различает «внешнее тело» Пользователя. И оно характеризуется в основном теми маркерами, которые используют и корпорации для продажи своих товаров – типичными характеристиками массового пользователя в современной индустриальной среде.

Таким образом, пользователь сам находится в позиции «использованного» со своего согласия. Вероятно, это та цена, которую он готов заплатить за стерильность и уютность своего существования.

Я и Пользователь: сопоставление.

Я, по мнению М.М. Бахтина, это сознательный выход человека в мир, в котором он различает самого себя (Я) и то, что ему противостоит (не-Я). Каждому человеку с его позиции доступна уникальная картина происходящего, которая не доступна ни с какого другого места в мире. Эта ситуация является данностью, с которой приходится мириться. В этом смысле, столкновение Я и Другого всегда неизбежно, так как это столкновение двух кругозоров, двух миров, причем самодостаточных. Их нельзя поменять местами или заменить одного на другого. Я и Другой всегда имеют границы.

Я не может воспринимать собственное тело (свои границы) полностью, лишь его фрагменты; либо человек может видеть себя глазами выдуманного «Другого» в зеркале. Также внешняя личность Я конструируется с помощью оценок Других. Но, по мысли Бахтина, в основе Я лежат все

же внутренние переживания, а не внешние. Ценность же «внешней личности» носит заемный характер, конструируется мною, но не переживается непосредственно». Также Бахтин отмечал, что я сам не может быть автором своей собственной ценности, как я сам не может поднять себя за волосы.

Пользователя можно рассматривать как частную инструментальную роль человека в Интернете и в жизни вообще. Но, на наш взгляд, в некоторых случаях случается так, что такая частность захватывает целое и становится выражением человеческого существа. То есть, человек становится Пользователем по отношению ко всей жизни. Самого себя он также рассматривает как Пользователя, с его позиции оценивает себя.

Роль других людей по отношению к Пользователю существенно иная нежели роль Другого по отношению к Я. Другие люди становятся «оценщиками» успеха Пользователя, который они фиксируют своим отношением, имеющим материальное или нематериальное выражением. Но в отношениях между человеком-пользователем и другими пользователями не происходит выхода в мир Я и Другого.

«Маршруты» пользователя в Сети.

Поисковая система необходима для поиска информации во Всемирной паутине, в Интернет-магазинах и т.п. Самые известные поисковые системы на данный момент: Google, Yahoo, Яндекс в России и т.п. В начале 1990-х гг., когда сайтов становилось все больше и больше, а ориентироваться в них было все сложнее, была создана первая примитивная поисковая система в Сети – «W3Catalog» (1993). В следующем году возникла поисковая система, позволяющая ориентироваться по любым словам в информации любой веб-страницы – «WebCrawler». С этой поры возникало множество похожих поисковых систем, которые уже были направлены на коммерческую выгоду. Поисковые системы соперничали с известными интернет-каталогами, такими как Yahoo!. Подобный каталог сегодня имеется у каждой крупной поисковой системы: в нем содержатся ссылки на все доступные сайты, которые ранжированы либо по дате добавления, либо по алфавиту, либо, как сегодня, по индексу цитирования и посещаемости сайтов. Если изначально поисковые системы соперничали друг с другом, то Google, будучи еще никому неизвестной мелкой компанией, пошла по иному пути и начала продавать первые места в результатах поиска компаниям. Google стал самой популярной поисковой системой в силу инновационности. Ее основатели – Сергей Брин и Ларри Пейдж – разработали алгоритм PageRank, один из алгоритмов ссылочного ранжирования в каталоге. Этот алгоритм позволяет определить важность и авторитетность какого-либо документа среди всех остальных не просто по бездумному количеству ссылок на документ, а по тому, насколько авторитетный источник ссылается на этот документ.

Таким образом, пользователь с самого начала своей работы в Сети, начинает с пользования услугами робота. Причем раньше этот поисковый робот не умел работать со смыслами: для него имело значение только совпадение знаков в запросе и страницах каталога. Затем он был «научен» анализировать содержимое каждой веб-страницы.

Поисковая система предоставляет пользователю новые возможности: нет нужды самому тратить время на поиски нужного сайта по каталогам; не обязательно делать запрос грамотно – робот научен его распознавать и т.д. Но с другой стороны, пользователь становится «заложником» своего довольно могучего проводника.

Во-первых, пользователь попадает в так называемый «пузырь фильтров» (*filterbubble*¹): информация, предоставляемая ему, оказывается специально подобранной именно для него по его истории поиска, месторасположению, возрасту, марке компьютера и операционной системе и пр. С одной стороны, из-за «пузыря фильтров» пользователь ограничен в выборе источников, ресурсов, товаров. С другой стороны, у него может сложиться впечатление, что кругом существует и наличествуют лишь его узко направленные интересы. Таким образом, «запросы в Google определяют сознание».

Во-вторых, появляется всевозможный «поисковый спам»: определенные сайты и страницы, созданные с целью манипуляции результатом поиска, выдаваемые роботом по определенным запросам.

В-третьих, возникают «поисковые бомбы» (*linkbomb*): когда запрос приводит к выдаче абсурдного, провокационного результата. Многие «бомбы» провоцируются искусственно.

Таким образом, поисковые системы могут ограничивать пользователя, и в этом случае ресурсы Интернета оказываются не безграничными, а ограниченными интересами и жизнью каждого. Также с поисковой системой работает не аноним, а некий образ конкретного человека с набором определенных стандартных признаков, по которым система определяет интересы этого образа. Таким образом, хоть современного человека и принято считать пользователем по отношению к технике, выходит, что он сам оказывается в позиции использованного. Категория пользы разрабатывалась философами Просвещения и приобрела характеристики личного успеха и счастья, что также проявляется в современном понятии «пользователь».

Можно отметить и то, что в Интернете человек убегает не только от самого себя, но и от Другого как своей полной противоположности, без которого он не может быть целостным.

¹ Eli Pariser. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press, 2011.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Человек у зеркала. М. М. Бахтин. Москва, 1997.
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. Москва, РОССПЭН, 1998. 415 с.
3. Егорова В.И. Факторы проявления карнавальности в виртуальной реальности // Вестник ВятГГУ. 2011. №1. С. 32-35.
4. Пресс-релиз Международного союза электросвязи [Электронный ресурс]. URL: http://www.itu.int/net/pressoffice/press_releases/2016/pdf/30-ru.pdf (дата обращения 22.09.2016).
5. Pariser Eli. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011.

М.А. Романенко
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ОБРАЗ ПУТИ В ФИЛОСОФИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. В статье рассматривается значение образа пути в философии великого русского мыслителя Л.Н. Толстого. Отмечается, что сквозь призму образа пути Л.Н. Толстой понимал такие фундаментальные для философии понятия как жизнь, смерть, истина, добро, зло, любовь. Также показано, что наиболее важное для философии Л.Н. Толстого понятие – понятие Бога – всегда связано с символом пути.

Ключевые слова. Лев Николаевич Толстой, Бог, русская философия, образ пути, путь жизни.

М.А. Romanenko
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

THE SYMBOL OF WAY IN THE PHILOSOPHY OF LEO TOLSTOY

Abstract. This article describes the value of the symbol of way in the philosophy of the great Russian thinker Leo Tolstoy. Also this article describes the fact that through the prism of the symbol of way Tolstoy «sees» such important for philosophy concepts as life, death, truth, goodness, evil, love. Here it is shown that the most important concept of Tolstoy's philosophy – the concept of God – is always linked with the symbol of way.

Key words. Leo Tolstoy, the symbol of way, God, Russian philosophy, a way of life.

Лев Николаевич Толстой писал свои религиозно-философские и этические труды, усваивая, синтезируя и обобщая продукты философской мысли множества восточных и западных направлений. В своей поздней обобщающей работе под названием «Путь жизни» Л.Н. Толстой приводит утверждения многих всемирно известных мыслителей, в том числе и своих современников, и использует их суждения при создании собственной философской концепции жизни человека, которая напрямую связана с образом пути. Конечную цель такого пути Л.Н. Толстой иногда сравнивает с домом. Мотивы странничества, покинутого дома и возвращения домой встречаются во многих его работах.

Такие понятия как «любовь», «добро» и «зло», «жизнь» и «смерть», философ зачастую анализирует именно с помощью образа пути. Мыслитель пишет: «Заповедь о любви показывает два пути: путь истины, путь Христов, добра – путь жизни, и другой путь: путь обмана, путь лицемерия – путь смерти. И пусть страшно отречься от всякой защиты себя насилием, но мы знаем, что в этом отречении дорога спасения»¹.

Образ «пути» Л.Н. Толстой часто трактует и понимает по-разному, использует различные подходы: иносказания, притчи, аллегории, однако же цель любого пути, по мнению философа, всегда одна – это Бог и божественное.

По мнению Л.Н. Толстого человек является частью Бога, который является всем сущим, и путь человека бесконечен, как и сам Бог, и поэтому путь человека является вечным движением и развитием. Начало жизни человека находится не в теле, а в его бессмертной душе, которой «нужно такое же и дело бессмертное, как она сама. И дело это – бесконечное совершенствование себя и мира – и дано ей»². Чтобы мир стал лучше, первой задачей человека является то, чтобы сделаться лучше самому, утверждает Л.Н. Толстой: «Делай свое дело жизни, совершенствуя и улучшая свою душу, и будь уверен, что только этим путем ты будешь самым плодотворным образом содействовать улучшению общей жизни»³.

Человеческие души, по мнению Л.Н. Толстого, отделены телами не только друг от друга, но и от Бога, но при этом они «стремятся к соединению с тем, от чего они отделены»⁴. Соединение достигается «с душами других людей любовью, с богом – сознанием своей божественности»⁵, и в этом соединении заключается смысл и благо человеческой жизни. Такое соединение душ возможно благодаря освобождению от того, что препятствует сознанию божественности и любви к другим людям. Мыслитель разделяет препятствия к соединению на три группы: 1) грехи, т.е. потворство похотям тела, 2) соблазны, т.е. ложные представления о благе, и 3) суеверия, т.е. ложные учения, оправдывающие грехи и соблазны⁶.

Грехи, соблазны, суеверия – это указания того, что человек находится на неверном пути. Л.Н. Толстой рассуждает о неверных путях – путях зла и добра, об истинном пути человека и полагает, что если человек перестает ощущать благо, радость и счастье в жизни, это значит, что он сбился со своего истинного пути⁷. Духовную и зрячую составляющую человека Толстой называет совестью – эта духовная часть работает как стрелка ком-

¹ Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Книга по Требованию, 2012. 600 с. С. 222.

² Там же. С. 46.

³ Там же С. 221.

⁴ Там же С. 13.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Там же. С. 93.

паса. «Стоит человеку сойти с настоящего пути, и совесть показывает человеку, куда и насколько он сбился»¹.

Но с чего начинается грех, соблазн, суеверие? Откуда берутся эти дурные начала в жизни человека? Л.Н. Толстой считает, что намного вреднее самих дурных поступков дурные мысли, ведь всякие дурные поступки происходят от них. Дурного можно больше не повторять, и раскаяться в нем, но именно зло в разуме человека рождает зло в любой его деятельности: «Дурной поступок только накатывает дорогу к дурным поступкам; дурные же мысли влекут по этой дурной дороге»². Проводя мысль о том, что именно сознание человека определяет его бытие, философ цитирует Лао Цзы: «Толстое дерево началось с тонкого прута. Девятиэтажная башня началась с кладки малых кирпичей. Путешествие в тысячу верст начинается с одного шага. Будьте внимательны к своим мыслям, – они начало поступков»³.

Для достижения блага, полагает Л.Н. Толстой, необходимо совершать усилие, направленное не во внешний, а во внутренний мир человека, разум, душа, чувства, страсти и мысли человека – источник его счастья или несчастья, путь ненасилия, который человек должен избрать в отношении к другим людям, должен быть избран и в отношении самого себя: «Усилие это не есть усилие движения, усилие открытия нового мирозерцания, новых мыслей и совершения особенных новых поступков. Усилие, которое нужно для вступления в Царство Божие или в новую форму жизни, есть усилие отрицательное, усилие неследования за потоком, усилие неделания поступков, не согласных с внутренним сознанием»⁴.

Поэтому для Л.Н. Толстого размышление – это наилучший путь решения проблем в жизни человека, так как изменив свое мышление, можно изменить все, и в таком случае можно избежать горького опыта падения. Мыслитель приводит изречение Конфуция: «Тремя путями можем мы прийти к мудрости: во-первых, путем опыта, – это путь самый тяжелый; во-вторых, путем подражания, – это путь самый легкий; и в-третьих, путем размышления, – это путь самый благородный»⁵. При этом русский философ не противопоставляет разум вере, вера – неотъемлемая часть жизни человека. Л.Н. Толстой – религиозный этик и необходимость доказывать существование Бога он считает нелепым, так как для него Бог – это все сущее, бесконечное, которое человеку познать до конца не дано. Разум, наоборот, проверяет веру ложную и приближает к вере истинной, разум – источник блага и счастья в жизни человека.

¹ Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 37.

² Там же. С. 372.

³ Там же. С. 370-371.

⁴ Там же. С. 353.

⁵ Там же. С. 368.

Жизнь человека в этом мире конечна, поэтому как и многие мыслители Л.Н. Толстой рассуждает о смерти человека. Путь человека по мнению философа не заканчивается после смерти тела, и сама смерть, по мнению философа, происходит исключительно по воле Бога, и несет только благо. «Душа не живет в теле, как в доме, а как странник в чужом пристанище»¹. Сознание собственной смерти по Л.Н. Толстому необходимо человеку, так как именно оно дает понять, что тело бренно, невечно, а страсти и желания тела не могут являться главными, и «для того, чтобы сознательный, разумный человек переносил свою жизнь из жизни телесной в жизнь духовную. Перенесение это не только уничтожает страх смерти, но делает ожидание смерти чем-то подобным чувству путника, возвращающегося домой»². Человек согласно мыслителю происходит от Бога, и возвращается к Богу, как путник домой³.

Стоит отметить, что несмотря на такую важность образа пути в философии Толстого, его изучение не имеет целостного характера. Однако практически все авторы, изучавшие и изучающие различные аспекты идей Л.Н. Толстого, прямо или косвенно обращаются к данной проблематике⁴. Анализ феноменов "жизни" и ее "смысла", "смерти" и "бессмертия", "нравственности", "добра" и "зла", "насилия", "деяния" и "недеяния" в творчестве мыслителя, приводит к вольному или невольному обращению к толстовскому образу пути, который становится своеобразным ключом для их анализа.

Одной из основных мыслей учения Л.Н. Толстого, является то, что «Не Бог работает на человека, не человек работает для Бога – Бог работает человеком, жизнь человека подобна лабиринту, и он должен пройти свой путь»⁵. Жизнь человека состоит в одухотворении и в возгорании – это путь, самопрохождение жизни и бесконечное движение по жизни, заключающееся в творении человеком самого себя. Таким образом, человеческая жизнь состоит в путевом прокладывании самого себя. Внутри самого себя каждый человек должен определить путь, спасения и восстановления ду-

¹ Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 493.

² Там же. С. 452.

³ Там же.

⁴ Такое обращение характерно и для дореволюционной философии, и для советской, и для современных исследователей. Например, П.А. Сорокин – философ досоветского периода в работе «Л.Н. Толстой как философ» обращается к вопросам о пути, В.Ф. Асмус – советский мыслитель, зачастую критикующий идеи Толстого, анализирует вопросы о пути в статье «Мировоззрение Толстого». Из современных авторов к проблематике пути в философии Толстого обращались: М.Л. Гельфонд, Ю.В. Шарановская, С.М. Пекарская, А.Д. Зорина, Чэнь Бин, Эгути Мицуру, С.А. Меситова, Е.Д. Мелешко, С.В. Алябьев, А.Г. Долгий, М.А. Монин, Г.А. Попов, Р.А. Бехтенева, Н.В. Волохову, Ли Со Ен, Е.И. Рачин, Е.Н. Шовина.

⁵ Там же. С. 301.

ши. Путь человека в приближении к своей божественной сущности – это путь Бога, познающего самого себя.

Л.Н. Толстой, обобщивший в работе под названием «Путь жизни» философские идеи и воззрения всей своей жизни утверждает путь стремления от частного – к общему, от вражды – к ненасилию, от тела – к духу, а от насилия – к любви, от человеческого – к божественному. Таким образом, можно говорить, что проблема пути, образ пути, феномен пути занимают центральное место и являются ключевыми во всей философии мыслителя, и все ее важнейшие понятия, такие как: «Бог», «жизнь», «смерть», «любовь» обретают свое значение только в связи с образом «пути».

Список литературы

1. Толстой, Л.Н. Путь жизни. М.: Книга по Требованию, 2012. 600 с.

РАЗДЕЛ II. ОРИЕНТИРЫ В ПУТИ

УДК 303.01
ББК 60.5

Ю. Константинов
Болгарское общество культурных
региональных исследований
г. София, Болгария

«ЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ» И ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ ЧАСТИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА)¹

Аннотация. Статья освещает проблему ориентира при замещении «резкой бинарности» на «расплывчатую гибридность» в отношениях «человек» и «природа».

Ключевые слова. Взаимосвязь человека и природы, граница, бинарность, гибридность, ориентир.

Y. Konstantinov
Bulgarian Society for Regional Cultural Studies
Sofia, Bulgaria

‘LIFE WAYPOINTS’ AND THE BOUNDARY PROBLEM (LOOKING AT HUMAN AND NONHUMAN BEHAVIOR IN THE REINDEER-HERDING PART OF THE KOLA PENINSULA)

Abstract. The article approaches the ‘life waypoint’ problem from the viewpoint of the substituting ‘rigid binaries’ by ‘fuzzy hybridities’ in human-non-human relationship.

Key words. Human and non-human relationships interconnection, boundary, binary, hybridity, waypoint.

¹ Юлианом Константиновым, проводившим исследования в тундровой части Кольского полуострова, в 2000 г. был создан тундровый лагерь (сейчас – Тундровая исследовательская станция МАГУ). В 2008-2009 гг. Станция участвовала как индивидуальный проект в рамках Международного Полярного Года. Начиная с 2015 года, к представленному «человеческому» кругу социальных исследований прибавляются пилотные исследования в области «внечеловеческих» социальностей, то есть отношений, которые, в самом общем понимании, устанавливаются между человеком и живой (и даже «неживой») природой. Данное направление исследований только начинает набирать актуальность и популярность в международном научном сообществе и связано с появлением большого числа наблюдений взаимодействий человека с различными представителями окружающей природы, которые по своему смысловому содержанию можно отнести к социальным (подробнее см.: Константинов Ю., Цылёв В.Р. Тундровая исследовательская станция МАГУ (ТИС МАГУ). URL: http://www.mspu.edu.ru/index.php?option=com_content&task=section&id=102&Itemid=3943) – прим. ред.

В западных гуманитарных исследованиях последние три десятка лет уже прочно сложилась концепция отхода от бинарных противопоставлений европейского рационализма XVIII столетия, в частности, от оппозиции «культура-‘дикая’природа» (*domus-agrios*). Выдвигается критический тезис о «нерезких (расплывчатых) границах» (*‘fuzzyboundaries’*). Утверждается, что в новой эпохе антропоцена надо отказаться от противопоставления «человек-природа» и вместить эти понятия в некоторой гибридной целостности.

В моей презентации я указываю на проблемы, возникающие при замене *резкой бинарности расплывчатой гибридностью*. В частности, проблемы жизненной ориентации при эрозии популярного тезиса о том, что природа – пространственно отдельная сущность, а природное – хорошо в моральном смысле. Это составляет значимый жизненный ориентир. Он требует одновременно, чтобы «природа» стояла резко отдельно, то есть в плане оппозиции, а не в плане гибридности.

Таким образом, возникает проблема отыскания ориентира в плане гибридности. В чисто онтологическом смысле, наличие последней трудно оспорить. Я иллюстрирую это состояние посредством материала от моих исследований в тундровой части Кольского полуострова. Мои первоначальные наблюдения разных «искателей природного» говорят о наличии стремления к бинарности типа «человек – природа» независимо от отчётливого проявления гибридности (например, вследствие антропогенного воздействия на окружение человека). Стремление к сохранению «бинарных границ» можем наблюдать как в человеческом, так и в «нечеловеческом» социальном поведении.

Настоящая презентация только намечает наличие определенного напряжения между «идеологическим» стремлением к бинарности, с одной стороны, и объективной гибридностью окружающей среды, с другой. В этом контексте отмечается и нарастающая сложность при поиске «природной» основы жизненных ориентиров.

УДК 502 + 304.2
ББК 60.56

В.Н. Васильева
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет
г. Мурманск, Россия

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы экологизации потребностей, необходимость которой обусловлена насущностью задач природоохранной деятельности.*

***Ключевые слова.** Деятельность, потребности, экологические потребности, экологизация потребностей.*

V.N. Vasileva
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

VALUES OF ENVIRONMENTAL ACTIVITIES

***Abstract.** The article examines the greening requirements, the need for which is due to the urgency of the task of environmental activities.*

***Key words.** Activities, needs, ecological needs, ecological needs.*

Чтобы понять и объяснить процесс развития человека и человеческого общества необходимо изучать различные сферы его совместного бытия с другими людьми и, в первую очередь, сферу деятельности. Подход к изучению процессов развития человеческого общества с позиций деятельности требует рассмотрения человека не только как природного и социального объекта, но и как субъекта деятельности и жизнеотношений общества. Для социологической науки важно знать не только, что человек есть вообще, но каким образом протекает его жизнь в тех или иных разнообразно меняющихся условиях социума и каким образом жизнедеятельность человека влияет (или не влияет) на его бытие во взаимосвязи с другими людьми.

Всякая деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности. Цель – это проект действия, определяющий характер и системную упорядоченность различных актов и операций, идеальное предвосхищение результатов деятельности. Таким образом, цель является основанием и непосредственной детерминантой деятельности. В связи с этим возникает закономерный вопрос: чем определяются цели деятельности, и каковы их непосредственные причины? Некоторые специалисты,

опираясь на позицию Эпикура, считают единственной причиной целей человека его потребности¹. Разумеется, что потребности не единственная причина целей человека, они опосредованы также его интересами.

Интеграция потребностей и интересов в целях деятельности является причиной того, что категории «потребности» и «интересы» очень часто употребляют как синонимы, но в действительности они имеют свою качественную специфику и воспроизводят различные аспекты социального процесса.

Формирование потребностей является исходным пунктом активного отношения человека к окружающему миру и действий по их удовлетворению. Потребности человека, будучи непосредственным источником его деятельности (ведь без потребностей нет необходимости в производстве предметов для их удовлетворения) существуют во взаимодействии с потребностями и деятельностью по их удовлетворению других людей. Следовательно, потребности человека формируются обществом. Их специфика и качественное своеобразие определяются способом производства предметов их удовлетворения. Изменение потребностей – объективный показатель новых тенденций общественного развития. В связи с этим потребности можно определить как состояние социального организма (человеческой личности, социальной группы, общества в целом), выражающее зависимость от объективных условий его существования и развития и выступающее источником деятельности.

Поскольку наше сознание интенционально, то есть всегда направлено на какой-либо объект, то содержание потребности задается (обуславливается) объективной реальностью. Однако специфика потребности как феномена субъективной реальности заключается в том, что она обладает известной долей самостоятельности, порождая завышенные желания и хотения.

Удовлетворение потребности, как правило, предполагает активную деятельность нуждающегося субъекта, цель которой – восполнить недостающее, снять противоречие между желаемым и реально наличным. Потребности, ориентированные на устранение противоречия, действуют как импульс активности субъекта, как побудитель, внутренний стимул и побуждающее начало его деятельности по созданию условий, необходимых для жизни субъекта. В качестве «внутренних стимулов деятельности, благодаря которым она развивается» рассматривают потребности А.О. Бороноев и его соавторы².

Реализация и удовлетворение потребностей в процессе определенных действий, в свою очередь, порождает формирование новых потребно-

¹ См.: Евланов Л.Г. Теория и практика принятия решений. М.: Экономика, 1984. С. 83.

² Бороноев А.О., Письмак Ю.М., Смирнов П.И. Моделирование социальных систем. // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. С.87.

стей. Данное обстоятельство является условием социального прогресса: если одна потребность удовлетворена, другая, возникая, направляет усилия человека. Когда же и она удовлетворена, другая, возникающая вследствие этого, направляет дальнейшие усилия человека. Когда же и она удовлетворена, то возникающие другие, становятся источниками новых действий. Этот процесс принято называть «возвышением потребностей». Наряду с тенденцией возвышения потребностей И.А. Джидарьян выявил в процессе развития потребностей и другую тенденцию, которую он обозначил как «возрастание потребностей», под которым он понимает не просто количественный рост и увеличение объема потребностей, а рост качественный, свидетельствующий о развитии и обогащении личности.

Следует уточнить, что процесс расширения и обогащения социальных потребностей происходит не только путем создания предметов для их удовлетворения, но и затрагивает сам процесс деятельности по их производству. Вследствие этого с развитием человеческих потребностей происходит изменение способов, средств их удовлетворения, происходит преобразование всех сфер жизнедеятельности людей, что позволило Е.Г. Соколову историю человечества «...рассматривать и трактовать как смену различных ...ценностей и потребностей, которые признавались настоящими в определенных условиях»¹.

Девять десятых всего времени существования человеческой цивилизации люди довольствовались тем, что предоставляла им природа в готовом виде. Поскольку для простого поддержания жизни человеку требовалось немного (для удовлетворения суточной физиологической потребности нужно примерно 10 кг воздуха, приблизительно 2 литра воды и килограмм сухого веса пищи), то человеческая жизнедеятельность не нарушала существенных законов функционирования биогеоценозов. Только, когда генетически закрепились потребности в деятельности, сформировался эволюционный механизм, обеспечивавший людям преимущества не только в сравнении с другими животными сообществами, но и в конкурентной борьбе с другими сообществами людей.

Конкуренция человеческих сообществ привела не только к возникновению устойчивых самоорганизующихся систем, но и к формированию общественных потребностей, которые являются приоритетными по отношению к индивидуальным и групповым потребностям. Доминирование общественных потребностей является условием жизнеспособности социальной системы и обеспечивается их приоритетностью в иерархии потребностей.

На любом из этапов общественного развития (возможно только за исключением первобытности в силу ее специфичности) общественные по-

¹ Соколов Е.Г. Лекции по культурологии. Часть I. Культура. Формы культуры. СПб.: С-Петербург. Гос. техн. ун-т. Лаборатория методич. исследований, 1997. С. 52.

требности находятся в отношении противоречия с потребностями отдельных людей, входящих в системное сообщество. Так было в эпоху рабовладения, когда рабы не хотели быть рабами, но общественные потребности, обеспечивавшие экономическую эффективность рабовладельческого общества, несмотря на многочисленные восстания, способствовали сохранению рабства. Такова ситуация и в последующие периоды истории.

Общественные потребности ориентированы на стабилизацию данного сообщества и потому основываются на действии достаточно эффективных социальных механизмов, подчиняющих индивидуальные потребности и интересы. Только подчиненность индивидуальных потребностей общественным является залогом жизнеспособности общества на всех этапах его развития.

Долгий путь цивилизационного развития привел человека к осознанию того, что проблема потребностей не только социальная проблема, но и проблема социально-экологическая. Суть и значение этого нового понимания проблемы потребностей заключается в том, что жизнеспособность общества напрямую зависит от установления рационально обоснованных пределов производству предметов удовлетворения потребностей, которые будут критерием экоориентированной направленности развития потребностей и, следовательно, фактором обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности в социуме.

Необходимость экологизации потребностей вытекает и из иерархических представлений об их структуре в концепции А. Сициньского¹, который выделяет следующие ряды потребностей:

- 1) потребности, неудовлетворение которых влечет за собой уничтожение системы;
- 2) потребности, неудовлетворение которых приводит к невозможности исполнения данной системой некоторых ее функций;
- 3) потребности, неудовлетворение которых ведет к нарушению выполнения системой некоторых функций;
- 4) потребности, неудовлетворение которых ведет к нарушениям в развитии данной системы.

Именно социально-экологические потребности являются теми, неудовлетворение которых может представлять опасность, как для развития, так и для существования социальной системы.

На тесную взаимосвязь экологических и социальных проблем в условиях современности обращают внимание многие, как отечественные (Гирусов Э.В., Горелов А., Гусев М.В, Комаров В.Д, Моисеев Н., Налимов В. и др.), так и зарубежные (Кууси П., Лавлок Д., Одум Ю., Печчеи А. и др.) специалисты. В отношении к природе лишь как к объекту удовлетво-

¹ См.: Сициньский А. Замечания по вопросу понятия «потребности» // Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси: Ин-т психологии, 1981. С. 67-68.

рения своих потребностей видят причины современной экологической проблемы многие экологи. Утилитарный подход к окружающей среде и природе в целом связан с тем, что в подсознании человека уже более не заложено чувство сопричастности с природой, скорее, наоборот, в нем коренится чувство отдельности от нее, которое и является причиной сохранения потребительского подхода к природному бытию.

Для нашей страны потребительский подход обусловлен влиянием экономических сложностей, отодвигающих на второй план вопросы охраны окружающей среды, что препятствует осознанию необходимости охраны природы как приоритетной потребности. Вполне закономерно, что люди, испытывающие трудности в удовлетворении базовых потребностей (жилье, одежда, питание, тепло и т.д.), поневоле вынуждены концентрировать внимание на них, ибо они являются факторами повседневного выживания.

Следует подчеркнуть, что взаимосвязи между вопросами охраны природы и задачами экономического роста чрезвычайно многогранны:

1) они могут совпадать (экономия в использовании сырья на единицу продукции эффективна экономически и выгодна экологически);

2) они могут противоречить (экономические цели предусматривают использование и преобразование природных ресурсов, а природоохранная деятельность направлена на их сохранение);

3) могут находиться в состоянии соподчинения (ухудшение условий окружающей среды сказывается на производительности труда и является источником компенсационных платежей через систему здравоохранения и социального обеспечения);

4) могут находиться в состоянии взаимообусловленности (экономические потери, вызванные загрязнением среды, означают фактическое снижение темпов и уровня национального дохода, что оборачивается сокращением инвестиций на природоохранную деятельность) и т.д.

Несовпадение, а в ряде моментов и противоположность экономических и экологических интересов во многом отражают конфликт между традиционными материальными потребностями, с одной стороны, и экологическими потребностями, с другой. Конфликт между этими видами социальных потребностей, безусловно, порождается двойственностью природы человека. На это обращают внимание многие специалисты, в том числе и Э.Фромм, который указывал, что в то время как тело подсказывает человеку «... чем питаться и чего избегать, его совесть должна была бы подсказывать ему, какие потребности следует культивировать и удовлетворять, а каким надо позволить истощиться и зачахнуть. Но голод и аппетит – это функции тела, присущие человеку с рождения, тогда как совесть, заложенная в нем потенциально, нуждается в руководстве со стороны людей, а также принципов, становление которых происходит только в процессе

развития культуры»¹.

Каким образом может быть разрешено данное противоречие?

Само собой разумеется, что необходимо осуществить определенные изменения в структуре общественных потребностей с целью осознания людьми совпадения экономически необходимого и экологически целесообразного². Ведь если развитие экономики будет продолжаться в направлении производства все большего количества продукции для удовлетворения постоянно возрастающих потребностей, то это может привести человеческую цивилизацию к гибели. К сожалению, достаточно часто в наше время высказывается суждение, что рост материальных потребностей необходим для развития человека. Но это не так. Развитию человека способствует не расширение потребностей, а их удовлетворение, ориентированное на познание и самопознание.

Потребление и потребительство – не тождественные процессы. Потребительство – это феномен, характеризующий и образ мышления, и образ жизнедеятельности. Для него характерно превращение потребностей низшего уровня в самоцель, в нечто вроде смысла жизни, стремления человека самоутвердиться в сфере потребления. Людям с потребительской психологией присуща деморализация жизненных ценностей, а также проявления эгоизма и эгоцентризма. В потребительстве желание иметь преобладает над желанием быть и созидать.

Потребительская психология является источником опасности для будущих поколений, ибо она, связывая воедино экономический рост и социальную защищенность, оправдывает нерациональное отношение к природе. Вследствие этого функционирование многих экологически опасных предприятий, а также строительство новых оправдывается решением вопросов трудоустройства населения.

Осознание опасности дальнейшего экономического роста, разумеется, не является достаточным основанием для его приостановления. Остановка развития, даже если бы она была возможна, не способна решить проблему, достигшую глобального уровня. Охрана окружающей среды – проблема общечеловеческая и может быть решена за счет усилий всего человечества. Попытка решить экологическую проблему за счет ограничения развития какой либо территории или региона, как это предлагают сделать американские специалисты³, заведомо обречена на неудачу. Кроме того,

¹ Фромм Э. Здоровое общество. // Фромм Э. Мужчина и женщина. М.: Изд-во АСТ. 1998. С.152.

² В этой связи следует дать социально-экологическую оценку человеческим потребностям и направить усилия людей не на преобразование природы, а на преобразование самого человека за счет изменения его потребностей таким образом, чтобы их удовлетворение не становилось природоразрушающим фактором.

³ См.: В поисках равновесия. Экология в системе социальных и политических приоритетов. М.: Международные отношения, 1992. С. 33.

обоснование требования препятствовать распространению уровня жизни достигнутого в США во имя сохранения окружающей среды, по крайней мере, неэтично «Не делай другому того, чего не желаешь себе», – когда-то сформулировал Конфуций. В свете этого «золотого правила нравственности» ограничение потребностей других людей является проявлением безнравственного великодержавного шовинизма по отношению к народам, за счет которых стремятся продолжать удовлетворять свои, не всегда рациональные, но постоянно возрастающие потребности.

Более приемлемым и правильным является путь, выбранный некоторыми развитыми странами, на территории которых увеличивается доля ВВП на охрану окружающей среды и повышается доля природоохранных инвестиций в национальном продукте, ведь общественные расходы на экологические цели есть ни что иное, как плата общества за удовлетворение потребностей в необходимом качестве природной среды. Но и такой путь не является панацеей, способной избавить человечество от экологически неблагоприятных последствий экономического роста.

Поскольку экологические потребности включают в себя совокупность разнородных потребностей (потребности физические, биологические, эстетические и т.д.), то условием установления оптимальных взаимоотношений между природой и обществом может стать общественное регулирование системы потребления за счет формирования экологически мотивированной иерархии потребностей. Экологически мотивированная иерархия потребностей представляет собой определенную последовательность взаимосвязанных и взаимообусловленных притязаний и устремлений. Для ее создания, по мнению Э. Фромма, «необходимо определить, какие потребности являются потребностями нашего организма, а какие – являются искусственными, то есть навязанными индивиду производством, какие потребности «активизируют» деятельность человека, а какие – делают его пассивным, какие потребности обусловлены патологией, а какие – здоровой психикой»¹.

Структура потребностей любой социальной системы не является раз и навсегда заданной: она трансформируется под влиянием множества факторов, в первую очередь, общественного производства, которое, изготавливая продукцию для удовлетворения потребностей и являясь, таким образом, источником удовлетворения потребностей, способствует появлению новых потребностей.

Поскольку в содержание потребностей включаются не только цели деятельности, но и средства их удовлетворения, то любая потребность имеет внутреннюю структуру, проявляющуюся в соотношении целей и средств деятельности и представлений о допустимости тех или иных способов ее удовлетворения. Воздействуя на производственные структуры и

¹ Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. С. 183.

сознание людей через систему образования и воспитания, через средства массовой информации и средства массовой коммуникации, рекламу, общество может регулировать сферу потребления, целенаправленно формируя определенные ценностные ориентации, изменяя тем самым структуру потребностей. Для решения этой проблемы необходимы:

- 1) обоснованная критика потребительства;
- 2) анализ причин возникновения потребительской психологии, механизмов ее влияния на личность;
- 3) обоснование необходимости развития рациональных потребностей.

Общество, руководствуясь критерием разумности, должно модифицировать структуру потребностей таким образом, чтобы при заданной технологии производства воздействие общества на природу, по крайней мере, не наносило бы ей ущерба. Экологизация потребностей станет залогом сохранения жизнепригодного качества природной среды, являющейся Домом всего человечества.

Список литературы

1. Бороноев А.О., Письмак Ю.М., Смирнов П.И. Моделирование социальных систем. Концепция и основные понятия // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. С. 85-87.
2. В поисках равновесия: Экология в системе социальных и политических приоритетов / Ин-т сравнительной политологии и проблем рабочего движения РАН; Ред. Б.М. Маклярский. М.: Международные отношения, 1992. 294 с.
3. Евланов Л.Г. Теория и практика принятия решений. М.: Экономика, 1984. 175 с.
4. Сициньский А. Замечания по вопросу понятия «потребности» // Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси: Ин-т психологии, 1981. С. 67-68.
5. Соколов Е.Г. Лекции по культурологии. Часть I. Культура. Формы культуры. СПб.: Санкт-Петербургский гос. техн. ун-т, 1997. 244 с.
6. Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Мужчина и женщина. М.: Изд-во АСТ, 1998. С. 129-452.
7. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. 330 с.

УДК 101.1+316
ББК 87.6+60.5

М.Н. Ефименко, С.А. Ханаши
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет»
г. Оренбург, Россия

РАЗВИТИЕ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ ИНТЕРЕСА К ИЗУЧЕНИЮ ДОМА КАК СТРУКТУРЫ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Аннотация. В статье раскрываются актуальные вопросы философии и социологии дома. Авторы предлагают методологическое обоснование понятия «дом» как элементарной единицы общества. Дается анализ социально-философского прочтения темы «Дом» студенческим научным сообществом.

Ключевые слова. Дом, социальный статус дома, ментальность, студенческое научное сообщество.

M.N. Efimenko, S.A. Hanash
Orenburg State Pedagogical University
Orenburg, Russia

DEVELOPMENT OF INTEREST IN STUDYING OF THE HOUSE AS STRUCTURES OF LIFE OF SOCIETY IN THE STUDENT'S ENVIRONMENT: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL COMMENT

Abstract. In the article topical issues of philosophy and sociology of the house are revealed. Authors offer methodological justification of the concept "house" as elementary unit of society. The analysis of social and philosophical reading of the subject "House" by student's scientific community is given

Key words. House, social status of the house, mentality, student's scientific community.

Главное направление представленной статьи составляет анализ методологического аспекта социологии дома. Научный контекст исследования охватывает характеристики системных качества социума и их функциональную связь с реальностью дома и, прежде всего, такие, как целостность, социальность, устойчивость.

Принципиальное положение заявленной темы данной статьи можно сформулировать следующим образом: дом представляет собой основополагающую фундаментальную структуру общества в целом, включающую материально-бытовые, духовно-нравственные, семейные и другие стороны

жизни людей¹. Подобный подход позволяет шире рассматривать первичную ячейку, не сводить ее лишь к семье; в этом качестве выступает дом, взятый как социальный феномен.

К главным причинам актуализации исходного значения дома в современных условиях относятся следующие:

1. Реально осязаемая ведущая роль дома в социуме.
2. Углубляющийся кризис семьи (его признаки раскрыты в многочисленных научных публикациях).
3. Возможность методологического обоснования нового видения дома с позиций социально-гуманитарного знания.

Все это способствует постановке вопроса об определении предложенного аналитического подхода как «социологии дома». Социология дома опирается на философское, историческое, экономическое, политическое, правоведческое, культурологическое, этнологическое, религиоведческое, социально-лингвистическое изучение дома. Философия дома включает вопросы понимания содержания феномена «дом», его многообразных форм – от позитивных до негативных (отрицание дома, развития процесса бездомности, выделение субъектов и объектов дома)². Ведущая социологическая теория, к которой можно обратиться, анализируя феномен дома – это, безусловно, системный подход к рассмотрению общества в целом, разработанный в контексте развития процесса интеграции, плюрализма электронных информационных технологий, сформулированный в рамках авторитетной европейской научной организации «Римский клуб».

Признаки человеческой системы в этой связи: целостность, социальность, устойчивость, самодостаточность, способность к саморегуляции, закрытость и открытость социума. В соответствии с вышеуказанными критериями дом обладает основополагающими свойствами общества и фокусирует их. Целостность дома охватывает и каждый отдельный дом (дом как мир), соединяющий в себе практически все сферы жизни общества и масштабы мира (мир как дом); социальность дома представлена микросоциумами семьи, родственников, соседей, друзей; устойчивость дома выглядит прочнее, чем ослабевшие узы семьи (порой под одной крышей одного дома продолжается общение расторгнувших брак супругов); линия самодостаточности дома проходит от кухни до компьютера. Способность дома к саморегуляции выражена в российской истории в таком шедевре, как «Домострой», принципы которого до сих пор указывают новичку на незыблемые правила конкретного дома. Закрытость и открытость системы – дом про-

¹ Ханаш С.А. Социологическое видение: методологический подход // Научно-теоретический и практический журнал. Тамбов. №2 (40) 2014 г. Часть II. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и естествознание. Вопросы теории и практики. С. 205-207.

² Ефименко М.Н. Современные парадигмы личности в поликультурном пространстве // Интеллект. Инновации. Инвестиции. Научный вестник ОГИМ. 2012. № 1. С. 210.

стирается от дома – крепости у англичан – до широты гостеприимства дома у россиян.

Теория социальной стратификации, разработанная П.А. Сорокиным, теснейшим образом связана с системным подходом. Сквозь призму статусов (экономических, профессиональных, политических, религиозных и других), носителями которых выступают как индивиды, так и группы людей, в сложной социальной вселенной четко просматриваются статусы их домов, отличающиеся по уровню материального достатка, культуры, а также несущие на себе отпечаток профессии своих хозяев. В настоящее время в научном лексиконе, наряду с понятием «национальный характер», получило распространение и другое понятие, а именно «национальный менталитет»; более того, феномен ментальности приобрел широкую трактовку, его субъекты выступают в экономике, политике, культуре, семье, религии и т.д. Структура менталитета чрезвычайно сложна, она связана с коллективным подсознательным мировоззрением, различными стереотипами поведенческих позиций. В этом контексте правомерно говорить о менталитете дома, аккумулирующем его историю, традицию, родословную семей; носителями ментальности дома являются люди, проживающие в нем. Ментальность дома в определенной степени диктует его обитателям манеры, поступки, выбор ценностей. В системе национального характера как способе восприятия мира и реакций на него, свойственных этнической общности и проявляющихся в эмоциях, складе ума, ценностных ориентациях, нормах общения, в поведении, традициях, привычках, дом представляет собой важнейший компонент.

Социология человека в целом как важнейшее направление социологического знания подводит к выводу о том, что именно дом во всей полноте его функционального содержания и разнообразия форм является главным средством социализации человека, развития его социальных качеств.

Изучение дома как социального феномена является предметом научного внимания не только ученых профессионалов, но и начинающих исследователей из студенческой среды. В 2006 году в Оренбургском государственном педагогическом университете состоялся круглый стол по данной проблематике, организаторами которого являлись авторы данной статьи¹. Ниже будет представлен краткий социально-философский обзор студенческих статей, опубликованных в сборнике, который был издан по материалам круглого стола и сохранил свою актуальность благодаря и обращению к широкому кругу аспектов социального бытия дома, и использованию данных исследований проведенных на базе студенческой социологической лаборатории.

¹ Подробнее См.: Мой дом – Россия: от отчего дома до гражданина России (социально-философские аспекты). Материалы студенческого круглого стола. Оренбург, издательство ОГПУ, 2007. 160 с.

Социологические размышления студентов затронули связь таких основополагающих явлений как отношение к родительскому дому и отношение к Родине. При этом была выделена конфликтная линия этой связи, следующая из столкновения индивидуальных и коллективных интересов.

В центре дискуссии находились понятия «Дом и семья», их общность и специфика, определяющая благополучие и драматургию человеческих отношений. Ряд студенческих исследований объединил анализ дома по критериям материального достатка и профессиональной принадлежности проживающих в доме. Было представлено яркое описание социального лица «дома учителя». Была представлена связь формы домашнего быта и содержания учительского труда, предметный ряд которого составляет фотографии учеников, книги, компьютер.

Важный цикл студенческих выступлений касался проблем отношений между поколениями молодых и старших в доме, микросоциум которого аккумулирует проблемы «Отцов» и «Детей» имеющиеся в обществе в целом.

Особой доминантой студенческого социологического дискурса стал вопрос сформулированный следующим образом: «общежитие – дом ли это?» В контексте структурно-функционального подхода были выделены следующие качественные характеристики: временный дом, суррогатный дом, дом, требующий соблюдения компромиссов.

Во многих выступлениях студентов рассматривался микросоциум дома через структуру различных субъектно-объектных связей. При этом отмечалось, что обширное социальное поле дома включает в себя таких акторов как: членов семьи, проживающих в доме; родственников (временно отсутствующих и приходящих в дом); соседей; друзей дома; неожиданных и неожиданных посетителей дома. Некоторые выступления затрагивали и проблему бездомности, которая трактовалась как антипод дома, отражающий его синергетическую динамику.

Интересный философский акцент рефлексии о доме составили размышления о проблеме одиночества в доме: одиночества среди других и одиночества, когда нет других обитателей дома.

Итак, современный социум актуализирует исследование феномена дом, главные причины этого процесса были отмечены выше. К субъектами аналитики дома можно отнести не только ученых-гуманитариев, представителей прессы и социальных служб, но и представителей студенческого научного сообщества.

Список литературы

1. Ефименко М.Н. Современные парадигмы личности в поликультурном пространстве // Интеллект. Инновации. Инвестиции. Научный вестник ОГИМ. 2012. № 1. С. 208-212.

2. Мой дом – Россия: от отчего дома до гражданина России (социально-философские аспекты). Материалы студенческого круглого стола. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2007. 160 с.
3. Ханаш С.А. Социологическое видение: методологический подход // Научно-теоретический и практический журнал. Часть II. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и естествознание. Вопросы теории и практики. 2014. №2 (40). С. 205-207.

УДК 711.01/.09
ББК 63.5

А.С. Давыдова
Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН
г. Апатиты, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕКТЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье представлены антропологическое полевое исследование представлений жителей Кировска и Апатитов о культурных объектах.
Ключевые слова. Культурные объекты, городской ландшафт, практики.

A.S. Davydova
Barents centre of humanities
of the Kola Science Centre RAS
Apatity, Russia

CULTURAL OBJECTS IN URBAN SPACE

Abstract. In the article is presented anthropological field research on inhabitants representation of cultural objects in Kirovsk and Apatity.
Key words. Cultural objects, city landscape, practices.

В последнее десятилетие во многих городах Кольского полуострова стали появляться различные культурные объекты как светского, так и религиозного назначения (памятники, часовни, церкви, мемориальные доски и т.д.). Нам близко утверждение о том, что культурные объекты структурируют городское пространство, формируя облик города в целом, включаются в повседневные и ритуальные практики и порождают разнообразные тексты, которые позволяют многое понять о городе¹. В связи с этим нами было проведено исследование, направленное на выявление основных значений и смыслов, которые придаются жителями Кировска и Апатитов культурным объектам, расположенным в городском пространстве. Исследование базируется на полевых материалах (текстах интервью), дополнительными источниками стали публикации в прессе, а также тексты, находящиеся в интернет-пространстве.

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что возведение и установка новых объектов, как светского, так и религиозного назначения, качественно меняет городской и пригородный культур-

¹ Алексеевский М.Д., Лурье М.Л., Сенькина А.А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 375-420.

ный ландшафт в целом, как и образ конкретного места, сложившегося и закрепившегося в сознании жителей. При этом взаимоотношения нового объекта и устоявшегося образа места могут складываться по-разному.

При анализе полученных материалов интерес представили несколько объектов и мест, вызывающие резонирующие мнения среди городского населения. Часть собранного материала относится к неустановленному памятнику академику А. Е. Ферсману, собственно отсутствующему объекту, однако сохраняющему локальную память о событиях, которые воспрепятствовали его появлению. Общественная полемика, связанная с эскизом будущего памятника, выявила конфликт интересов и ценностей. Несогласие научного сообщества с проектом памятника вызвало активную дискуссию в городской среде.

Отдельное внимание мы уделили отношению жителей городов Кировск и Апатиты к новой культовой постройке – православной часовне Феодорита Кольского, которая была построена в 2014 г. в виде саамской куваксы на острове Могильном вблизи Экостровского пролива (Апатитский район) и позиционирующаяся как туристический объект. Не смотря на относительную удаленность от города, Экостровский пролив – место, хорошо известное жителям Кировска и Апатитов. Для одних – это просто место отдыха; для других оно связано со свадебным ритуалом, ввиду того, что мост через пролив является традиционно посещаемым свадебными эскортами. И лишь для незначительной части информантов, имеющих представление об истории края и особенностях расселения коренного народа – это священная земля, место, на котором жили предки коренного народа Кольского Севера – саамов. В зависимости от отношения к этому месту появляются различные тексты, вбирающие в себя нередко полярные мнения в отношении установки в данном месте культовой постройки.

Список литературы

1. Алексеевский М.Д., Лурье М.Л., Сенькина А.А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 375-420.

В.Р. Цылёв
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ОБРАЗ ДОМА КАК МИФИЧЕСКИЙ СИМВОЛ

Аннотация. В статье образ дома рассматривается как символ, у которого за внешним обликом скрывается духовное явление. В качестве этого духовного явления выступает представление человека об окружающем мире. Символическое содержание образа дома раскрыто на примере интерпретации образов домов двух стихотворений: А. Макаревича и В. Высоцкого. В результате интерпретации показано, что за этими образами скрывается два различных вида мировоззрения.

Ключевые слова. Символ, миф, образ, интерпретация, творческое озарение.

V.R. Tsylev
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

IMAGE OF THE HOUSE AS A MYTHICAL SYMBOL

Abstract. This article contains the image of the house which is seen as a symbol, and a spiritual phenomenon is hidden behind its external appearance. This spiritual phenomenon is human representation of the outside world. The symbolic content of the image of the house is revealed by the example of the interpretation of two images of the house in two poems: of Andrey Makarevich and Vladimir Vysotsky. As a result, the interpretation shows that two different kinds of ideology are hidden behind these images.

Key words. Symbol, myth, image, interpretation, creative insight.

«Дом» – одно из самых многоплановых понятий: оно ясно и понятно каждому, даже маленькому ребенку, и в то же время поражает своей неисчерпаемой глубиной, когда начинаешь о нем задумываться. Домами называют городские здания, но не любые. Про некоторые сооружения говорят, что это сарай, а не дом, очевидно предполагая при этом, что дом – это то место, в котором можно жить. Но домами называют не только жилые здания, но и офисные. Домом оказывается место, в принципе пригодное для жилья, даже если в данный момент этот здание брошенное, в нем никто не живет, и на данный момент оно не пригодно для жизни. Но если потенциально в таком здании можно жить или когда – то в нем можно было жить (разрушенный дом), то оно воспринимается как дом.

Второе важное значение понятия «дом» – это его привязка к жизни конкретного человека. Зданий в городе много, но при этом каждое из них является домом для определенных людей, т.е. у каждого человека свой дом. И своим домом называют даже не здание, а квартиру, входя в которую можно сказать, что «пришел домой». В этом значении дом – это совсем не обязательно здание; домом можно назвать даже специально оборудованную машину или прицеп (где созданы условия для жизни), каюту на судне и пр. Для геолога домом может являться палатка, в которую он возвращается после геологических маршрутов, для полярников домом становится полярная станция. Дом может быть не стационарным и постоянным, а передвижным, временным. Объединяет все эти места проживания то, что в них человек «чувствует себя дома». Домом оказывается пространство, специально организованное и структурированное для жизни конкретного человека. Это место, где он чувствует себя комфортно, где ему удобно, где он может быть самим собой. Дом отвечает некой сущности человека, и в этом смысле дом – это место для сущего, а не для должного. Дом – это место где можно расслабиться и отдохнуть, где можно почувствовать себя в безопасности: «дома и стены помогают», «в гостях хорошо, а дома лучше». Каждый дом хорош для своего хозяина: «каждый кулик свое болото хвалит».

О доме можно говорить в разной степени обобщения: дом – это и конкретная квартира, и здание, в котором она находится, и микрорайон, и город, и даже страна. Пересекая границу при возвращении из зарубежной поездки, мы можем сказать, что вот мы уже и дома. Можно сказать, что дом – это место, к жизни в котором человек в наибольшей степени приспособлен, это наиболее привычная среда его обитания.

Таким образом, дом – это место, подходящее для жизни конкретного человека, это некая укорененность человека в пространстве, что обуславливает привязанность к нему. Эта привязанность вызвана тем, что дом имеет важную особенность: это пространство в наиболее степени соответствует привычному образу жизни хозяина, и в этом смысле устройство дома – есть отражение его образа жизни. И если к общему дому (городу, стране) человек в процессе своей жизни адаптируется, то свою квартиру он сам обустроивает под себя. Дом аскета и дом сибарита, дом художника и дом математика, дом рационалиста-педанта и дом чувственного мечтателя – это совершенно разные дома. Дом в своем внешнем оформлении отражает какие-то сущностные черты хозяина.

Много подтверждений этому можно найти в литературе. Ярким примером, демонстрирующим связь внешнего облика, устройства дома с чертами его хозяина является образное описание Гоголем домов героев «Мертвых душ»: Собакевича, Манилова, Плюшкина, Коробочки, Ноздрева. Каждый дом и все его убранство оказываются материально воплощенным внешним выражением внутренних психологических характеристик

своих хозяев. Во внешнем облике дома, в его убранстве закрепляются представления человека о том, как нужно обустроить свою жизнь, его ценностные ориентиры, т.е. дом в каком-то смысле является материальным воплощением мировоззренческих особенностей хозяина.

Подобное выражение внутреннего во внешнем хорошо описывается понятием символа. Символ здесь понимается в традиции, в которой его понимали русские религиозные философы. По утверждению А.Ф. Лосева, символизм образа означает, что его чувственная данность *полностью тождественна* внутренней идее, смыслу, выражением которого он является: «в символе самый факт «внутреннего» отождествляется с самым фактом «внешнего», между «идеей» и «вещью» здесь не просто смысловое, но вещественное, реальное тождество», как полное тождество внутреннего и внешнего.¹ При символическом понимании феномена дома каждая деталь в его убранстве и оформлении оказывается в то же время символическим знаком внутренних психологических особенностей своего хозяина.

Образ дома при таком понимании фактически оказывается яркой иллюстрацией концепции русских религиозных философов о двухуровневом устройстве мира: о существовании мира духовного и мира природного, материального (мира горнего и мира дольного). Причем мир природный вторичен по отношению к миру духовному, он является его материальным воплощением, символом, выраженным в материальных образах.² Подобным образом и материальный облик дома есть внешнее выражение духовных устремлений и психологических особенностей его жителей. Люди въезжают в новый дом в совершенно одинаковые квартиры, но проходит 5–10 лет, и эти квартиры начинают различаться по убранству, оформлению, порядку, воплощая в себе особенности своих хозяев. С одной стороны, хозяева дома обустривают его с учетом своих психологических особенностей, с другой стороны, они стараются воплотить в нем свои представления о том, каким он должен быть. В психологии есть проективный тест «рисунок дома», в котором человеку предлагается нарисовать дом, в котором он живет или хотел бы жить. Считается, что в этом рисунке человек выражает сам себя, свои внутренние особенности, свои ценности, и психолог, интерпретируя нарисованный человеком дом, выявляет его личностные черты, его психологические проблемы, его ценностные ориентации.³

Несмотря на столь явное духовное наполнение дома, обычно материальный дом воспринимается не как символ чего-то внутреннего, не как образ психологических характеристик и духовных устремлений хозяина, а как реальность, которая содержит сущность в самой себе. И всем матери-

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 46-50.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 53-54.

³ Тест «Дом-Дерево-Человек» URL: http://azps.ru/tests/tests_ddch.html (дата обращения 07.02.2015).

альным предметам, находящимся в доме, приписывается конечное значение, закрепленное за этими предметами в обыденном сознании. Они воспринимаются как предметы сами в себе, а не как символы, знаки духовной реальности, материальным выражением которой они являются. По мнению русских религиозных философов, древний человек мог непосредственно «видеть» духовную реальность за физическими образами, в которых она воплощена, а современный человек эту способность потерял, для него воспринимаемый физический мир является очевидной конечной реальностью. Н.А. Бердяев писал, что, когда «символ принимают за последнюю реальность, тогда происходит закрепощение духовного мира природному».¹ То есть при буквальном понимании символов (как последней реальности в себе) и наполнением их определенным догматическим значением, духовный мир становится невидимым для человека, и вся существующая действительность ограничивается миром материальным, природным, теряя свой настоящий смысл.

Способность созерцать мир духовный остается у духовидцев, в качестве которых выступают религиозные пророки, получающие религиозные откровения, и люди искусства, получающие художественные откровения. Содержанием этих откровений являются явления мира духовного, но они появляются в сознании духовидцев в виде телесно-ощутимых образов мира физического, которые являются символами выражаемых ими духовных явлений. Описание духовидцем мира духовного, явившегося ему в сознание, русские религиозные философы называли мифом, считая, что он несет в себе истину духовного мира. Мифы при таком понимании оказываются даже более реальными, чем окружающая человека материальная действительность, поскольку они в телесно-ощутимых образах выражают самую суть, смысл этой действительности, ту духовную основу жизни, которая детерминирует становление мира природного. Символизм же мифов указывает на то, что мифические образы и события нельзя понимать буквально, а они необходимо нуждаются в интерпретации.² Но фактически сами духовидцы обычно содержание своего откровения понимают и представляют буквально, как образы мира материального. Ярким примером такого буквального представления полученного откровения является описание Д. Андреевым миров инобытия в своем произведении «Роза мира».³ Для него представляемые образы реальны и телесно-ощутимы (материальны, или точнее, иноматериальны), хотя при их интерпретации становится оче-

¹ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 63.

² Цылёв В.Р. Теория мифа русских религиозных философов // Вестник МГТУ: Труды Мурманского государственного технического университета. Мурманск: МГТУ, 2004. Т. 7. № 2. С. 322-324.

³ Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Иной мир, 1992.

видным, что они являются символами выражаемых ими духовных явлений окружающего нас мира.¹

С аналогичной символической интерпретацией можно подойти и к образу дома, часто описываемого в художественных произведениях, если эти произведения считать результатом получения творцом художественного откровения. Анализом творчества, построенного на получении и представлении художественного откровения, занимался В.И. Иванов. Он называл данный вид творчества символическим реализмом, подчеркивая тем самым, что это такое искусство, «которое требует от художника только правильного списка, точной копии, верной оригиналу передачи того, что он наблюдает или о чем осведомлен и поскольку осведомлен».² То есть в символическом реализме нет выдумки, фантазии художника, а есть точное отражение действительности, которая открывается ему в мистическом акте ясновидения.

По мнению В.И. Иванова, реалистический символизм изображает фактическую действительность, но не ту, которую воспринимает обычный человек, а действительность высшего трансцендентного мира, самые основы бытия. Поэтому художнику-реалисту не надо ничего придумывать и приукрашивать, для него главное – получить откровение божественного мира, природы и точно передать его содержание в своем произведении. В то же время, понять духовное содержание художественного откровения, представляемого автором-творцом, крайне сложно, потому что оно отображает духовную реальность не буквально, а символично. Символ же, по утверждению В.И. Иванова, не имеет определенного толкования, а всегда «неисчерпаем и беспределен в своем значении», он «изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине», поэтому человек оказывается беспомощным перед его «целостным тайным смыслом».³ Такой многозначный, сложный для адекватного понимания символ художник не придумывает сам. Эти символы являются ему при интуитивном познании истины, при «ясном видении» или «лицезрении высших реальностей».⁴

В.И. Иванов не раскрывает возможных подходов к пониманию значения, заложенного в символе, а скорее говорит о сложности и фактической невозможности его адекватной интерпретации. В то же время, осо-

¹ Цылёв В.Р. Русская религиозно-философская мысль о реальности мифа // Труды членов Российского философского общества. М.: Московский философский фонд, 2003. Выпуск 5. С. 219-228.

² Иванов В.И. Две стихии в современном символизме // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 148.

³ Там же. С. 141, 151.

⁴ См.: Иванов В.И. О границах искусства // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 201.

бенности понимания символа художественного откровения В.И. Ивановым полностью соответствуют характеристике символов религиозного откровения, которую им давали русские религиозные философы в своих концепциях мифа (А.Ф. Лосев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и П.А. Флоренский).¹ А.Ф. Лосев обозначил и подход к интерпретации символизма мифических образов. Он пишет, что при интерпретации мифа полностью сохраняется и передается только смысл, но не сами вещно-конкретные факты и ситуации. То есть миф нужно понимать *буквально*, но не сами факты, а *смысл*, который с их помощью передается. И этот смысл накладывается на те жизненные события, в которых он реально осуществляется.² Данный подход был методически обработан автором и реализован при интерпретации символических образов миров инобытия произведения «Роза мира» Д.Л. Андреева.³

Возвращаясь к образу дома, проведем его символическую интерпретацию на основании опробованного автором подхода на примере образов, представленных в двух известных стихотворениях: стихотворении А. Макаревича «Три окна» и стихотворении В. Высоцкого «Старый дом». Образ дома в этих стихотворениях имеет свойственную символу многоплановость, которую достаточно легко интерпретировать. Сначала необходимо предположительно определиться с тем, что означает понятие «дом» в духовном смысле, чтобы задать общее направление интерпретации. В предлагаемой интерпретации дом понимается как некое представление человека об устройстве окружающего его пространства, системы взаимоотношений с окружающими людьми и мира в целом, причем это представление основывается на его характерологических особенностях. Существует множество таких разных духовных домов, которые находят свое воплощение в домах материальных, в культурных традициях.

Интерпретация символизма дома проведена по следующей форме: сначала представлены смысловые блоки стихотворения – а потом дано их возможное толкование.

А. Макаревич «Три окна»

*«Я забыл о бурях и о громе,
Мне теперь дороже тишина,
И живу я в старом-старом доме,
Из него выходят три окна»*

¹ Цылёв В.Р. Миф – как художественная форма познания сущего // Ученые записки МГПУ. Общественные науки: Сборник научных статей / Отв. ред С.В. Шачин. Мурманск: МГПУ, 2009. Вып. 5. С. 31-35.

² Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 176.

³ Цылёв В.Р. Интерпретация мифа в русской религиозно-философской традиции (конец XIX - первая половина XX вв.): Автореф. дис... канд. филос. наук. Мурманск: МГПУ, 2004. С. 12-14.

Прошел период жизни, связанный с эмоциональными переживаниями, потрясениями, борьбой («Я забыл о бурях и о громе»), и человек пришел к спокойствию («Мне теперь дороже тишина»), к традиционной системе ценностей, к традиционному представлению о мире («И живу я в старом-старом доме»), в котором есть три основные части, проявляющиеся во взаимодействии с окружающим миром («Из него выходят три окна»).

*«Первое окно выходит в поле,
В поле наших самых лучших лет,
В этом поле не бывает боли,
И любой вопрос находит свой ответ.
Там и днем, и ночью солнце светит,
Летом и зимой цветет земля,
Не взрослея, там играют дети,
И один из них – наверно, я»*

Первая, основная составляющая – это мир социальных взаимоотношений, связанный с особенностями жизни человека в обществе (поле – это часть окружающего мира, созданная человеком: возделываемое поле, дающее урожай). Жизнь в обществе по его нормам и законам – это основная часть жизни человека, в которой он провел свои лучшие годы («В поле наших самых лучших лет»). Социальная часть жизни человека отличается рациональностью, предсказуемостью («В этом поле не бывает боли, И любой вопрос находит свой ответ»). В этой части мира четко определены базовые ценности, направляющие жизнь человека в любых ситуациях («Там и днем, и ночью солнце светит»). В этом социальном поле всегда идет созидательная деятельность («Летом и зимой цветет земля»). Но, в то же время, мир социальных взаимоотношений – это некая игра по определенным правилам, придуманным человеком («Не взрослея, там играют дети, И один из них – наверно, я»).

*«А окно второе вышло к лесу,
Темный лес поднялся до небес,
И от солнца лес создал завесу,
От вопросов скрыл ответы лес.
И жизнь идет там по лесным законам,
И я пугался каждого куста,
Проходя по тропкам незнакомым,
В час, когда спускалась темнота»*

Вторая сторона жизни человека – это биологическая составляющая, его природа. Это его инстинкты, глубинные желания, потребности, которыми он не может в полной мере управлять. Это то, что идет от природного начала мира («А окно второе вышло к лесу»). Это начало очень сильное, оно может полностью захлестнуть человека («Темный лес поднялся до небес»). И может преодолеть и ценности, и рациональность человека («И от

солнца лес создал завесу, От вопросов скрыл ответы лес»). Когда поведением человека начинают руководить инстинкты, это его пугает, так как это непознанная сторона его жизни (*«И жизнь идет там по лесным законам, И я пугался каждого куста, Проходя по тропкам незнакомым В час, когда спускалась темнота»*).

*«Третье окно выходит к океану,
Ровным ветром дышит океан,
А за ним – диковинные страны,
И никто не видел этих стран.
Словно вечность, океан огромен,
И сильна спокойствием волна,
И когда мне тесно в старом доме –
Я сажусь у третьего окна»*

Океан – это символ Бога. Это высшая ценность, это истина, это мудрость, спокойствие, могущество и безграничность (*«Третье окно выходит к океану, Ровным ветром дышит океан»*; *«Словно вечность, океан огромен, И сильна спокойствием волна»*). Познание истины открывает для человека высшее благо, которое остается непостижимым (*«А за ним диковинные страны, И никто не видел этих стран»*). Когда человек начинает понимать ограниченность своей жизни, как социальной, так и природной, он обращается к высшим ценностям, к Богу (*«И когда мне тесно в старом доме Я сажусь у третьего окна»*).

*«Превратится в воду рек Снег,
Станет облаком седым Дым,
Станет домом твой родной Дом,
Из руин воздвигнут вам Храм.
Должен кончиться любой Бой,
Победит, сомненья нет, Свет,
Я возьму букет цветов - Слов,
И раздам моим друзьям - ВАМ !!!»*

Последние два четверостишия – это вера в то, что путь познания приведет человека к высшей Истине, к Богу. Все трудности, преграды делают человека сильнее, активнее (*«Превратится в воду рек Снег»*). Трудности познания, понимания приведут к мудрости (*«Станет облаком седым Дым»*). Человек сможет найти свое место в жизни, в мире (*«Станет домом твой родной Дом»*). Путь к Истине, к Богу – это путь построения чистых, нравственных принципов жизни (*«Из руин воздвигнут вам Храм»*). И когда человек придет к Истине, к Богу, кончатся его мытарства и мучения (*«Должен кончиться любой Бой»*), в человеке победит нравственное высшее начало (*«Победит, сомненья нет, Свет»*). И человек, достигший этого просветления, расскажет другим о том, как к этому прийти (*«Я возьму букет цветов – Слов, И раздам моим друзьям – ВАМ !!!»*)

И, возвращаясь к образу дома в целом, можно отметить, что описанное представление об устройстве мира, включающее в себя три составные части, действительно является хорошо известным, традиционным, и это все представленное обустройство мира есть Дом, в котором мы живем.

Теперь рассмотрим интерпретацию стихотворения В. Высоцкого «Старый дом».

В. Высоцкий «Старый дом»

*«Что за дом притих, погружён во мрак,
На семи лихих, продувных ветрах
Всеми окнами обратясь в овраг,
А воротами – на проезжий тракт?»*

«Дом» здесь также выступает как символ определенного мировоззрения, системы взглядов, образа и принципов жизни, но это – не то мировоззрение, которого придерживается поэт, а то, с которым он встретился. В этом мировоззрении преобладают материалистические ценности («*Что за дом притих, погружен во мрак*»), так как в символизме свет связан с Божественным началом, тьма – с материалистическим. Это мировоззрение не прячется, а выставляется на вид всем напоказ («*На семи лихих, продувных ветрах*»). Для него характерна ориентация на взаимодействие, на распространение своего влияния («*А воротами на проезжий тракт*»), но при этом перспективы у него никакой нет, оно ведет в тупик («*Всеми окнами обратясь в овраг*»).

*«Хоть устать я устал, а лошадок распряг.
Эй, живой кто-нибудь, выходи, помоги!
Никого... Только тень промелькнула в снях,
Да стервятник спустился и сузил круги»*

Поэт знакомился с данным мировоззрением не со стороны, не отвлеченно, а пожил какое-то время в его условиях («*Хоть устать я устал, а лошадок распряг*»). И, проживая в мире с господством данного мировоззрения, он не видел в своем окружении «живых» людей. «Живой» в символическом понимании – это тот, у кого «живая» душа, способная к изменению, к росту, к развитию, к творчеству, к критическому восприятию окружающего мира и пр. – в противопоставление «неживому», которое живет по определенному алгоритму, у которого все подчинено определенной идеологии («*Эй, живой кто-нибудь, выходи, помоги! Никого... Только тень промелькнула в снях*»). «Живых» нет, остались только их слабое подобие – «тени». Таким образом, в основном, в этом «доме» все неживые, все как заведенные куклы, живущие по разрешенным ролям. «*Да стервятник спустился и сузил круги*» – «живого» (не подчиненного идеологии) здесь не принимают и сразу берут под контроль.

*«В дом заходишь как, всё равно, в кабак.
А народишко: каждый третий – враг.
Своротят скулу: гость непрошенный.*

Образа в углу, и те – перекошены»

Все в мире господства этого мировоззрения находятся в каком-то ненормальном состоянии, в состоянии измененного сознания. Все внешне довольны, но фактически прожигают свою жизнь («*В дом заходишь как, всё равно, в кабак*»). Здесь надо быть начеку, тебя могут предать, обмануть, нажиться за твой счет и пр. («*А народишко: каждый третий – враг. Своротят скулу: гость непрошенный*»). Есть в этом мире и какие-то духовные ценности, но они искажены («*Образа в углу, и те – перекошены*»).

*«И затеялся смутный, чудной разговор.
Кто-то песню стонал и гитару терзал,
И припадочный малый, придурок и вор,
Мне тайком из-под скатерти нож показал»*

Напрямую, открыто в этом «доме» не говорят, могут только говорить намеками (есть выражение «мутят воду») – («*И затеялся смутный, чудной разговор*»). Есть в этом «доме» и искусство, но тоже какое-то ненастоящее («*Кто-то песню стонал и гитару терзал*»). Жизнь в этом «доме» таит в себе угрозы («*И припадочный малый, придурок и вор, Мне тайком из-под скатерти нож показал*»).

*«Кто ответит мне: Что за дом такой?
Почему во тьме, как барак чумной?
Свет лампад погас, в воздух вылился.
Али жить у вас разучились?»*

Почему в этом «доме» в мировоззрении отсутствует вера в божественное начало (в «свет»)? Такая жизнь – болезнь общества, она подобна чуме («*Что за дом такой? Почему во тьме, как барак чумной?*»). В мировоззрении не осталось ничего святого, высокого, чистого, все растворилось («*Свет лампад погас, в воздух вылился*»).

*«Двери настежь у вас, а душа взаперти.
Кто хозяином здесь? Напоил бы вином...
А в ответ мне: Видать, был ты долго в пути
И людей позабыл, мы всегда так живём»*

Для мировоззрения характерна внешняя гостеприимность, но при этом душевная закрытость, откровенно высказывать свои мнения здесь не принято («*Двери настежь у вас, а душа взаперти*»). Кто может объяснить особенности данного мировоззрения, поднять его достоинства («*Кто хозяином здесь? Напоил бы вином...*»). Но живущие в данном мировоззрении люди воспринимают его как норму, укоренившуюся в традицию, не видят его ущербности («*А в ответ мне: Видать, был ты долго в пути И людей позабыл, мы всегда так живём*»).

*«Травы кушаем, век на щавеле.
Скисли душами, опрыщавели.
Да ещё вином много тешились.
Разорjali дом, дрались, вешались»*

В мировоззрении провозглашены принципы гуманного отношения к человеку («Травы кушаем»), но это внешняя форма, которая не приводит к действительному доброму отношению к человеку («век на щавеле»). За внешним благополучием в жизни преобладают недовольство, неудовлетворенность существующим положением («Скисли душами, опрыщавели»). Общественное сознание часто находилось в измененном состоянии (обработанное идеологией, пропагандой), что приводило к внутренней вражде, поиску врагов среди своих, к репрессиям против своих, к бесхозяйственности («Да ещё вином много тешились. Разорjali дом, дрались, вешались»).

*«Я коней заморил, от волков ускакал.
Укажите мне край, где светло от лампад,
Укажите мне место, какое искал:
Где поют, а не стонут, где пол не покат»*

Поэт мобилизацией всех своих сил вырвался из прежней жизни, где царили «волчьи законы», но опять встретил «мрак» («Я коней заморил, от волков ускакал»). И он хочет найти место, где люди живут по законам святости, чести справедливости, где жизнь не вынуждает их скатываться к пороку («Укажите мне край, где светло от лампад, Укажите мне место, какое искал: Где поют, а не стонут, где пол не покат»).

*«О таких домах не слыхали мы,
Долго жить впотьмах привыкали мы.
Испокону мы – в зле да шёпote,
Под иконами в чёрной копоти»*

Тем, кто живет в этом «доме», неизвестно, как можно жить по-другому и вообще есть ли другая жизнь, люди уже привыкли к такой жизни, и она кажется им обычной и единственно возможной.

*«И из смрада, где косо висят образа,
Я, башку очертя, гнал, забросивши кнут,
Куда кони несли да глядели глаза,
И где встретят меня, и где люди живут»*

Поэт пытается вырваться из плена мировоззрения, в котором оказался, в котором искажены базовые духовные ценности («И из смрада, где косо висят образа»). В своей попытке вырваться из такой жизни поэт опирается не на разум, а на свою интуицию, на заложенные природой способности («Куда кони несли да глядели глаза»). Он стремится найти мировоззрение, где допускается свободная жизнь людей с опорой на истинные духовные ценности (это настоящие «живые люди») – («И где встретят меня, и где люди живут»).

*«Сколько кануло, сколько схлынуло,
И кидало меня, не докинуло.
Может, спел про вас неумело я,
Очи чёрные, скатерть белая...»*

Поэт подводит итог своим поискам мировоззрения, которое бы его устроило, так и не достигнув того, чего хотел («*И кидало меня, не докинуло*»). И подводит итог своему описанию мировоззрения, ориентированного на материалистические основы («*Может, спел про вас неумело я, Очи чёрные, скатерть белая...*»).

При толковании стихотворения возникает вопрос, что это за мировоззрение, о котором пишет поэт. В художественном откровении нет вымысла, есть духовная реальность, которая существует в действительности и которая открылась поэту в акте мистического созерцания. И такое мировоззрение легко угадывается. Это советское мировоззрение, в окружении которого В. Высоцкий жил, и которое его так и не приняло и не признало. Это мировоззрение, где безраздельно господствовала идеология (не было «живых» людей, не охваченных этой идеологией), где «стервятники» карали за свободомыслие, где все было пропитано лицемерием и страхом, где господствовали советские духовные ценности, которые основывались на материалистическом отношении к действительности. Конечно, советское мировоззрение можно рассматривать и оценивать с разных сторон, но именно таким его увидел В. Высоцкий с позиции своих жизненных ценностей. Само стихотворение поэта как бы становится частью мифа о путешествии его души, когда в одном из перевоплощений она вселяется в его тело в советское время и встречается с мировоззрением, с большим художественным мастерством представленном в стихотворении.

Обращаясь к методу интерпретации, важно отметить его неоднозначность, многоплановость и контекстуальность. Сами символы не имеют привязки к конкретному значению, они могут наполняться разным содержанием в зависимости от контекста. Здесь важно произведение в целом привязать к какому-то описываемому конкретному духовному феномену, существующему в реальности. Если эта привязка осуществлена правильно, то тогда каждая строка стихотворения будет добавлять важные черты, логично укладывающиеся в образ описываемого духовного явления. Если изначально духовное явление выбрано неправильно, то тогда будут возникать противоречия между его целостным образом и отдельными его чертами, представленными в художественном произведении-откровении.

Образ дома является ярким символом, хорошо соотносимым с таким духовным явлением, как мировоззрение, которое может пониматься как представление конкретного человека о том мире, который его окружает (это «дом» каждого человека), или как социокультурный феномен, привязанный к определенному времени, стране, культуре (это «дом» для всех в нем живущих). И интерпретация образа дома фактически сводится к выбору и описанию конкретного типа мировоззрения, в нем представленного, что и было продемонстрировано на примере интерпретаций двух образов дома.

При проведении такой интерпретации удивляет сам феномен мифотворчества, к которому можно отнести создание всех произведений, написанных в результате получения художником (в широком смысле: сюда относятся поэты, музыканты, собственно художники и другие творцы искусства) духовных откровений (творческих озарений), а не в результате принятых рациональных усилий. В таких произведениях практически нет вымысла, так как художники-творцы, как правило, очень бережно относятся к продуктам получения откровений, стараясь не нарушать их своими рациональными домыслами. И, в то же время, в таких произведениях очень точно описывается открывшееся художнику духовное явление, которое символично выражено в представляемом материальном образе. Сам художник при этом описывает именно внешний материальный образ, который является ему в сознание, и этот образ сам по себе целостен и завершен, но за ним открывается духовная глубина, смыслы, которые в нем символично выражены. И нахождение этих смыслов с помощью интерпретации позволяет по-новому увидеть и произведение художника, и символические образы, и то духовное явление, которое за этими образами скрыто. Это хорошо представлено на примере двух проведенных интерпретаций. И А. Макаревич, и В. Высоцкий в своих стихотворениях описывали конкретные дома, явившиеся им в мистическом акте творческого озарения. Но при этом они, по сути, созерцали духовные явления (конкретные типы мировоззрений), которые явились к ним в сознание в виде образов домов, являющихся символами этих явлений.

Список литературы

1. Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Иной мир, 1992. 576 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
3. Иванов В.И. Две стихии в современном символизме // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
4. Иванов В.И. О границах искусства // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 21-166.
6. Тест «Дом-Дерево-Человек». URL: [http://azps.ru/tests/ tests_ddch.html](http://azps.ru/tests/tests_ddch.html) (дата обращения 07.02.2015).
7. Цылёв В.Р. Интерпретация мифа в русской религиозно-философской традиции (конец XIX - первая половина XX вв.): Автореф. дис. канд. филос. наук. Мурманск: МГПУ, 2004. 23 с.
8. Цылёв В.Р. Миф – как художественная форма познания сущего // Ученые записки МГПУ. Общественные науки: Сборник научных статей / Отв. ред С.В. Шачин. Мурманск: МГПУ, 2009. Вып. 5. С. 29-37.

9. Цылёв В.Р. Русская религиозно-философская мысль о реальности мифа // Труды членов Российского философского общества. М.: Московский философский фонд, 2003. Выпуск 5. С. 215-230.
10. Цылёв В.Р. Теория мифа русских религиозных философов // Вестник МГТУ: Труды Мурманского государственного технического университета. Мурманск: МГТУ, 2004. Т. 7. № 2. С. 317-324.

УДК 94(470.2)
ББК 63.5(2)

Д.А. Панов
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ОБРЯДНОСТЬ И РИТУАЛЬНОСТЬ ПОМОРОВ НА МУРМАНСКИХ ПРОМЫСЛАХ КАК ОРИЕНТИР ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается промысловая обрядность и ритуальность поморов на мурманских рыбных промыслах. Приводится ряд сакральных, религиозных практик.

Ключевые слова. Море, поморы, обряд, ритуал, свое, чужое.

D.A. Panov
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

POMORS CEREMONIALISM AND RITUALITY IN FISHERY ON THE MURMAN COAST AS A LANDMARK OF EVERYDAY LIFE

Abstract. In article the trade ceremonialism and rituality of Pomors on the Murmansk fisheries is considered. A row sacral and religious practices is given.

Key words. Sea, Pomors, ceremony, ritual, own, other.

В обжитом пространстве длительное проживание населения формирует особенности его культуры, менталитета, психики, отражающие его этнические и профессиональные особенности сознания.

Эффективной возможностью связать обжитое с местами менее длительного пребывания было перенесение осязаемых и неосязаемых знаков, указывающих на функционирование в данном культурном пространстве системы смыслов свойственной месту постоянного жительства.

Подобными неосязаемыми знаками была система примет переносимая поморами на Мурман, а также система православных практик используемая ими в местах постоянного проживания в поморье и также переносимая ими на Мурман.

Рыболовный промысел всегда был основным занятием поморов, источником экономической жизни. Морской уклад жизни заметно повлиял на народный календарь: в ряд традиционно отмечаемых праздников включился промысловый календарь и промысловая обрядность. Связанные с морским пространством обряды и ритуалы составили весомую часть культуры поморов, материальной и духовной, особенно в сфере морских про-

мыслов. Специфичность морских промыслов породила «развитую систему поверий, сочетающуюся с промысловым опытом»¹.

Существование различных ритуальных практик, примет и представлений, связанных с рыбным промыслом, вызвано восприятием моря как пространства, в котором действуют иные правила по сравнению с домашним, обжитым, и необходимостью воздействовать на это пространство, устанавливая с ним определенные отношения².

Об этом пишет Л.Д.Попова: «Море становится особым сакральным пространством и наделяется хтонической семантикой иного мира, в котором испытываются духовно – нравственные основания, крепость вер, самостояния человека»³. В народных представлениях, связанных с морем, прослеживается характерное деление пространства на две сферы – «свое» и «чужое», то есть обжитое пространство дома и пространство моря. Неслучайно на их границе часто находились культовые сооружения (кресты, часовни, храмы), игравшие важную роль в религиозной жизни населения⁴.

С представлением моря как сакрального пространства связано восприятие поморами рыбы как «хлеба насущного»⁵.

Как отмечает Т.А. Бернштам, из всех праздничных циклов, связанных с промысловой деятельностью, «самые важные были связаны с проводами и встречей «промышленников – мурманщиков»⁶.

Поморы, несколько месяцев в году промышлявшие рыбу на Мурмане, не имели возможности регулярно ходить в храм, исповедоваться и причащаться. Своеобразие их духовной жизни проявлялось в личной религиозности, в практике обетов, паломничества, трудничества: устанавливали поклонные и памятные кресты, хождение на богомолье.

Молитва, молебен занимали ключевое место в процессе проводов рыбаков. Сама ситуация ухода, тем более на жизненно важный морской промысел, в традиционном сознании имеет статус кризисной, а пространство между «своим» и «чужим», морем и домом воспринимается как пограничное. Молились проплывая мимо креста стоящего у выхода в море, молились «чтобы удача была у рыбака»⁷. Среди вещей, которые брали с собой в море, обязательно были иконы. Молебен, как правило, заказывали перед уходом рыбаков.

¹ Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. С.179.

² Соболева М.А. Об обрядовой стороне рыболовецкого промысла на Поморском берегу Белого моря. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. 2012. № 12. С. 120.

³ Попова Л.Д. Сакральные основания культуры русского города (на материалах Архангельска конца XVI – XX в.): Автореферат дис. ... д-ра культурологи. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 18.

⁴ Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 188.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Там же. С. 369.

⁷ Соболева М.А. Указ. соч. С. 121.

Кроме молитвы существовали и другие способы воздействия на морскую стихию, например, с помощью так называемых даров морю. Как правило, ритуал дарения был направлен на то, что бы пространство моря «приняло человека». Чаще всего встречаются сведения о том, что в море бросали горсть монет. В некоторых районах Поморья существовал обычай бросать золото в море¹, а также традиции одаривать людей во время промысла. Отчасти данные сведения сходятся с упоминаемым в книге Т.А. Бернштам обычае «просить на поветерь», который включал в себя одаривание женщин или детей, просивших: «Подайте кость на поветерь, хозяйюшка», и был направлен на благополучное возвращение с промысла². Некоторой разновидностью такого обычая могло быть и следующее действие – купец давал работнику золото и отсылал бросить его в море с определенными словами.

В процессе промысла выделялись пространства, места и ситуации, в которых поведение человека определенным образом регламентировалось, и на которые переносились «домашние» стандарты. Так, в частности, известна поморская традиция не бросать мусор ни в реку, ни в море.

В религиозной сфере, переносимой с мест постоянного жительства лежит и проблема успешности промысла колонистов из Норвегии и Финляндии на Западном Мурмане и неконкурентоспособности поморов и колонистов по сравнению с ними. Деловитость норвежцев, финнов соответствовала их вере, которая окружала ореолом святости сам процесс труда (как служение Господу). Русские промышленяли также по своей вере, но процесс труда рассматривался как страда³. Об этом убедительно говорит история промысла. В свое время, норвежцы и финны заселяя Западный Мурман, переняли у русских ярусный способ лова трески. Но переняв его, они со временем и усовершенствовали его. В данном случае, скандинавы как ученики превзошли своих учителей потому, что их вера возвышала труд. Деловитость скандинавов имела религиозно-культурную основу, чего не было у русских поморов. Православие, с остатками язычества, не связывало жизнь поморов только с этим миром, оно подготавливало к будущей жизни, ко всеобщему воскресению. Русское православие с некоторой степенью негативности относилось к предпринимательству, стремлению к успеху, благоустроенности прижизненного быта. И как следствие, православие не одобряло образ жизни католиков, протестантов и поморы в этом поддерживали православие.

Изменилось к началу 1930-х годов и отношение к рыбе. В результате создания рыбопромышленного комплекса участники процесса добычи

¹ Соболева М.А. Указ. соч. С. 122.

² Бернштам Т.А. Указ. соч. С.397-398.

³ Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века: проблемы модернизации и социальной экологии: монография. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета, 1998. С. 49.

рыбы стали воспринимать ее как ресурс и сырье для переработки. Изменение образа жизни и мировоззрения рыбаков также способствовало этому. Если раньше профессиональной подготовки в специальных учебных заведениях рыбопромышленной направленности не было, а происходила она непосредственно на промысле, то в советский период развернулась целая сеть специальных учебных заведений. Работа экипажа судна, траулера, больше напоминала работу промышленного цеха, чем традиционной рыболовной артели. Работники рыбопромышленной сферы не возвращались уже в патриархальную среду деревни, а зачастую оставались жить в городской среде.

Существовавшее ранее полумистическое отношение к морю, рыбе, оставалось у членов рыбацких маломеханизированных колхозов, и в большей степени у пришлых рыбаков – сезонников, продолжавших на период промысла создавать традиционные артели.

Список литературы

1. Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 432 с.
2. Соболева М.А. Об обрядовой стороне рыболовецкого промысла на Поморском берегу Белого моря // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. 2012. № 12. С.119-128.
3. Попова Л.Д. Сакральные основания культуры русского города (на материалах Архангельска конца XVI –XX в.): Автореферат дис. ...д-ра культурологи. СПб.: СПбГУ, 2010. 50 с.
4. Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века: проблемы модернизации и социальной экологии: монография. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета, 1998. 192 с.

О.А. Феофанова
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ЖУРНАЛИСТИКА КАК КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

***Аннотация.** Журналистика является частью национальной и культурной жизни общества, она ориентирует массовое сознание в оценках действительности, комментируя события, результаты, реакцию на них. Специфика феномена существования журналистики в общей системе культуры заключается в том, что журналистика во многом сама формирует взгляд общества на какую-либо проблему. Журналистика своими ориентирами помогает создавать страну, гражданское общество, образ жизни гражданина.*

***Ключевые слова.** Журналистика, национальная культура, язык, миссия.*

О.А. Feofanova
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

JOURNALISM AS A CULTURAL VALUE

***Abstract.** Journalism is part of the national and cultural life of society, it orients the mass consciousness in the estimates actually commenting on events, results, reaction to them. Specificity of the phenomenon of the existence of journalism in general culture system is that journalism itself in many ways forms the society's view on any issue. Journalism helps its guidelines to create the country, civil society, the image of the citizen life.*

***Key words.** Journalism, national culture, language, mission.*

Одна из серьезных проблем журналистики XXI века – кризис профессиональной идеологии: не ясна ее миссия, ее ориентиры, мировоззренческий стержень. Между журналистикой и средствами массовой информации не существует тождества, так как СМИ – это предприятие, бизнес-проект. СМИ информируют, развлекают и продают. Но что делает журналистика?

На наших глазах происходит разрушение американской журналистики. Еще лет 10 назад казалось немыслимым, чтобы все американские СМИ в едином порыве могли подыгрывать одному из кандидатов в президенты и вести настоящие боевые действия против другого.¹ Речь идет о предвыборной кампании США 2016 года – пятьдесят восьмые выборы президен-

¹ Таратута М. Падший ангел. URL: <http://echo.msk.ru/blog/taratuta/1851270-echo/> (дата обращения: 15.11.2016).

та. Ведущие газеты и телеканалы Америки устроили охоту на Дональда Трампа и стали чем-то вроде агитплакатов штаба кампании Хиллари Клинтон.¹ Тенденциозность, с которой освещалась эта президентская гонка, не имеет аналогов. Если у кого-то еще были иллюзии о независимости американских СМИ, то после начала предвыборной кампании в США они окончательно развеялись. Любое крупное информационное агентство в этой стране сегодня представляет интересы той или иной политической партии, при этом прикрываясь понятием «журналистской этики». Реакция медиа на растущую популярность Дональда Трампа показала, что западные СМИ уже давно не «сторожевой пес демократии», а «сборище лжецов».²

Российская пресса как институт за время своего существования не смогла отстоять свою особенность и автономию; она оказалась практически в полной зависимости от политической власти, ее финансовых и репрессивных возможностей.³ Более того, в российской журналистике наблюдается девальвация и разрушение нравственных ценностей и идеалов. Например, в 2014 году телеканал «Дождь» оказался в центре скандала после проведения на его сайте опроса «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней», вызвавшего широкий общественный резонанс. Опрос проводился 27 января, в День воинской славы России (освобождение Ленинграда от фашистской блокады). Ранее телеканал провел опрос на тему, стоило ли оставить блокадный Ленинград и тем самым «уберечь сотни тысяч жизней». По единодушному мнению представителей Госдумы РФ, подобного рода опросы – это кощунство, беспрецедентное хамство и прямое оскорбление священной памяти о войне, всех погибших во время блокады.

В последнее время в российском обществе обостряется вопрос о необходимости четкого видения целей развития страны и народа, определения нашей национальной идентичности. По мнению президента страны Владимира Путина, вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности.⁴

Теоретик отечественной журналистики Е. П. Прохоров обращает внимание на то, что российская журналистика возникла в рамках проблемы национальной идентичности, тесно связана с нею, во многом ею же обусловлена.⁵ Другие исследователи замечают, что присоединение к Рос-

¹ Там же.

² Шатов И. Американские СМИ объявили информационную войну Трампу. URL: <http://politrussia.com/world/amerikanskie-smi-obyavili-350/> (дата обращения: 15.11.2016).

³ Гатов В. Будущее журналистики. URL: <http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/budushhee-zhurnalistiki/> (дата обращения: 10.12.2016).

⁴ Вольтер О.В. Феномен идеологии в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 134-140.

⁵ Прохоров Е.П. Предмет и структура науки о журналистике // Основные понятия теории журналистики. М.: Издательство МГУ, 1993. С. 26–27.

сии полуострова Крыма, гражданская война на Украине, обострение взаимоотношений стран Запада и России и роль в этом средств массовой информации подталкивают к необходимости сегодня вновь обратиться к вопросу об идентификации журналистики. И только на основе понимания того, кто мы, для чего существовали и существуем, какова миссия России в мире, возможна полная идентификация и нации, и ее журналистики как составной части национальной культуры.¹ Как видно, все важнейшие вопросы упираются в духовно-нравственную сферу человеческого бытия.

Любое общественное возрождение начинается с очищения и обновления общественных идеалов, с утверждения новой системы ценностей. Так рождается особое мировоззрение – идеология, которая позволяет человеку найти устойчивые ориентиры для своей деятельности. Что же касается журналистики, то роль ее всегда была благородной – она вместе с русским государством и народом двигала вперед и культуру, и историю.²

Но вместе с тем между журналистикой и обществом сегодня возникло противоречие, так как они говорят на разных языках. Деятельность человека – это творчество языка; через слово человек становится человеком, в нем прорастает слово, в отличие от других биологических существ. Сущность человека, его национальная идентичность произрастает из языка. А язык есть цивилизация, ее потенция, ее возможности.

В России журналистика выросла из литературы, из «толстых» журналов, общего литературно-культурного процесса XIX века, который сформировал прочные нравственные, публицистические и просветительские основы, оставив, однако, в тени на долгие годы новостную и репортерскую природу журналистики.

И сегодня в российских медиа сохраняется доминирование текста как наиболее важного компонента коммуникации. Традиционное понимание «журналиста» неразрывно связано с текстом. Что общего у жителей Москвы и жителей Дальнего Востока, кроме гражданства? Что позволяет нам ощущать себя согражданами? Прежде всего, русский язык, который «живет» в средствах массовой информации. Именно благодаря русскому языку в последнее время мы выстраиваем общую культуру, общие ценности, общих кумиров, героев и антигероев – через язык, через культуру, через СМИ. Таким образом, журналистика как социальный институт удовлетворяет культурные потребности общества.

Более того, журналистика – это проявление национального духа культуры. Русский менталитет – это мессианский христианский менталитет спасения мира. Русский человек – это вселенский человек. Русской культуре присуща литературоцентричность, неприятие шаблонов и факто-

¹ Малахеев И.В. Быть летописцем современности // Известия УрФУ. Сер. 1. 2012. №2 (101). С. 71–76.

² Колосов Е.К. Журналистика в сфере культуры: вызовы XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. С. 76-81.

графичности. Все попытки привязать Россию к западным моделям никогда не приносили успеха.

В 90-х годах в российских СМИ сложился новый язык медиа, который давно возник на Западе. Журналисты вырабатывали практически на пустом месте новый язык СМИ в России. До этого газеты пользовались партийно-бюрократическим канцеляритом. И вот журналисты нового российского времени пытались привнести западные критерии на отечественную почву. И, в общем-то, преуспели – хотя создали нечто свое. И это был очень интересный и адекватный своему времени язык». Но время меняется, и этот адекватный своему времени язык оказался в кризисе. Глава первого канала телевидения К. Эрнст по этому поводу прямо говорит: «Телевидение и все остальные медиа съели тот язык, которым разговаривали. Сегодня нужны принципиально новые и не технические, а философские решения».¹ Медиа все еще пытаются пользоваться языком, сформировавшимся в 90-е годы, но общество сильно трансформировалось, возникло противоречие. Требуются новые смыслы, новые правила, новые толкования. В основном языке «новых» СМИ резко возросла доля профессионализмов, увеличилось количество специализированной информации, которая засоряет медиавосприятие массовой аудитории, а зачастую и полностью его искажает.

На фоне новых людей в политике и сверхновых в экономике у нас полный застой в идеологии. И немудрено – ведь нынешняя идеологическая элита, зародившись в 1977 году, полностью сформировалась в 1989-м. Это относится к так называемой демократической прессе, которая за 22 года почти никак не эволюционировала – никаких новых имен. Все, кто вынырнул до 1989 года, правят бал до сих пор. Все, что мы видим по телевизору, – это из 1989 года. Риторика времен горбачевско-ельцинской пересменки, юмор тех же времен, песни той же поры, открытые тогда же жанры.

По мнению итальянского журналиста Джульетто Кьеза, сейчас в мире мы наблюдаем появление одновременно кризиса экономики, кризиса ресурсов, кризиса социального и кризиса экосистемы – настоящий переворот в истории человечества. И в России, и на Западе доминирует рыночное мышление – как быть эффективным, конкурентоспособным. И это главная ошибка, по мнению Кьезо. Такое мышление умрет в течение одного поколения, потому что вопросы на повестке дня будут уже совершенно другие. Поэтому необходим интеллектуальный прорыв к новой парадигме. И Россия может сыграть в этом главную роль.²

¹ Хренов Н.А. Кризис медиа в контексте кризиса культуры // Культура культуры. 2014. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/krizis-media-v-kontekste-krizisa-kulitury/> (дата обращения: 15.11.2016).

² Кьеза Дж. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М.: Издательство "Э", 2016. С. 282-284.

Если Россию считают единственной на планете страной, способной вернуть мировому сообществу разум и тем самым спасти человечество от него же самого, то и российская журналистика должна быть максимально качественной, ведь Россия в мире на стороне добра, и, когда мы производим качественную информацию, она работает на нас. Поэтому необходимо создать успешную модель национальной журналистики, социально ориентированной, говорящей на одном языке со страной. Только через речь людское множество приобретает особое качество – человеческое единство.

Сегодня наиболее распространенная модель журналистики – американская.¹ В Америке, больше чем где бы то ни было, журналистика помогала создавать страну, гражданское общество, образ жизни гражданина. Французский философ Алексис де Токвиль подчеркивал: «Единственные авторы, которых я считаю подлинными американцами, это журналисты. Они обладают скромным литературным дарованием, но они говорят на языке своей страны, и их слышат». В конце XIX – начале XX веков огромные потоки иммигрантов устремились в Америку, в ее растущие города. Газеты рассказывали новым американцам о жизни городов и всей страны, помогая им становиться гражданами. Стиль газет был простонародным, боевым, агрессивным, часто скептическим, почти всегда очень патриотическим. Обращаясь к новым гражданам, газеты создавали новые жанры. Например, жанр интервью с публичными персонами, политиками, был открыт именно американскими журналистами.

Специфика самого феномена существования журналистики в общей системе культуры заключается в том, что журналистика во многом сама формирует взгляд общества на какую-либо проблему. Новости – это больше, чем информация, это еще и взгляд на мир. Национальная журналистика – это система воспроизводства жизненных смыслов и ценностей народа с помощью средств массовой информации. Она опирается на национальную культуру, историю, служит правде и национальным интересам. Журналист – это не просто человек, транслирующий определенную информацию, но в некотором смысле защитник Родины, он не должен отрываться от своих национальных корней.²

В современной России журналистика больше миссия, чем профессия. Российскому журналисту нужен ориентир – образ ответственного гражданина, который хочет знать, что происходит в стране и мире – и имеет право это знать. Если журналисты забывают о нем, если становятся слишком

¹ Загидуллина М.В. Метанациональные стандарты журнализма как профессиональная утопия // Межнациональные коммуникации в современном мире: роль СМИ. Екатеринбург: Издательство УрФУ, 2014. С.12–14.

² Ллойд Дж. Тенденции развития современной журналистики. URL: <http://otetrad.ru/article-1509.html> (дата обращения: 15.11.2016).

циничными и говорят «в конце концов, это неважно» – они вредят своей профессии и самим себе.¹

Список литературы

1. Вольтер О.В. Феномен идеологии в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 134-140.
2. Загидуллина М.В. Метанациональные стандарты журнализма как профессиональная утопия // Межнациональные коммуникации в современном мире: роль СМИ. Екатеринбург: Издательство УрФУ, 2014. С.12–14.
3. Коломийцева Е.Ю. Журналистика в сфере культуры: вызовы XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. С. 76-81.
4. Къеза Дж. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М.: Издательство "Э", 2016. 288 с.
5. Ллойд Дж.Тенденции развития современной журналистики URL: <http://otetrad.ru/article-1509.html> (дата обращения: 15.11.2016).
6. Малахеев И.В. Быть летописцем современности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. 2012. №2 (101). С. 71–76.
7. Малахеев И.В. Слово свое не считая товаром // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. 2011. № 2 (89). С. 18–27.
8. Прохоров Е.П. Предмет и структура науки о журналистике // Основные понятия теории журналистики / Под ред. Я. Н. Засурского; Ред.-сост. Л. Г. Свитич. М.: Издательство МГУ, 1993. С. 26–27.
9. Таратута М. Падший ангел. URL: <http://echo.msk.ru/blog/taratuta/1851270-echo/> (дата обращения: 15.11.2016).
10. Углинская Н.А. Кризис культуры как процесс смены ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. № 4 (20). С. 87-94.
11. Хренов Н.А. Кризис медиа в контексте кризиса культуры // Культура культуры. 2014. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/krizis-media-v-kontekste-krizisa-kulitury/> (дата обращения: 15.11.2016).
12. Шатов И. Американские СМИ объявили информационную войну Трампу URL: <http://politrussia.com/world/amerikanskie-smi-obyavili-350/> (дата обращения: 15.11.2016).

¹ Ллойд Дж. Тенденции развития современной журналистики. URL: <http://otetrad.ru/article-1509.html> (дата обращения: 15.11.2016).

О.Г. Згазинская
*Центр содействия развитию гуманитарных наук,
образования и культуры «Мыслеобраз»
г. Мурманск, Россия*

**ОРИЕНТИРЫ «ПУТНИКА ПО ВСЕЛЕННЫМ»
В ЛИРИКЕ М.А. ВОЛОШИНА О ПАРИЖЕ И КИММЕРИИ**

Аннотация. Статья посвящена анализу образа путника в Париже и Киммерии, представленного в лирической поэзии М.А. Волошина.
Ключевые слова. М.А. Волошин, путник, Париж, Киммерия.

O.G. Zgazinskaya
*Center for the advancement of humanities,
education and culture "Mysleobraz"
Murmansk, Russia*

**LANDMARKS OF "WAYFARER ON UNIVERSES"
IN LYRIC OF M.A. VOLOSHIN ABOUT PARIS AND CIMMERIA**

Abstract. Article is devoted to image of wayfarer in Paris and Cimmeria, represented in the lyric poetry of M.A. Voloshin.
Key words. M.A. Voloshin, wayfarer, Paris, Cimmeria.

В лирике М.А. Волошина авторское миропонимание движется от простого созерцания очевидного к духовному постижению основ и первопричин. Важным в описании хронотопов столицы Европы и Восточного Крыма является реализация бытовых, эмоциональных, сакральных и других признаков познаваемого мира. Анализ и обобщение поэтических контекстов позволяют выделить ведущие репрезентанты образа лирического героя, который «вживается» в оба локуса, рефлексивирует над собственной судьбой и преображает духовные ориентиры цивилизации.

Сам автор, по словам очевидцев-современников и исследователей творчества, предстает убежденным скитальцем, познающим мир¹. С рюкзаком прошёл он Италию, Швейцарию, Австрию, Францию, Германию, Испанию, Грецию, но больше всего изучил любимые киммерийские места, путешествия по которым могут быть как реальными, так и воображаемыми.

Образ лирического героя – часть концептуальной модели или элемент, приобщённый к познанию локуса, где самооценка представителя се-

¹ Воспоминания о Максимилиане Волошине: Сборник. М.: Советский писатель, 1990; Купченко В. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб.: Logos, 1997.

ребряного века русской поэзии во многом обусловлена описаниями внешнего мира. Характерными для лирики Волошина являются тема пути и лик путника, странника, который исследует внутри- и околопарижское пространство разных эпох, а также погружает себя в атмосферу небольшой по географическим масштабам Киммерии. Облики обоих локусов сопряжены с масками и ликами лирического героя. Маски героя – это временные реакции на внешнюю действительность, а лики отражают постоянные формы взаимодействия с миром.

В описаниях Парижа лирический герой – сторонний наблюдатель, он часто отстранён, противоречив, отделён от жизни города, который его тревожит. Такая позиция дает возможность субъекту критически оценивать происходящее, искать себя в иных мирах, мечтать о расставании с Францией.

Описания лика странника в Париже связаны с поиском запредельного – *мой дух неспокоен во сне. / Дух мой несётся по снежным пустыням / В дальней и жуткой стране* [50]*, с нарушением каких-то запретов – *на дно миров пловцом спустился я – / Мятежный дух, ослушник Высшей Воли¹, встречей со смертью – я шёл сквозь ночь / И бледной смерти пламя / Лизнуло мне лицо и скрылось без следа...* [54] и т.д.

Парижский открыватель новых пространств сосредоточен на деталях в подготовке к походам – *закажу себе ботинки / С двухдюймовыми гвоздями. // Приготовлю «Lederhosen», / Альпеншток с крюком из рога, / «Rucksack» себе достану, / Колбасы возьму немного². Герой осмысливает путешествие как способ приобретения авторитета и завоевания внешней славы – *и пойду себе я в горы / С неизменным красным гидом, / Поражая и пугая / Всех идущих диким видом. // Побегут за мной мальчишки / Восхищенную толпою – / Я люблю быть популярным / (От читателей не скрою)* [Там же]. В процессе странничества по Западной Европе происходит констатация изменений внешнего мира без раскрытия их причин – *в осенний, холодный, но солнечный день / Бродил я по парку в Версале. / На мраморных старых ступенях дворцов / Увявшие листья лежали* [509], *на бархате ярко-зелёных лугов / Красивые церкви белели, / А выше, на фоне сияющих льдов, / Синели зубчатые ели* [639]. Лирический герой сосредоточен на пред-*

* Здесь и далее цитируются тексты отдельных стихотворений и помещенных в циклы. Нумерация дана в соответствии с нумерацией, принятой в основном Собрании сочинений М.А. Волошина (см.: пп. 3 и 4 в списке литературы); цифровое обозначение после двоеточия указывает на порядковый номер текста в цикле, номер в круглых скобках обозначает часть внутри стихотворения, указанную самим поэтом.

¹ Волошин М.А. Стихотворения и поэмы. В двух томах. Т. 1 / Общ. ред-я Б.А. Филиппова, Г.П. Струве и Н.А. Струве при участии А.Н. Тюрина. PARIS: YMCA-PRESS, 1984. С. 162.

² Волошин М.А. Стихотворения и поэмы. В двух томах. Т. 2 / Общ. ред-я Б.А. Филиппова, Г.П. Струве и Н.А. Струве при участии А.Н. Тюрина. PARIS: YMCA-PRESS, 1984. С. 265.

метах, сохранившихся в памяти от поездок и прогулок – *из страны, где солнца свет / Льётся с неба жгуч и ярк, / Я привёз себе в подарок / Пару звонких кастаньет*¹. Процесс познания глубинных основ мира сводится к обнаружению исторических памятников, каталогизации древностей и восстановлению событий легендарного прошлого Европы в воображаемых картинах.

Вариантов взаимоотражений микро- и макромира в Киммерии гораздо больше, чем в Париже. Творчество, странничество и отражение в себе природы являются константами лирического героя, познающего мир как единое целое. Изображения «путника по Вселенным» в пределах Крыма связаны не только с данным конкретным локусом, но и с новыми умозрительными пространствами, в которых осуществлён поиск чего-то дорогого, безвозвратно утерянного, – *из края в новый край и от костра к костру / Иду я странником, без [веры], без возврата. / Я в каждой девушке предчувствую сестру, / Но между юношей ищу напрасно брата* [540: 4].

Поэт представляет разные варианты странничества: по морю – *я плыл по морю за дельфином, / И в полдень белая звезда / Меня по выжженным равнинам / Вела до змиева гнезда* [90], по земле – *в напрасных поисках за ней / Я исследил земные тропы / От Гималайских ступеней / До древних пристаней Европы* [95], в небе – *я падал в бездны. Мой полёт / Насквозь, от края и до края, / Алмазом резал синий лёд, / Пространство ночи раздирая* [604].

Путешествия в Крыму обусловлены поиском прекрасного, идеального. Странник-человек [58], дорога которого уходит *нагорной степью <...> вдаль* [139], ищет тайное в явном и открывает его – *я полдень духа, к солнцу, на вершину / Я принёс своё земное «Я» / И, подняв в лазури, опрокину / В тёмный пламень чашу бытия*². Путник оценивает видимые пределы издалека, уходя к вершинам – *на высоту, где лишь орлы / Чертят широкие круги, / Да вьются молнии, блестя* [452]: *я к нагорьям держу свой путь / По полынным лугам, по скату* [120], *я был на вершине. Далёко / Внизу подо мной расстилались равнины и горы* [423]. Напомним: автор считал, что «вид с высоты на поприща земли – лучшая дверь к творчеству»³.

Образ путника в Киммерии, *душа которого в пыли дорог* [125], а *ступни ног целуют лицо пылающей пустыни* [646], является неотъемлемой частью этой земли. Волошинская характеристика живописи Сарьяна, где «нет любопытствующего взгляда путешественника, нет коллекционерства экзотических редкостей», а проявляется «местный колорит», окрашенный

¹ Волошин М.А. Собрание сочинений. Т.1. Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Сост. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2003.

² Волошин М.А. Стихотворения и поэмы. В двух томах. Т.2. С. 239–240.

³ Волошин М.А. Избранные стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. А.В. Лаврова. М.: Советская Россия, 1988. С. 306.

«сыновним чувством»¹, подходит и к образу странника.

Блуждания в просторах Крыма сопровождаются новыми ориентирами героя – воспоминаниями о *днях страннической и бездомной / Пытливой юности* автора: *шёл по расплавленным пустыням, / По непротоптаным тропам* [154]. Путь героя – это испытание, стяжание духа – *вдохну в скитальный дух я власть дерзать и мочь* [74: 8], накопление впечатлений – *я ж уношу в свое странствие странствий / Лучшее из наваждений земли* [155].

Скитания лирического героя осмысливаются как *путь к невидимому граду* [125], примирение с выбором свыше – *бездомный долгий путь назначен мне судьбой. / Пускай другим он чужд... я не зову с собой* [124]. В киммерийском странствии, похожем на *путь дерзанья и возмездья* [73: 7], одиночество и избранность, жизнь и смерть согласованы, как пространство и время, которыми измеряется человеческая жизнь: *наш путь ведёт к божницам Персефоны, / К глухим ключам, под сени скорбных роц / Раин и ив, где папоротник, хвоц // И чёрный тисс одели леса склоны... / Туда идём, к закатам тёмных дней, / Во сретенье тоскующих теней* [80: 14].

Тема пути представляется автору как возврат к истокам, к *святыне* [646], как поиск основ, восстановление самого себя. Подобное осмысление характерно только для контекстов Киммерии: *щемящей радостью душа моя объята; / Я <...> знаю, что **приду к отцовскому шатру**, / Где ждут меня мои, и где я жил когда-то* [124], *стелющийся дым костра, / Глеющего у шатра, / **Вызовет тебя назад** [162], я **вновь пришел** – к твоим ногам / Сложить дары своей печали, / Бродить по горьким берегам / И вопрошать морские дали* [138].

Сопоставим выражение чувств странника в описаниях двух локусов. Путешественник по Европе испытывает разные эмоции – восторга, страха и тревоги – *вот я свободен. Весь мир предо мной / И всюду мне вольная воля* [138]. В описаниях скитальца Киммерии проявлены более сдержанные чувства, проникнутые радостью встреч, тоской по несбыточному, грустью и желанным созерцать природные явления: *мне суждено теперь бродить / Без спутников в лесистых чащах, / Ушедших кликать и любить / Молчанье ликом преходящих², вместе с тропинками, / Вместе с деревьями / К далям, ликуя, стремится душа...* [675 (39)]. В альбоме «Чукоккала» Волошин делает надпись о том, что ему нравится чувствовать себя в образе путника: *вышел незваным, пришел я непрошеным, / Мир прохожу я в бреду и во сне... / О, как приятно быть Максом Волошиным – / Мне!* [601].

Итак, лик путника, странника в двух локусах осмыслен по-разному. В Париже это в основном путешественник, увлеченный внешней атрибутикой и славой, открытием исторических мест. В Киммерии происходит как

¹ Волошин М.А. Лики творчества / Отв. ред. Б.Ф. Егоров, В.А. Мануйлов. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 305.

² Волошин М.А. Стихотворения и поэмы. В двух томах. Т.2. С. 244-245.

увеличение, усложнение масштабов ориентиров лирического героя, так и смена его обликов: добровольный изгнанник, отшельник-созерцатель, беглец от исторических катаклизмов, миссионер-проповедник культурного направления, сын праматери-земли, мудрец, ищущий гармонии, согласия с природой и собой, медиум-прорицатель, открывающий сквозь сны, видения тайны Земли и Космоса. Широта охвата видимых и невидимых просторов, погружение в разные времена для Волошина привычны и очевидны, не случайно он останется в литературно-историческом контексте «путником по Вселенным».

Список литературы

1. Волошин М.А. Избранные стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. А.В. Лаврова. М.: Советская Россия, 1988. 384 с.
2. Волошин М.А. Лики творчества / Отв. ред. Б.Ф. Егоров, В.А. Мануйлов. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1989. 848 с.
3. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Сост. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2003. 608 с.
4. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1891–1931 / Сост. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2004. 768 с.
5. Волошин М.А. Стихотворения и поэмы. В двух томах. Т. 1 / Общ. ред. Б.А. Филиппова, Г.П. Струве и Н.А. Струве при участии А.Н. Тюрина. Париж: YMCA-PRESS, 1984. 532 с.
6. Волошин М.А. Стихотворения и поэмы. В двух томах. Т. 2 / Общ. ред. Б.А. Филиппова, Г.П. Струве и Н.А. Струве при участии А.Н. Тюрина. Париж: YMCA-PRESS, 1984. 592 с.
7. Воспоминания о Максимилиане Волошине: Сборник / Сост. В.П. Купченко, З.Д. Давыдов. М.: Советский писатель, 1990. 720 с.
8. Купченко В. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб.: Logos, 1997. 544 с.

РАЗДЕЛ III. ПУТЬ КАК ОРИЕНТИР

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=Рус)5

Л.Ю. Карицкая
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

МОТИВ ПУТИ В ТВОРЧЕСТВЕ: ОПЫТ САМОРЕФЛЕКСИИ

Аннотация. В статье рассматривается тема пути в рассказах автора. Цель работы: показать, что данная тема является одной из центральных в творчестве. Герои находятся постоянно в пути, в движении, в процессе поиска. Иногда этот поиск заканчивается тупиком или трагически, однако сам герой одерживает нравственную победу.

Ключевые слова. Путь, странствие, побег, свобода, поиск, обретение, потеря, изгнание, блуждание, пленник, беглец.

L.Yu. Karitskaia
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

THE WAY MOTIVE IN FICTION: EXPERIENCE OF SELFREFLECTION

Abstract. The article deals with the topic Of the way motive In the author's stories. This topic is one of the central in the works. Heroes are constantly on the go, on the move, in the search process. Sometimes, the search ends as a deadlock or a tragedy, however, the hero can win a moral victory.

Key words. The way, journey, escape, freedom, search, acquisition, loss, exile, wandering, a prisoner, a runaway.

Честно говоря, никогда ранее не приходило в голову заняться поисками центрального мотива в личном творчестве. И вот этот момент настал. Момент, когда надо перестать смотреть на продукт творческого процесса как часть себя, и понять, что заставляет возвращаться к одной и той же теме, несмотря на разные сюжеты и жанры, не похожих друг на друга героев, смену стиля. И вдруг выясняется, что всё написанное – об одном и том же. О затянувшемся путешествии. Откуда? Куда? Данная статья – попытка найти вектор этого движения. Если он есть, конечно. Возможно, нет его – и тогда это не путешествие, а броуновское движение, которое рано или поздно закончится на кладбище.

Тема пути, поиска его, выбора этого пути, и дороги вообще является магистральной. Герои моих рассказов (написанных за последние 10 лет, в том числе неопубликованных) – это странники, пленники (в прямом и переносном смысле), беглецы, маргиналы, люди, существующие в двух реальностях одновременно, либо люди, при всей их внешней вовлечённости в бурное течение жизни остающиеся в душе одинокими.

Объяснений несколько. Первое – влияние профессии журналиста (ей отдано 18 лет). Второе – влияние традиции. Подражание предшественникам, классикам (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев и другие). Однако это не просто «влияние». Это скорее полное сохранение мотива пути говорит о сознательной обнажённой обращённости к предшественникам. И это не удивительно: современный автор почти всегда создаёт собственное произведение, как бы включая чужие сочинения в свой текст, иногда без прямых заимствований, но в чём-то перекликаясь с ней, а в чём-то и полемизируя. Как замечает Р. Барт, «Пространство письма дано нам для пробегания, а не для прорыва»¹.

Действие рассказов зачастую происходит в местах, где герои находятся временно, брошенные туда волей обстоятельств (вагон поезда в «Кочевниках», вокзал в «Осенних цветах», колония-поселение, где преступники отбывают наказание по решению суда, в «Лосином берегу», номер гостиницы в «Окнах»). Либо рассказы представляют собой записи, которые делает автор, находясь в пути в другую страну («Испанский дневник»), где просто фиксируется увиденное/услышанное плюс мысли по поводу. Складывается впечатление, что у героев нет дома, что они застряли в дороге, и дорога эта никогда не кончится. Либо они не хотят по какой-то причине возвращаться домой («Окна», «Лосиный берег»), либо не могут («Кочевники»), либо это возвращение происходит, но лучше бы его не было – все умерли («Чужое небо»).

Тема изгнания, бегства, странничества звучит практически во всех рассказах. В них три типа героев: странники и странные (с точки зрения окружающих), изгнанники (или изгой?), пришельцы/чужие. Как и классического романтического героя, их влечёт нечто неведомое, им хочется приключений и опасностей; основное состояние – желание изменить жизнь и через это измениться самим. Получается, правда, не всегда. В пути они пытаются решить свои проблемы, крайне редко выступая наблюдателями («Осенние цветы», «Чистая карма»). Чаще это инициаторы действия, готовые нести ответственность за свой непростой выбор («Испанский дневник», «Лосиный берег»).

Все попытки отгородиться от действительности, которая не устраивает ни героев, ни автора, заканчиваются плачевно – ещё большими про-

¹ Барт. Р. Смерть автора. // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. С.384-391.

блемами, чем те, что были у героя до начала пути. Почти всегда с темой пути взаимодействуют и пересекаются мотивы свободы, рабства, любви, смерти, судьбы, предательства, верности. Дух свободы и любви, как правило, и воплощает герой-изгой (или странник, или пришелец, или беглец). Таков, например, Владимир Лиходей из «Лосинога берега», в прошлом – столичный архитектор, а ныне осуждённый за гибель рабочих-мигрантов на его стройке.

Романтическое отречение от обыденных вещей внешне похоже на монашеский уход от мира, но на самом деле принципиально отличается от него. Романтический герой уходит от мира ради себя, своих страстей и желаний, если жертвует, то не ради Бога, а ради иных вещей, представляющих для него ценность.

Что же ищут герои рассказов? Личное счастье («Неприрученный ветер»/ A Wind Untamed), отдых и новые впечатления («Клиент»), смысл жизни («Испанский дневник»), «покоя и воли» («Лосиный берег»), способы заработать («Чужое небо»), возможности изменить жизнь («Чистая карма», «Кочевники»).... В своём стремлении к необычному они иногда блуждают по городам и весям («Испанский дневник»), пытаются придать обыденности романтический ореол («Чёрным по белому»), даже вмешиваются в чужую судьбу («Окна»).

Это пространство не замкнуто, как может показаться на первый взгляд. Даже когда герой/героиня никуда не движется, он или она путешествует по закоулкам своей памяти, из прошлого в будущее и наоборот. Иногда время течёт назад, в прошлое: в рассказе «Окна», всё уже произошло, у героини нет будущего, выбор сделали за неё, ей остаётся лишь принять либо не принять его, а действие построено как рассказ, обращённый к безмолвному слушателю. Лишь эпиграф даёт надежду, что путь этот ещё имеет смысл. То же самое – в рассказе «Чужое небо», где герой понимает, что домой (с другой планеты на Землю) незачем было возвращаться – его уже никто не ждёт.

В рассказах преобладает открытый тип финала (подчёркнутая незавершенность пути или недосказанность?). Часто встречаются безымянные герои (как попутчики, у которых не всегда спрашиваешь имя). Нередко повествование ведётся от первого лица. Вектор движения – с севера на юг – отнюдь не случаен: из мира суровой действительности в мир фантазии, грёз, удовольствий и радости, из настоящего (не удовлетворяющего героя) – в будущее, которое представляется прекрасным во всех отношениях. Здесь путь героя представлен как возможность осознания своих грехов, как духовный рост. Благодаря которому можно... Да всё что угодно, пожалуй. Вплоть до попытки возврата к своим корням. Если это герою нужно.

Список литературы

1. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 384-391.
2. Карицкая Л.Ю. Испанский дневник (отрывки). URL: <https://vk.com/id17168027> (дата обращения: 10.12.2016).
3. Карицкая Л.Ю. Клиент // Ваенга: Литературно-художественный альманах Ассоциации творческих союзов. Вып. 1 / [Сост. А. Козлов и др.]. Североморск: Бенефис, 2006. С. 79-80.
4. Карицкая Л.Ю. Кочевники. URL: <https://vk.com/id17168027> (дата обращения: 10.12.2016).
5. Карицкая Л.Ю. Окна // Ваенга: Литературно-художественный альманах Ассоциации творческих союзов. Вып.2 / [Сост. В. Черкасов и др.]. Североморск: Опимах, 2011. С.87-90.
6. Карицкая Л.Ю. Чёрным по белому // Ваенга: Литературно-художественный альманах Ассоциации творческих союзов. Вып. 1 / [Сост. А. Козлов и др.]. Североморск: Бенефис, 2006. С.77-78.
7. Карицкая Л.Ю. Осенние цветы // Ваенга: Литературно-художественный альманах Ассоциации творческих союзов. Вып.3 / [Сост. В.Черкасов и др.]. Североморск.: Опимах, 2016. С. 18-20.
8. Karitskaya L. A Wind Untamed // Imaging Ourselves (Global Voices From a New Generation of women) / Ed. Paula Goldman. Novato, CA: New World Library, 2006. P. 62-63.

В.Б. Бакула
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ПУТИ И ОРИЕНТИРЫ СААМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

***Аннотация.** В статье говорится о литературе восточных саамов, определяется ее место в общей истории саамской литературы, рассматриваются особенности на современном этапе. Национальная литература коренного народа связана с процессом становления письменного литературного языка, с историческими судьбами своей страны.*

***Ключевые слова.** Восточные саамы, новописьменная литература, саамский язык, финно-угорская литература.*

V.B. Bakula
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

WAYS AND GUIDELINES SAMI LITERATURE

***Abstract.** The article refers to the literature of the Eastern Sami, is determined by its place in the General history of sami literature, the features of the modern stage. National literature of the indigenous people connected with the process of the development of the written literary language, the historical destiny of their country.*

***Key words.** Eastern Sami, new written literature, Sami language, Finno-Ugric literature.*

Важную составляющую культуры Кольского Севера образует культура саамов, частью которой является литература. Феномен литературы российских саамов еще не получил достаточного освещения в научных исследованиях как российских, так и зарубежных ученых, между тем ее уникальность, которая определяется самобытной культурой народа и органической связью с историческими судьбами своей страны, не вызывает сомнений.

Литература российских саамов относится к одной из самых молодых и мало исследованных финно-угорских литератур. Возраст ее немногим менее 30 лет. Тем не менее за это время определился путь ее развития и наметились ориентиры.

Венгерский исследователь литературы коренных народов Й. Домокош, рассматривая общую историю саамской литературы, относит литературу российских саамов к восточно-саамскому направлению¹. Известный

¹ Домокош Й. Прошлое – это не чужая страна: «Пограничность» (лиминальность) как принцип поэзии Аскольда Бажанова // Саамская литература: материалы и исследования / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2010. С. 129.

венгерский финно-угровед П. Домокош определяет литературу Кольских саамов как литературу «малых» финно-угорско-уральских народов (в отличие от «больших», т.е. венгерской, финской и эстонской)¹. Литература российских саамов – литература новописьменная, она возникла во второй половине XX века².

Становление любой национальной литературы связано с процессом становления письменного литературного языка. Литературный язык Кольских саамов, в основу которого положен кильдинский диалект, сформировался относительно недавно. Первые саамские буквари появились в советской России в рамках научно-исследовательской деятельности Института народов Севера: в 1933 – букварь З. Е. Чернякова на латинской основе, в 1937 – букварь лингвиста А. Г. Эндюковского на кириллице. К этому периоду относятся первые произведения на саамском языке: двухактная пьеса «Сийтшурьмусс» («Председатель сельсовета»), написанная в 1926 году студентом Института народов Севера Т. Дмитриевым и с успехом сыгранная в самодеятельном спектакле Саамского (лопарского) землячества в Ленинграде; брошюра «Что дала Октябрьская революция трудящимся саамам», изданная Ленпартиздатом в 1933 году, в которой рассказано об истории саамов, начале их этнических контактов с ижемцами, об Октябрьской революции и об образовании Союза советских социалистических республик³. Однако с 1937 года из-за политических репрессий и сфабрикованного саамского дела⁴. создание литературы и преподавание на саамских диалектах прекратилось.

Литература коренного народа на родном языке заявила о себе только в 1990 году сборником стихов Октябрины Вороновой «Ялла. Авьтмусс самь стиха книга» («Жизнь. Первая поэтическая книга на саамском языке») на одном из кольских диалектов – йоканьгском. Незадолго до выхода сборника – 15 ноября 1989 года – Октябрина Воронова, первая саамская поэтесса, была принята в Союз писателей СССР.

Вопрос литературного языка до сих пор стоит очень остро в среде саамов. Связано это с двойной орфографией: алфавитом А. Антоновой, автором первого саамского букваря, и орфографией Р. Куруч, редактором Саамско-русского словаря, которая вскоре после создания письменности на кильдинском и выхода в свет букваря предложила внести в саамский

¹ Домокош П. Этот удивительный мир // Ненецкая литература: Сборник / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 290.

² Полторацкий И.С., Силантьев И.В., Широбокова Н.Н. Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур // Сибирский филологический журнал. 2013. №4. С. 129.

³ Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi: Университет Лапландии, 1998. С. 83-85.

⁴ Киселев А.А. Саамский заговор // Живая Арктика. 1999. №3-4. С.58-60; Сорокажердьев В.В. По страницам следственного дела № 46197 // Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 2. С. 47-64.

алфавит на кириллице две латинские буквы: *h* и *j*, тем самым положив начало многолетнему спору в среде саамской интеллигенции. Еще Г.М. Керт отмечал: «В условиях, когда становление письменного языка не завершено, функционирование двух орфографических систем дезорганизует обучающихся»¹.

Заметим, что саамская литература, существующая сегодня, создавалась на кириллическом алфавите А. Антоновой, и только после выхода в свет книги исправлялась по орфографии Р. Куруч. Сегодня не закрыт вопрос о запрете алфавита А. Антоновой, который муссируется Р.Д. Куруч и Н.Е. Афанасьевой. Отметим, что открытым остается вопрос о переходе алфавита саамов на латиницу. При решении этих вопросов появляется новый: куда деть существующую литературу на алфавите Антоновой? Переписать, вставив *h* и *j*, или вообще оставить как литературу на мертвом языке? Понятно, что все эти споры не способствуют становлению литературного языка.

Становление саамской литературы связано и с другими событиями в стране. Долгие годы саамский язык не преподавался в школе, дети оленеводов, оторванные от родителей и привычной среды обитания, вынуждены были учиться в интернатах, где им запрещалось говорить на родном языке. Все это сыграло роль в том, что первый саамский поэт – Аскольд Алексеевич Бажанов – писал на русском языке. Он явился продуктом своей эпохи: в детстве был отдан в интернат, где благополучно забывал свой родной язык.

Таким образом, саамская литература имеет двух основоположников – русскоязычного поэта А. Бажанова, творчество которого стало известно с 1971 г. из публикации в газете «Литературная Россия» стихотворения «Зимняя ночь», и саамскоязычную поэтессу О. Воронову, чьи стихи были опубликованы вместе со стихами А. Бажанова из сторонних журналов в газете «Ловозерская правда» в 1979 г.²

Из 18 саамских художников слова, представленных сегодня в Антологии саамской литературы³, только шестеро мужчин. Это дало право говорить о матриархальности саамской литературы⁴.

На саамском языке писали О. Воронова, А. Антонова, И. Виноградова, К. Коркина, О. Перепелица, С. Якимович. Пробовала писать на саамском Э. Галкина. Сегодня создает свои произведения на саамском языке

¹ Керт Г.М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов // Наука и бизнес на Мурмане. 2007. №5. С. 12.

² Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi: Университет Лапландии, 1998. С. 83-85.

³ Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н.П. Большакова, В.Б. Бакула, авт. вступ. ст. Н.П. Большакова]. Мурманск: Опимах, 2012. 384 с.

⁴ Большакова Н.П. Саамской литературе – 15 лет // Наука и бизнес на Мурмане. 2005. № 5. С. 7.

А. Антонова, ее творчество будет представлено в Антологии поэзии коренных народов севера, Сибири и Д.Востока. Остальные художники слова пишут на русском языке. Творчество их разное по вкладу в литературу и по качеству своих произведений. Есть авторы только одного стихотворения (Г. Юшков, Н. Кузнецов (Матрехин), рукописи их стихов потеряны или находятся в частных архивах. В то же время есть писатели, определяющие дальнейшие пути развития саамского литературного процесса: это О. Воронова, А. Антонова, А. Бажанов, Н. Большакова, С. Якимович.

История литературы российских саамов, как и история литературы малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, – это «процесс перехода художественного сознания от фольклорного типа мышления к литературному»¹. Для художественной словесности коренного народа Севера естественным является как обращение к национальному фольклору и мифологии, так и влияние традиций русской литературы. Сочетание этих особенностей определяет своеобразие художественного мира каждого саамского писателя и литературного процесса в целом.

Обращение к фольклору и мифологии в творчестве саамских художников слова носит разноуровневый характер, что находит свое отражение на образном, жанровом и мотивном уровнях. Степень развитости фольклорной традиции особенно велика в творчестве таких художников слова, как О. Воронова, С. Якимович, Э. Галкина. Они сохраняют мифологическое поэтическое сознание, что объясняется «живой эпической традицией»², в которой выросли писатели. Особенно ярко это прослеживается в таких произведениях, как стихотворение «Северное сияние», мифологические рассказы «Солнце кашу варит», «Куйвь-дух», «Солнечные слезки» С. Якимович; в стихотворениях О. Вороновой «Луна», «Первый иней», «Чаккли», в стихотворении «Лыввьт» и сказках «Почему Аццы с людьми не живет», «Как медведь Новый год проспал» Э. Галкиной. В творчестве А. Бажанова, Н. Большаковой. О. Вороновой ощутимо «сознательное ограничение своей творческой фантазии каноничностью структуры эпического фольклора». В своих произведениях они опираются на язык устно-поэтической традиции. Это прослеживается в сказках Н. Большаковой из сборника «Подарок чайки», стихах А. Бажанова «Осень», «Северное сияние», «Ходит по тундре немойм изваянием», в стихах О. Вороновой. Благодаря традиционной форме их произведений, читатель становится соучастником художественного действия.

Для творчества Н. Фениной характерна генетическая связь с фольклором и стилистический подход к фольклорному тексту. Это обуславливает появление нового стилистического принципа повествования. Так, в философской «Сказке о Севере» обнаруживается непосредственная связь с мифоло-

¹ Литература народов России: учеб. пособие / под. ред. Р.З. Хайруллина, Т.И. Зайцевой. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 224.

² Там же.

гией, фольклором, традицией импровизации, в то же время писатель творчески переосмысливает и художественно переорганизует фольклорно-мифологические источники.

Закономерным явлением для новописьменной саамской литературы стала ориентация на опыт русской литературы, который транслируется в создании социально-этнографического романа Н. Большаковой «Алхала-лалай», повести В. Чернышихина «Алмаз» и в его рассказах «Сочинение», «Копейка», «Телефон», в гражданских мотивах лирики А. Антоновой. Ярким примером ориентации на опыт русской литературы является творчество М. Филиппова. В его поэзии ощутимо влияние А. Фета, В. Маяковского, В. Цоя¹.

Для новописьменной саамской литературы характерной особенностью является автобиографизм, т.е. «художественное отображение мира и действительности через авторское мироощущение, мировоззрение и опыт»². Через автобиографическую прозу начинается осознание себя и своего этноса в мире, в течении времени, познание истории своего народа, формирование этнической принадлежности. Мемуарно-автобиографические произведения саамских писателей разные по своей жанровой форме, объему и глубине анализа представленных в них событий.

Первой в саамской литературе стала автобиография прозаика Н. Большаковой (1957), представленная в цикле рассказов «Тиррв – по-саамски здравствуй!» (2000). Это не только автобиография, но и история своего рода, поселка, которая отражается в судьбах каждого из героев. В рассказах тесно переплетаются время личное и время историческое, душевная жизнь персонажа-рассказчика и духовная жизнь рода. Автобиографическая проза есть у Е. Коркиной (1944) (рассказ «Детство»), М. Медведевой (1949) (цикл «Рассказы о детстве в Воронье»), О. Перепелицы (1937) (рассказ «Я – дочь Севера и тундры»), В. Чернышихина (рассказ «Маме моей посвящается»), Н. Мироновой (1936) (книга «Йоканьга»). Представлен в саамской литературе жанр детской автобиографии: это некоторые рассказы из книги Н.Большаковой «Тиррв! – по-саамски здравствуй» («За морошкой», «Смерть бабушки»), но в большей степени – основная часть рассказов книги Е. Мечкиной (1949) «Воспоминания о детстве», которые имеют подзаголовок «Короткие рассказы и сказки для детей» (2014); книга автобиографических рассказов «Правдинки Василия Селиванова» в обработке Н. Большаковой, рассказ

¹ Бакула В.Б. Мир поэзии Михаила Филиппова – мир ощущений и душевных состояний // Антология саамской литературы: [авт.-сост. Н.П. Большакова, В.Б. Бакула, авт.вступ.ст. Н.П. Большакова]. Мурманск: Опимах, 2012. С. 285-288

² Огорокова В.Б. Пути и проблемы развития прозы в литературах народов Якутии, жанрово-стилевые процессы: Якутская, юкагирская, эвенская, эвенкийская проза XX века: дис. ... д. филол. наук. Якутск: Издательство ЯГУ, 1999. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения 07.06.2016).

«Детство» Э. Галкиной. Не во всех автобиографиях присутствует исповедальность, лиричность. Более точная фактография, перечисление наиболее важных событий жизни, упоминание имен реальных людей и попытка анализа событий встречаются в рассказах Н.Большаковой, В. Чернышихина, Н. Мироновой. Обращение к мемуарно-автобиографическому жанру связано с ростом социального и национального самосознания саамов, который наблюдается в последние десятилетия. В то же время автобиографический герой саамской литературы – человек, чей взгляд обращен в прошлое, у него нет устремленности в будущее и уверенности в том, что оно зависит от самого человека. Саамская автобиографическая проза не всегда характеризуется глубоким анализом тех процессов, которые влияли на судьбу этноса, писатели зачастую только намеками говорят о трагических событиях в истории своего народа.

Сегодня литература российских саамов существует на саамском и на русском языках, однако почти все саамские тексты правила при жизни А. Антонова – учитель саамского языка, создатель алфавита, переводчик на кильдинский диалект русской и мировой литературы. Подобного редактора уже нет в саамской среде. При этом преподавание кильдинского в школах и техникуме не ведется, что катастрофически быстро ведет к забвению родного языка, который в лучшем случае употребляют только в быту на разговорном уровне. Отметим, что на кильдинском нет и прессы.

Таким образом, ориентир у саамской литературы один – устоять, выжить и продолжить свое развитие. Путь много: орфография Куруч?, латиница?, переход на северо-саамский? Или писать только на русском? Забвение родного языка, продолжение традиций или поиск новых путей?

Список литературы

1. Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н.П. Большакова, В.Б. Бакула, авт. вступ. ст. Н.П. Большакова]. Мурманск: Опимах, 2012. 384 с.
2. Бакула В.Б. Мир поэзии Михаила Филиппова – мир ощущений и душевных состояний // Антология саамской литературы: [авт.-сост. Н.П. Большакова, В.Б. Бакула, авт.вступ.ст. Н.П. Большакова]. Мурманск: Опимах, 2012. С. 285-288.
3. Большакова Н.П. Саамской литературе – 15 лет // Наука и бизнес на Мурмане. 2005. № 5. С. 7-24.
4. Домокош Й. Прошлое – это не чужая страна: «Пограничность» (лиминальность) как принцип поэзии Аскольда Бажанова // Саамская литература: материалы и исследования / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2010. С. 128-140.
5. Домокош П. Этот удивительный мир // Ненецкая литература: Сборник / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 290-303.

6. Керт Г.М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов // Наука и бизнес на Мурмане. 2007. №5. С.9-16.
7. Киселев А.А. Саамский заговор // Живая Арктика. 1999. №3-4. С.58-60.
8. Литература народов России: учеб. пособие / под. ред. Р.З. Хайруллина, Т.И. Зайцевой. М.: ИНФРА-М, 2016. 397 с.
9. Огорокова, В.Б. Пути и проблемы развития прозы в литературах народов Якутии, жанрово-стилевые процессы: Якутская, юкагирская, эвенская, эвенкийская проза XX века: дис. ... д. филол. наук. – Якутск: Издательство ЯГУ, 1999. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения 07.06.2016).
10. Полторацкий И.С., Силантьев, И.В., Широбокова, Н.Н. Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур / И.С. Полторацкий, И.В. Силантьев, Н.Н. Широбокова // Сибирский филологический журнал. 2013. №4. С. 124-131.
11. Сорокажердьев В.В. По страницам следственного дела № 46197 // Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 2. С. 47-64.
12. Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi: Университет Лапландии, 1998. 129 с.

Л.Л. Иванова
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ПУТИ И ОРИЕНТИРЫ В ФИНАЛАХ ПЬЕС АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА

Аннотация. В статье рассматриваются финалы пьес Александра Вампилова с точки зрения обсуждаемой темы: пути и ориентиры. В последнее время в театре и кинематографе наметилось переосмысление сюжета «Утиной охоты». Автор статьи пытается понять причины такого художественного явления, а также выявить эволюцию поступка главного мужского персонажа Вампилова в финалах произведений: от «Прощания в июне» к «Прошлым летом в Чулимске».

Ключевые слова. Драматургия Александра Вампилова, финалы пьес, нравственные и духовные ориентиры, экранизации, герой и поступок.

L.L. Ivanova
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

THE PATH AND A LANDMARK IN THE FINALS OF DRAMATIC WORKS WRITTEN BY ALEXANDER VAMPILOV

Abstract. This article discusses the finals plays Alexander Vampilov from the point of view of the topic: the way and guidance. In recent years, the theater and the cinema there has been a rethinking of the story “Duck Hunt”. The author tries to understand the reasons for this artistic phenomenon, and to identify the evolution of the action of the main male character in the finals Vampilov works (from “Farewell in June” to the “Last summer in Chulimsk”).

Key words. Alexander Vampilov, finals plays, moral and spiritual guidance, the film adaptation, the hero and act.

2017 год – год юбилея известного российского драматурга – безусловно, с мировым именем – Александра Валентиновича Вампилова (1937–1972 гг.). Сегодня к его творчеству не перестают обращаться: театры, читатели, критики. И это не просто дань уважения к устоявшейся классике. В пьесах Вампилова мы ищем ответы на волнующую нас и наших современников вопросы. Для многих людей его произведения остаются именно тем ориентиром (нравственным и духовным), который помогает и найти свой путь, и осмыслить его.

Несомненным поводом обращения к теме стало то обстоятельство, что при интерпретации пьес Вампилова современными театральными и кинорежиссерами зачастую меняется финал. А это не может не корректировать сам смысл сказанного писателем. На памяти нашуевшая история с экранизацией «Утиной охоты» режиссером А. Прошкиным в 2015 году. Родственники А. Вампилова не скрывали своего возмущения фильмом. Их возмутил сценарий Ю. Арабова, написанный по мотивам вампиловского шедевра. В сюжет пьесы было внесено явное переосмысление, многие сцены преобразились до неузнаваемости, претерпели изменения факты биографии и, если можно так сказать, психологического облика главного персонажа – Виктора Злоба. А. Прошкин снял фильм острый и злободневный. Он как бы трансформировал замысел классической «Утиной охоты» в наши дни. Зилов стал работником агентства СМИ, главным для которого было угодить и своим работодателям. В облике Зилова – А. Цыганова уже нет надломленности Олега Даля («Отпуск в сентябре»). Новый «рыцарь «до лампочки» циничен, духовно инертен, опустошен заранее. Его ничто не способно удивить, оскорбить, привести хоть в какое-то подобие чувства. Фильм А. Прошкина неровен. Он вызвал немало самых противоречивых мнений¹. Так Виталий Кичин из «Российской газеты» фильм хвалит: «Авторам «Райских кущ» удалось сбереечь нерв и боль Вампилова, передать дух его драматургии и продлить жизнь открытого им героя в новое время». Анастасия Белокурова из «Завтра» откровенно возмущается: «Райские кущи» являются очередным бессмысленным и беспощадным эпизодом открытого отечественным кинематографом пару десятилетий назад сезона охоты на советскую классику. Перенесение современного антуража на классическую почку драматургии 70-х годов констатирует Антон Долин («Вести ФМ»): «Безвременье, растерянность, всепобеждающий гламур и прагматизм – точный отпечаток старой прекрасной драматургии на сетчатке нашего сегодняшнего глаза: фильм появился вовремя». Не могу не признать, что первый просмотр фильма А. Прошкина и Ю. Арабова вызвал и во мне просто бурю негодования: тип, созданный А. Цыгановым, не совпал с классическим образом; но более всего возмущала то, что сценарист «переписал» диалоги и монологи, принадлежащие перу гениального писателя. «Утиная охота» – произведение, можно сказать, поэтическое, сродни стихам, где каждое слово – на своем месте. Посему подмена и искажение фраз режет слух. Однако первая волна раздражения новой трактовкой пьесы прошла, на смену ей явилось понимание того, что современные кинематографисты имели, видимо, свой резон в переосмыслении «Утиной охоты», ее трансформации в XXI век. Но сродни ли шедевр Вампилова театру Чехова? И возможно ли перенести из века в век, допустим, «Чайку», по-

¹ Отзывы кинокритиков см.: Райские кущи. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Райские_кущи (дата обращения 20.11.2017).

зволив себе переписать ее заново, изъяв основные монологи и сцены? Понять эмоции родственников советского драматурга можно. Их возмущение неправомерной подменой смысла произведения привело к тому, что из титров было убрано имя драматурга. Но узнаваемость осталась. Более того, связь с судьбой и личностью Александра Валентиновича даже усилилась. И именно – финалом. В конце ленты «Райские кущи» мы видим точную параллель гибели главного персонажа – Виктора Зилова – с трагическим уходом из жизни самого Вампилова. В последнее время появились новые свидетельства очевидцев трагедии. Конечно, они субъективно, зачастую расходятся с первыми версиями, но, тем не менее, заставляют задуматься как о внешних и внутренних причинах катастрофы, так и о символическом значении ее. Так в очерке Натальи Островской «Доплывем ли до Вампилова?»¹ приводятся воспоминания Ольги Пакуловой. Она стала рассказывать о трагедии на Байкале после ухода из жизни своего мужа Глеба Пакулова, который в тот роковой день – 17 августа 1972 года – был спасен, а Вампилов погиб. Читаем: «Я проснулась часа в четыре утра. Ольга сидела на кровати, молчала. Потом, глядя мимо меня куда-то в пустоту, уверенно произнесла: «Саша утонул». Стало жутко. Уже рассвело и, о, радость! – стук в окно. Я выскочила первой и увидела Валентина Распутина. По какому-то чужому, стылому его лицу сразу поняла, что случилась беда. Валентин, не заходя, быстро сказал: «Глеб жив, а Саня утонул». Не помню, на чьей случайной лодке мы ехали в Листвянку. Ольга сидела как каменное изваяние, смотрела широко открытыми глазами в одну точку, и только возле Шаман-камня вдруг прижалась к Распутину и закричала, истошно и страшно, на весь Байкал. Глеба я нашла в Листвянской больнице. Из ушей сочилась кровь, вены на руках вздулись шишками. Но он был прямо-таки радостный, я даже усомнилась, в своем ли он уме. Первое, что сказал: «Какое счастье, что Саня выплыл, что жив...». Он, как за соломинку, держался за то, что действительно видел: как Саша вышел к кромке берега, встал во весь рост и сделал шаг. Глеб не хотел верить, что это был последний шаг, отмерянный ему на земле. Сашино сердце отказало. Пакулов долго не мог нагнетиться зайти в свой дом на Байкале».

В фильме А. Прошкина изменен финал пьесы, вернее – дописан, развит. В каноническом варианте «Утиной охоты» Виктор, пережив потрясение после попытки самоубийства, звонит официанту Диме и соглашается ехать на охоту: он совершенно спокоен. Критики без устали интерпретировали загадочный финал. Что за ним последует? Останется ли Зилов прежним – нервным и инфантильным? Пройдет ли путь перерождения в холодного и жестокого циника? Что для него теперь утиная охота? Бегство от реальности? Узаконенное убийство живой природы? Форма все того же самоубийства? Фильм А. Прошкина, кажется, дает ответ на этот вопрос.

¹ Островская Н. Доплывем ли до Вампилова? // Комсомольская правда. 2012. 17 авг.

Зилов-А. Цыганов по нелепому стечению обстоятельств оказывается в трагической ситуации. Резиновая лодка продырявлена корягой. Напарник – официант Дима, что есть силы, зовет на помощь. Зилов поступает так, как повел себя в аналогичной ситуации, судя по воспоминаниям очевидцев, сам писатель. Он молча пытается в намокшем снаряжении охотника добраться до берега. Ему это удается. Зилов делает первый шаг по земле и падает. У него останавливается сердце. Диму спасают. В горло – как живую (на самом-то деле, сугубо мертвую!) воду – вливают разбавленный спирт. Он будет жить... Влачить свое убогое циничное существование: кривляться шутом на высоко оплачиваемых «корпоративах», безбожно брать чаевые, оттягиваться в своей жестокости на охоте. Повезло? Для Зилова же счеты с жизнью сведены. Он мертв. Финал картины А. Прошкина сильный и, действительно, бьющий по нервам людей, дорожащих памятью Александра Вампилова. Символ, заложенный в нем, очевиден: песенка спета, «жизнь, собственно, проиграна». Но почему? Сам фильм, увы, ответа на этот вопрос не дает. Его можно критиковать за приблизительность деталей, поверхностность характеристик. То, что было дорого для самого Вампилова (постепенная душевная деградация персонажа, но при этом прорывы в истинное положение вещей – своего рода монологи-инсайты), Ю. Арабовым жестко изъято, переписано заново, искажено. Почему? Наверное, сценарист пытался соответствовать духу века XXI, а не началу 70-х годов столетия прошлого. Тогда романтическая составляющая еще «работала», сегодня она стала неуместным анахронизмом? Печально, если так.

Размышление над внесенными в вампиловский шедевр поправками современных художников (заметим – с мировым именем!) повлекло за собой желание вспомнить пьесы Александра Вампилова. Причем, именно с точки зрения заложенных в их финалах перспективы (путей) и ориентиров. Первой на ум пришла одноактная комедия «Дом окнами в поле» (1964). Именно в ней прозвучали слова, которые могут прозвучать эпиграфом к исследуемой нами проблеме. Произносит их учитель географии Третьяков. Проработав в далеком сибирском поселке положенные по распределению три года, он приходит прощаться к молодой еще, интересной собой и острой на язык заведующей молочной кухней Астафьевой. Между героями, видимо, мог бы состояться роман, но так и не состоялся. Географ полон нерешительности и сомнений. Можно ведь и остаться в поселке, не уезжать? Сделать предложение руки и сердца милой женщине? Персонажи Вампилова в финалах пьес часто остается на жизненном перепутье: успокоиться или продолжать поиск себя и своего жизненного пути дальше? Кажется, можно обрести дом, крышу над головой, семейную гавань, но всю жизнь смотреть из окна на чистое поле – право, не хочется. Третьяков говорит Астафьевой: «В ваши окна не видно дорог. Поле и лес, поле и лес... У вас зеленые глаза, вы наяда, сирена, от вас надо спасаться бегством...» И дальше: «Перешагнуть порог...». Это сложная задача. Дураков

полно по ту и по другую сторону порога...»¹. Типичное состояние для мужских персонажей практически всех пьес Вампилова («Прощание в июне», «Старший сын», «Утиная охота», «Прошлым летом в Чулимске»). Куда идти? С кем остаться? Что успеет понять человек к моменту создания в его жизни этой ситуации «перед порогом»? Сделает ли окончательный выбор? В пользу чего – покоя? справедливости? шуток ради? осознанной жертвенности?

Если «пробежаться» по финалам главных вампиловских пьес, то можно заметить несомненную эволюцию, рост самосознания героев (которых в критике принято называть антигероями) – не несут они в себе заряда целеустремленности. Скорее, напротив, подрывают себя сомнением, а то и саморазрушением. И, тем не менее, налицо движение от полной финальной недосказанности, красноречивого многоточия («Прощание в июне») к откровенному и мужественному поступку («Прошлым летом в Чулимске»). Студент Колесов («Прощание в июне») вполне осознанно предал свое чувство к дочери ректора Татьяне ради реальной выгоды: компромиссного примирения с администрацией университета, получения диплома о высшем образовании и даже поступления в аспирантуру. Первая полнометражная пьеса Вампилова полна еще наивности, шероховатости в обрисовке характеров (неслучайно ведь драматург собирался ее переписать, а от первого варианта решительно отрекался). Но при этом Вампилов удивительно точно чувствует перспективу развития человеческих отношений в обществе, где все более кричаще начинают заявлять о себе сугубо материальные ценности, выгода от карьерного роста, забвение ориентиров нравственности, утрата совести. В финале «Прощания в июне» повторяется начальная сцена: двое молодых людей встречаются на остановке автобуса. Это Колесов и Татьяна. Юноша, накануне разорвавший замешанный на подлости диплом о высшем образовании, пытается заговорить с девушкой. Но она отвечает ему молчанием. Однако шанс наладить отношения у них еще есть. Дождутся автобус, сядут в него вместе... Далек ли уедут? Будут кататься, условно говоря, по кругу? От конечной до конечной? Не хочется, что называется, передергивать, но вид транспорта, которым пользуются персонажи вампиловских произведений, тоже немаловажен. Причем, именно в художественном – обобщающе-символическом смысле. Городской автобус, пригородная электричка («Старший сын»). В «Утиной охоте» – такси, охотничья лодка. В «Прошлом летом в Чулимске» – милицкий уазик, мотоцикл, в финале – видимо, поезд, возвращающий Шаманова из поселка в Иркутск. На автобусе и электричке далеко не уедешь. А если уедешь – вернешься. И можешь всю свою жизнь курсировать по одному приглянувшемуся тебе маршруту. Так Володя Бусыгин может наезжать к Сарафановым, а потом и вовсе поселиться в их доме, найти себе

¹ Вампилов А. В. Избранное. М.: Согласие, 1999. С. 470.

семью – душевное родство. А, может, уехать утром и ...никогда уже больше не наведываться в тот дом, где испытал пусть минутное, но настоящее тепло и нешуточную ответственность за прежде чужих ему людей. Опять та же ситуация, как и «Дом окнами в поле? Островок человечности и даже любви найден. Но мир сложнее, тревожнее и все же разнообразнее, богаче по возможностям этого «родного угла». Что выбрать? Осуществить этот выбор трезвым умом или поглупевшим от счастья сердцем?

В «Утиной охоте», какой она написана Вампиловым в финале мы видим несостоявшееся самоубийство Виктора Зилов, его явную истерику и намерение в абсолютно спокойном состоянии ехать с циничным официантом Димой на охоту. Говорить о загадках этого финала можно бесконечно. В начале статьи есть попытка объяснить его, сопоставив с современной интерпретации конечных сцен драмы в фильме А. Прокина и Ю. Арабова «Райские кущи». Нынешние постановщики «Охоты» закрывают для Зилова жизненную перспективу. Смерть, что называется, доводит ситуацию до логического конца: повода к жизни нет. Нет дороги в будущее. Зилов сам закрыл для себя все пути к отступлению – в нормальную человечность. Он потерял доверие любящих его людей, в нем мертва совесть. Так ли у Вампилова? И да, и нет. Драматург щедро предоставлял своим персонажам (главным, по крайней мере) шанс на жизнь, а, значит, и на возможные перемены. На смену ориентиров пути. В его пьесах всегда находилось место откровению, своего рода, инсайту. Да, Зилов, кажется, такой «взрыв» пережил: сцена разговора якобы с женой за якобы запертой дверью. Это знаменитый монолог. Виктор говорит о том, что любит больше всего на свете – об утиной охоте. Но не о радости успешного выстрела, а о не передаваемой красоте восхода. Монолог «уходит», как и многое в жизни Злова, в вынужденную ложь, притворство перед любовницей, очередную клоунату. Напомню, что в «Райских кущах» А. Прокин и Ю. Арабов обходятся без этого знаменитого монолога. Не думаю, что по недомыслию, скорее, концептуально: современный Зилов на охоте ценит только убийство – не свободу от суеты. Вампиловский персонаж, уезжая с циничным приятелем на Байкал, имел шанс на будущий «взрыв». Чем уж был бы продиктован – Бог весть. Но его возможность не исключалась. В логике финалов пьес (от «Прощания в июне» к «Прошлым летом в Чулимске») такое преобразование главного действующего лица все же заложено. Шаманов в последней многоактной пьесе Вампилова начинает с того, чем завершал свой «путь» Виктор Зилов. Он выключен из действительности. Ему все давным-давно надоело, наскучило. Он не живет – доживает. В свои тридцать пять помышляет если не о самоубийстве, то полном пенсионном покое – смерти духовной. Не будем вдаваться в подробности классического шедевра, они всем хорошо известны. Напомним только, что в силу «стечения обстоятельств» (излюбленная вампиловская формулировка) Шаманов приходит к выходу из временной поселковой спячки. Признание Валентины, выстрел

ревнивца Пашки, коллизии с аптекаршей Кашкиной, последующие за всем этим роковые события в судьбе семнадцатилетней девушки – все это выбило следователя Шаманова из привычной колеи. Он принимает вполне осознанное решение: выступать на суде, назвать виновника преступления – сына видного в городе чиновника. Заметим, что апатия Владимира была вызвана судебной несправедливостью, нарушением закона. Он не захотел связываться – вышел из игры. Но в финале пьесы Шаманов изъявляет желание ехать в город и профессионально доказывать свою правоту. «Чулимск» написан в далекие семидесятые. Сегодня мы, пожалуй, лучше осознаем тот риск, которым подвергает себя следователь, вступивший на «тропу войны» с коррупцией.

Главный мужской персонаж Вампилова совершил поступок, продиктованный ему разбуженной в нем совестью. Может, он почувствовал острую необходимость быть именно самим собой – тем, который достоин самоуважения и любви Валентины. Ведь Валентина – это символ не просто здоровья и жизни. Это, несомненно, сама душа.

Именно к пробуждению души в финале своих пьес и был устремлен талантливый иркутский драматург, чьи пьесы сегодня известны в мире. И, наверное, очень важно научиться прочитывать их адекватно времени, в которое они были написаны, и вечности, в них заключенной.

Список литературы

1. Вампилов А.В. Избранное. М.: Согласие, 1999 . 778 с.
2. Иванова Л.Л. Вампилов: творческая индивидуальность. Мурманск: МГПУ, 2010. 108 с.
3. Островская Н. Доплывем ли до Вампилова? // Комсомольская правда. 2012. 17 авг.
4. Райские кущи URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Райские_кущи (дата обращения 20.11.2017).

Т.А. Рычкова
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ПУТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются модели развития региональной газеты, делается вывод о зависимости современной прессы от учредителя и спонсора. Проводится анализ современного журнального рынка и основных ошибок, допускаемых учредителями региональных гляцевых изданий.*

***Ключевые слова.** Региональная пресса, гляцевый журнал, развитие прессы.*

Т.А. Rychkova
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

THE DEVELOPMENT OF REGIONAL PRESS

***Abstract.** The article discusses the development model of regional Newspapers. The conclusion is drawn that the modern press depends on the founder and sponsor. The article analyses the modern coffee market and fundamental mistakes made by founders of the regional glossy magazines.*

***Key words.** Regional press, magazines, the development of the press.*

После запрета КПСС и дезинтеграции СССР произошло окончательное разрушение существовавшей ранее системы СМИ. Исчезло подавляющее большинство партийных изданий, на базе которых возникли независимые газеты журналистских коллективов, распалась административно-командная система управления, определявшая многие элементы типологии газет, журналов, радиовещания и телевидения. Вертикальную структуру прессы (от «Правды» до районной газеты) сменила горизонтальная структура, соответствующая современным демократическим принципам (функционирование самостоятельных, автономных и одновременно взаимодействующих информационных организаций).

Вместо однородной партийно-советской печати, которая имела различия в основном по своему иерархическому строению, но почти не отличалась по содержанию и оформлению, появилась разнообразная пресса, свойственными СМИ рыночного общества¹.

¹ Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий: итоги и перспективы. М.: РИП-холдинг, 2001.

Несмотря на большой выбор федеральных изданий, региональная пресса по-прежнему очень распространена. Например, в Мурманской области в каждом городе есть местное печатное издание: «Мончегорский рабочий», «Кировский рабочий», «Североморские вести», «Моя Кандалакша» и т.д.

Региональная пресса неоднородна и напрямую зависят от специфики самого района. В регионах с устойчивой экономической ситуацией возникают и развиваются рентабельные издания, включающие достаточное количество рекламы. В дотационных районах, несмотря на потребности общества в независимой самокупаемой прессе, местную газету кому-то приходится содержать.

Ученые выделяют разные *территориальные модели* местной прессы в зависимости от политических, экономических и других условий региона.

Например, местная пресса столичного региона относится к *прогрессивной низкодотационной*. Она характеризуется большей экономической и политической независимостью от бюджетных средств и от местных властей. Эти издания научились сами зарабатывать за счет доходов от рекламы (от 50 до 80%) и коммерческой деятельности (до 20% в бюджете редакции).

Модель *сельской местной газеты* можно рассмотреть на примере изданий Пензенской области. Специфика небогатого региона определяет и состояние местной печати. Сельская газета из всех представленных – самая нерентабельная, а значит, бесправная. 95% изданий убыточны, остальные балансируют на грани равновесия. У таких газет нет постоянного рекламодателя, богатого спонсора или учредителя, местные бюджеты не всегда выполняются. Издания зависят от дотаций и могут надеяться только на своего верного читателя (55% редакторов указали, что это пенсионеры, 45% – сельские жители, 10% – малообеспеченные слои населения). Учредителем большинства локальных пензенских изданий является областной департамент СМИ и полиграфии (вместе с местной администрацией), только в 20% случаев в состав учредителей входит редакция. Сельской газете нелегко выжить, хотя конкурировать, на первый взгляд, не с кем. Однако это не так: 85% местных газет видят конкурентов в лице более дешевых областных и общефедеральных газет, более качественных по исполнению. «Сельская газета напоминает скромный полевой цветок, для которого, как сказал один из редакторов, «любое другое издание – конкурент»»¹.

Северная модель местной газеты (Якутия, Ямало-Ненецкий автономный округ) характеризуется, как это ни парадоксально, одновременно очень высоким уровнем госдотаций (от 70 до 100%) и относительной неза-

¹ Типология периодической печати: Учеб. пособие для студентов вузов / М. Е. Аникина, В. В. Баранов, О. А. Воронова и др.; Под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс, 2009.

висимостью. В состав учредителей северных местных газет входят, как правило, не только местные администрации, но и Правительство Республики Саха (Якутия) или департамент по СМИ Ямало-Ненецкого АО. Журналисты воспринимают свои отношения с властями как партнерские. Это отражается на содержании издания, например, самой любимой формой работы с читателем журналисты Севера считают «горячие линии» – организацию диалога населения с властью. Местное правительство может ограничить финансирование газеты, но не закрыть ее, так как в условиях тундры газета – единственный способ донести информацию до ее жителей. Тиражи северной локальной прессы сравнительно низкие (у 73% – до 5 тыс. экз.), а у некоторых изданий (например, на языках коренных народов Севера) исчисляются лишь сотнями. Аудитория мигрирующая, мало изученная, очень многоплановая – от ученых, высокообеспеченных специалистов до малограмотных оленеводов и малообеспеченных бюджетников.

Татарстанская местная пресса при относительной неразвитости рекламного рынка и политических традициях местной элиты может служить образцом прессы с *информационно-политической концентрацией* в результате давления местной власти. По данным исследования, 20% респондентов из Татарстана отмечают, что контроль структур местной власти за деятельностью районных СМИ – очень высокий, еще 20% – утверждают, что достаточно высокий. Учредителями изданий до 2006 г. выступали районный Совет депутатов и местная администрация. В 40% случаев к ним добавлялась редакция. Учредительские отношения в системе татарстанской местной печати предусматривали исчерпывающую публикацию «официоза», хвалебных материалов о главе района и «дружественных» ему предприятиях¹.

Региональная пресса Мурманской области ближе всего к третьему типу классификации. Основную часть стабильно существующих печатных СМИ Мурманской области составляют издания, зависимые от учредителя (местных властей или крупных градообразующих предприятий), например, городские газеты «Вечерний Мурманск», «Кольское слово», «Мончегорский рабочий», «Кировский рабочий» и т.п., чьими учредителями являются муниципальные органы исполнительной и законодательной власти; корпоративные издания «На страже Заполярья» Министерства обороны РФ, «Арктическая звезда» Мурманского морского пароходства.

Данные газеты распространяются по подписке и в розницу, стоят недорого, но не пользуются популярностью читателей по разным причинам. Эти издания достаточно консервативны, ориентируются на возрастную аудиторию, в них, как правило, отсутствует связь с читателем: нет интерактива, читательским мнением не интересуются. По причине низкой популярности у аудитории и, может быть, неразвитости рекламного рынка,

¹ Там же.

эти газеты не особенно востребованы у рекламодателей. Данные газеты нерентабельны и вряд ли смогли бы существовать без финансирования учредителей.

На этот тип изданий влияет, в основном, учредитель. И это влияние гораздо более существенное, чем у изданий с общероссийским уровнем распространения.

У исполнительной власти много способов управления местной газетой. Эта система возникла еще в советский период, а сегодня к ней добавились новые экономические рычаги. По данным опроса МГУ, именно экономический контроль со стороны властей поставили на первое место редакторы (32%); кураторство, прямые указания, контроль за публикациями характеризует стиль отношений газеты и властных структур еще в трети редакций (31%). В 24% случаев воздействие администрации на редакцию носит рекомендательный характер, сводится к деловым контактам глав администраций и публикации официальных материалов. 7% опрошенных обращают внимание на то, что по закону администрация утверждает кандидатуру редактора, следовательно, может заменить неудобного; 6% отметили сохранившееся грубое давление, «разносы» по телефону, вызовы главного редактора «на ковер». Новое изобретение властей – ограничение информации через отказ редакции в аккредитации, или «просеивание» через пресс-службу (3%)¹.

Несмотря на сложную ситуацию в области прессы, нет оснований предполагать, что последняя полностью исчезнет. Телевидение не заставило исчезнуть кино, кино не уничтожило театр, и никакие новые носители не заменят полностью классическую газету. Безусловно, газеты будут жить. Но им необходимо видоизменяться. Скорее всего, произойдет смещение рынка в пользу одного из трех сегментов. Это гляцевые журналы и каталоги, затем издания, которые заставляют думать (аналитика)².

В качестве специфики журнального рынка Мурманского региона можно выделить слабую заинтересованность читателей в региональных изданиях, что связано с отсутствием у издателей хорошо продуманной рекламной кампании, правильного позиционирования журнала.

В период с 1998 по 2008 год на территории Мурманской области было выпущено 39 различных журналов, но большинство из них выдерживают один–два выпуска. Журнальный рынок Мурманской области на сегодняшний день представляет собой достаточно слаборазвитую структуру с небольшим количеством изданий и отсутствием полноценной конкуренции. В нашем регионе еще не завершился процесс формирования системы СМИ, не обозначилась журнальная аудитория, поэтому тенденция популя-

¹ Там же.

² Парфененок К. Будущее газет, или почему дистрибуция боится новых технологий. // Проблемы теории и истории журналистики: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. С. 59-61.

ризации журнальной продукции, выход на массового читателя сейчас является преобладающей. В дальнейшей перспективе видится сохранение ориентации на «глянец»), т.е. вложение капитала в издания рекламно-развлекательного характера. В Мурманске это такие журналы, как «Люди и вещи. Shopping», «Geometria», «Кружева», «На высоте», «МАМА, ПАПА + Я», «Наша свадьба в Мурманске», «Amore mio», «Simple food», «City», «Северный стиль» и т.п.¹.

Исследователи выделяют ошибки, характерные для всей глянцевой журналистики регионального масштаба, которые нередко приводят к кратковременности существования журнала, нарушению его периодичности, утрате аудитории, на которую он рассчитан.

Первая ошибка – это отсутствие долгосрочной стратегии издания. Издатели журнала, как правило, руководствуются собственными субъективными представлениями о журнале, который «понравится всем». Такого субъективного взгляда хватает на три-четыре номера, а далее начинается провал, поскольку энергия одного человека, пытающегося формировать в одиночку издание, не бесконечна. В других случаях издание возникает как вариант вложения денег крупных предпринимателей. В таком случае команда журналистов и дизайнеров, работающих над проектом, не видит перспективы своего издания, каждый выполняет свою часть работы, не видя издание в целом, что приводит к эклектике и низкому качеству журналистского компонента. Редакция не стремится к организации и проведению маркетинговых исследований, не пытается выявить свою потенциальную нишу. Определение аудитории на основе только собственных представлений о ней оказывается ошибочным.

Вторая распространенная ошибка – отсутствие четкого адресата. «Безадресная» журналистика, представляющая собой площадку для «остроумного самовыражения» журналистов, оказывается не эффективной. Множество материалов, ориентированных на разную аудиторию, с публикациями, взятыми напрямую из Интернета или других изданий, не способствуют привлечению своего читателя.

Третья ошибка состоит в том, глянцевая журналистика не освещает каких бы то ни было проблем, возникающих в местной жизни. Журналы содержат или только рекламу, или, в лучшем случае, инструкции – как съездить на курорт или заняться спортом. Но так как в появлении этой информации-инструкции нет никакой закономерности, рано или поздно такое издание либо превращается в простое рекламное, либо исчезает. Глянцевые издания принципиально избегают проблемной тематики, делая упор на качество фотографий, разнообразие визуального ряда. Естественно, что,

¹ Фомова Д. Специфика и тенденции развития журнального рынка Мурманской области (1998-2008) // Диалог культур: культурные стереотипы в эпоху глобализации: сборник статей / науч. ред. О.Н. Иванишева. Мурманск: МГПУ, 2008. С. 95-119.

утрачивая свои главные общественные функции, глянцева́я журналистика перестает быть собственно журналистикой.

Кроме того, региональные глянцевые издания дискредитируются заказными журналистскими материалами. Скрытая реклама в таком издании становится явной. Журналисты, работающие в редакциях, тратят свое мастерство на создание развернутых материалов, рекламирующих товары и услуги. Собственно «читательская» часть исчезает. Читатель начинает относиться к такому журналу как к обычному рекламному изданию, и предпочитает издания, не прячущие свой рекламный характер. Количество журналистских материалов в таких изданиях сведено к минимуму (один-два на 40-полосное издание).

При учете этих ошибок возможно сохранение настоящей журналистики в формате глянцевого издания.

Таким образом, можно сделать вывод о путях развития региональной печатной журналистики.

Региональная газета в настоящее время испытывает большие сложности, но нет оснований полагать, что она исчезнет совсем. Наиболее стабильными являются издания, имеющие постоянный источник финансирования, не зависящий от аудитории или рекламодателя. Но для того, чтобы стать действительно востребованными у своих читателей, эти газеты должны меняться в соответствии с современными тенденциями и обязательно поддерживать связь с читателем.

На журнальном рынке наиболее перспективны глянцевые рекламные издания при условии грамотного определения целевой аудитории и концепции издания.

Список литературы

1. Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий: итоги и перспективы. М.: РИП-холдинг, 2001. 336 с.
2. Типология периодической печати : Учеб. пособие для студентов вузов / М.Е. Аникина, В.В. Баранов, О.А. Воронова и др.; Под ред. М. В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс, 2009. 236 с.
3. Парфененок К. Будущее газет, или почему дистрибуция боится новых технологий // Проблемы теории и истории журналистики: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. С.59-61.
4. Фомова Д. Специфика и тенденции развития журнального рынка Мурманской области (1998-2008 // Диалог культур: культурные стереотипы в эпоху глобализации: сборник статей / науч. ред. О.Н. Иванищева. Мурманск: МГПУ, 2008. С. 95-119.

Е.Н. Шарова
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

МОЛОДЕЖЬ НА ПУТИ К ОСВОЕНИЮ ПРОФЕССИИ (ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ПАРАДОКСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ)¹

***Аннотация.** В статье представлена попытка обобщения некоторых тенденций, регистрируемых в ходе эмпирических исследований различных групп молодежи Мурманской области в период с 2009 по 2016 годы. По материалам опросов были описаны основные противоречия и парадоксы профессионального самоопределения молодых северян.*

***Ключевые слова.** Молодежь, путь в профессию, ценностно-смысловые парадоксы, профессиональное самоопределение*

E.N. Sharova
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

YOUNG PEOPLE ON THE WAY INTO APPROPRIATION OF PROFESSION (PARADOXES VALUES AND MEANING IN PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION)

***Abstract.** The paper presents an attempt of generalization of some trends registered during the empirical studies among various groups of young people of the Murmansk region in the period from 2009 till 2016. On the basis of surveys there were described the basic contradictions and paradoxes of professional self-determination of young northerners.*

***Key words.** Youth, way into profession, values and meaning paradoxes, professional self-determination*

Целью данной статьи является описать проблематику одного из важнейших измерений жизненного пути человека, а именно – пути в профессию, который может быть осмыслен посредством понятия профессионального самоопределения. В частности, особый интерес представляет вопрос, каким образом выстраивается данный путь в молодом возрасте – наиболее

¹ Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований («Профессионально-образовательные стратегии студенчества Мурманской области в условиях трансформации системы высшего образования»), проект № 16-13-51003.

интенсивном временном периоде, наполненном множеством критических (переломных) этапов и выборов.

Функционально по отношению к молодежи процесс профессионального самоопределения определяется как способ (механизм) интеграции индивида в социальную структуру общества¹. Данный процесс образует своего рода мост между неповторимой индивидуальностью молодого человека (с его собственными задатками, способностями), с одной стороны, и социальными стандартами, нормами, институтами и пр., – с другой.

В рамках социологического подхода процесс профессионального самоопределения представляется как социально обусловленный, т.е. он зависит от множества факторов, имеющих надиндивидуальную природу. Они отражают основные тенденции развития общества, проявляющиеся на глобальном и локальном уровне. Большая часть этих тенденций (трансформаций) проходит через два основных социальных института, детерминирующих профессиональное самоопределение, – систему образования и рынок труда.

На глобальном уровне изменения обусловлены сменой индустриального типа общества постиндустриальным (информационным, сетевым и т.п.). В частности, отмечается дестандартизация и флексибилизация занятости, размывающие границы между занятостью и безработицей (фриланс). В результате происходит утрата стабильности и определённости в системе занятости, рост конкуренции на рынке труда, сокращение рабочих мест и трудового времени как следствие научно-технического прогресса².

Все это в конечном итоге обуславливает появление новых требований к работнику. Проблематика этих требований в следующем. С одной стороны, необходимость постоянного повышения квалификации, а также готовность к переобучению и даже смене профессии, обуславливают повышение адаптивности индивида в стремительно изменяющихся условиях, с другой стороны, могут приводить к профессиональной маргинализации. В таком обществе профессиональная деятельность перестаёт быть базовым критерием самоидентификации, основой социального статуса, уступая позиции образовательной деятельности.

Образование становится одним из основных факторов структурирования современного общества, который институционализируется в концепции непрерывности³. Повышение значимости образования как канала вертикальной мобильности, с одной стороны, обеспечивает адаптацию и

¹ Дидковская Я.В. Динамика профессионального самоопределения студентов // Социологические исследования. 2001. №7. С. 132.

² Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. №3. С.44-54.

³ Телегина Г.В. Образование в течение жизни: институализация в европейском контексте и ее оценка // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Отв. ред. Г.А. Ключарев. М.: ИС РАН, 2008. С. 16-37.

инновационное развитие общества в условиях постоянных изменений, нестабильности и риска; с другой стороны погоня за статусной составляющей выхолащивает содержание человеческого капитала (феномен коллекционирования дипломов). Дисфункциональная сторона концепции непрерывного образования особенно отражается на институте высшего профессионального образования, превращающегося в социальную норму, дискредитирующую другие уровни подготовки¹.

Наиболее общие тенденции специфически преломляются на уровне конкретных стран и регионов. Так, разрыв институциональных связей между рынком труда и системой образования является ключевым противоречием для российского общества. Среди основных тенденций отмечаются: переориентация профессионального образования на предпочтения индивида в ущерб потребностям экономики; превращение образования в сферу услуг (коммерциализация); универсализация ценности высшего образования и кризис других уровней подготовки; экстенсивное развитие сферы услуг при технологическом отставании в реальном секторе экономики, повышение образовательного ценза к работнику и потребность в простой рабочей силе, преобладание структурной безработицы при относительно невысоком уровне общей безработицы и т.д.²

Мурманская область является одним из наиболее уязвимых в этом отношении регионов. Наряду с общим сокращением численности молодых людей в регионе происходит «вымывание» интеллектуального потенциала населения Мурманской области³. Конъюнктура рынка труда в регионе – доминирующий спрос на простую рабочую силу («синих воротничков» различной квалификации) – свидетельствует об индустриальном характере социально-экономического развития. Становление сервисной экономики, основанной на сфере услуг, в регионе в основном происходит экстенсивным путем за счет массового низкотехнологичного труда. В данных условиях трудоустройство по специальности высококвалифицированных работников (выпускников вузов) становится затруднительным, вынуждая их снижать требования к содержанию труда и руководствоваться лишь материальными трудовыми мотивами.

¹ Социальная дифференциация высшего образования / Отв.ред. С.В. Шишкин. М.: НИСП, 2005. С.13.

² См.: Капелюшников Р. Человеческий капитал России: эволюция, структурные особенности // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. №4(78). С.46-54; Красильникова М. Кризис профессионального образования - тревожит ли он работодателей? // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 5 (91). С.30-37; Обследование населения по проблемам занятости - 2010 год IV квартал / Ежеквартальный статистический бюллетень // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_30/Main.htm.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2007. С.283; Там же. 2013. С.309.

Так, представленные структурные факторы, отражающие социальную обусловленность процесса профессионального самоопределения, оказываются в сложном переплетении с субъективными факторами – конкретными практиками профессиональной социализации, системой предпочтений, ценностными ориентациями и смыслами молодежи на различных этапах пути в профессию.

Предлагается проследить некоторые парадоксальные тенденции субъективного измерения профессионального самоопределения по материалам трех эмпирических исследований:

- 1) 2009 г. – анкетный опрос среди учащихся 9,11-х классов школ г. Мурманска, объем выборки 989 человек;
- 2) 2014 г. – анкетный опрос среди молодежи Мурманской области 14 – 30 лет, объем выборки – 955 человек;
- 3) 2016 г. – групповые дискуссии среди студентов МАГУ, объем выборки – 151 человек (16 групп).

В результате опроса 2009 г. были обнаружены следующие основные противоречия профессионального самоопределения молодежи¹.

С одной стороны, для выпускников школ доминирующей образовательной ориентацией является получение высшего образования (85,2 и 74,3% соответственно). Среднее профессиональное образование, если и выбирается учащимися, то рассматриваются как промежуточный, подготовительный этап (например, для поступления в вуз) или как вынужденная стратегия. С другой стороны, каждый четвертый-пятый одиннадцатиклассник и второй-третий девятиклассник, покидающие школу, не определились с выбором профессии (см. рис.1). Неопределенность зачастую связана со сложностью выбора из нескольких вариантов, причем выбор осуществляется из разнородных (более 60% случаев) профессий: стоматолог – стюардесса, экономист – психолог, химик – оперный певец; актриса – милиционер и т.д.

¹ Более подробно см.: Шарова Е.Н., Мулина Т.В. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (региональный аспект) // Журн. социологии и социал. антропологии. 2010. Т. XIII, №1. С. 50 – 68.

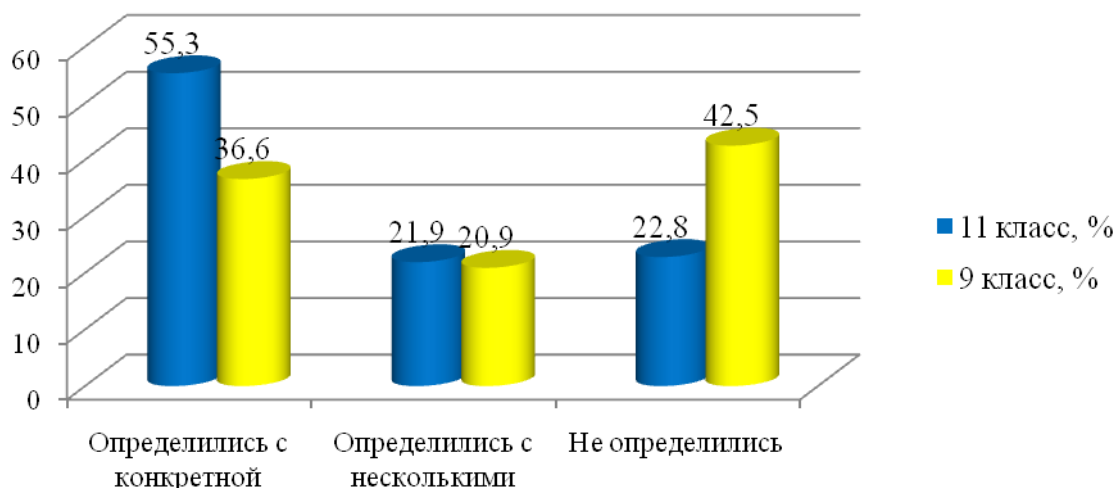

Рис. 1 Определенность с выпускников школ с выбором профессии

Эти данные свидетельствуют о подмене профессиональной ориентации образовательной, подкрепленной нарастанием инструментальных установок по отношению к труду (см. табл.1).

Таблица 1. Факторы привлекательности профессии

Факторы	11 класс, %	9 класс, %
Заработная плата	79,4	74,8
Возможность сделать карьеру	58,6	60,0
Интересное содержание, процесс труда	47,8	29,8
Популярность, престижность	40,0	27,5
Возможность развить свои способности	29,2	34,0
Возможность приносить людям пользу	27,2	26,8
Возможность иметь свободное время	26,4	29,8
Возможность общения с людьми	26,4	26,8
Творческий характер профессии	20,8	21,0
Возможность управлять другими	12,5	11,4
Интеллектуальный характер профессии	11,4	9,8
Сложный характер	3,1	8,6

Наибольшее значение при выборе профессии для молодёжи имеет материальный фактор (74,8 - 79,4% ориентированы на зарплату). То есть молодёжь заведомо не отдаст своего предпочтения низкооплачиваемым видам деятельности, даже если они необходимы для общества. Только для четверти опрошенных важным фактором является возможность приносить людям пользу. Обращает на себя внимание, что две трети девятиклассников и более половины одиннадцатиклассников в принципе исключили интересное содержание труда из важных характеристик будущей профессии.

Таким образом, наблюдается процесс превращения профессионального труда в инструментальную ценность.

Высшее образование, напротив, имеет терминальное значение для молодёжи, приобретая статус самостоятельного ценностного ориентира. Оно прочно ассоциируется с успешной профессиональной карьерой, чуть менее – с высоким доходом.

При этом весьма парадоксально выглядит мотивация школьников к получению высшего образования: доминируют причины, связанные с профессиональной подготовкой и будущим трудоустройством (см. рис. 2).

Рис.2 Мотивы получения высшего образования

Надо сказать, что в сознании учащихся вуз прочно ассоциируется с гарантированным и успешным трудоустройством. Диплом о высшем образовании рассматривается как необходимое условие для выхода на рынок труда. Однако несколько смущает столь высокий процент собственно профессионального мотива получения высшего образования с учётом того, что уровень определённости с будущей профессией у учащихся 11-х классов (и тем более, 9-х классов) относительно невысокий.

Более детальный анализ позволил выявить интересную связь: чуть более 60% школьников, не выбравших профессию, собираются в вуз, ру-

ководствуясь именно профессиональной мотивацией. Возможно, отмечая суждение «Хочу получить профессию, которая мне нравится», респонденты подразумевали не какую-либо конкретную профессию, а спектр различных престижных специальностей, которые требуют, как правило, вузовской подготовки. Кроме того, именно в группе не определившихся с профессиональным будущим наиболее высока доля тех, кто желает за счёт вуза отсрочить трудоустройство после школы (вынужденный мотив получения высшего образования для 18% одиннадцатиклассников, не выбравших профессию). Для сравнения, в группах с более высокими показателями профессиональной определённости доля такой мотивации составляет 8,4% и 6,8%. Каждый четвертый девятиклассник, не определившийся с профессией, сравнительно чаще основывается на убеждении, что высшее образование необходимо каждому современному человеку (27,3%).

По итогам первого исследования можно отметить практически всеобщую ориентацию молодых людей на получение высшего образования и в то же время, практически тотальную профессиональную дезориентацию целого поколения, вступающего в жизнь. Формируется мощный социальный запрос на образовательные услуги, не связанный с получением профессиональных знаний и умений. Происходит своего рода подмена профессиональной ориентации образовательной, а последняя содержательно сворачивается, подменяясь формальной гонкой за «корочками».

Исследование жизненных стратегий молодежи, проведенное в 2014 г. среди жителей Мурманской области 14-30 лет, позволило обнаружить основные ориентиры личностного развития данной социальной группы в различных сферах¹.

Так, среди желаемых направлений самореализации приоритетное значение получили следующие: профессиональная самореализация (48,3%), материальное благополучие (47,6%) и семья (44,9%) (см. рис. 3). Это конкурирующие ценностные ориентиры, в целом являющиеся традиционными. Показательно, что для трети значимо повышение образования (34,8%) и насыщенный досуг (отдых, путешествия, развлечения – 30,5%).

¹ Более подробно см.: Шарова Е.Н., Недосека Е.В. Жизненные стратегии молодежи Мурманской области: Социологический анализ основных измерений // Вестник МГТУ. 2014. Т.17. №4. С.802-811.

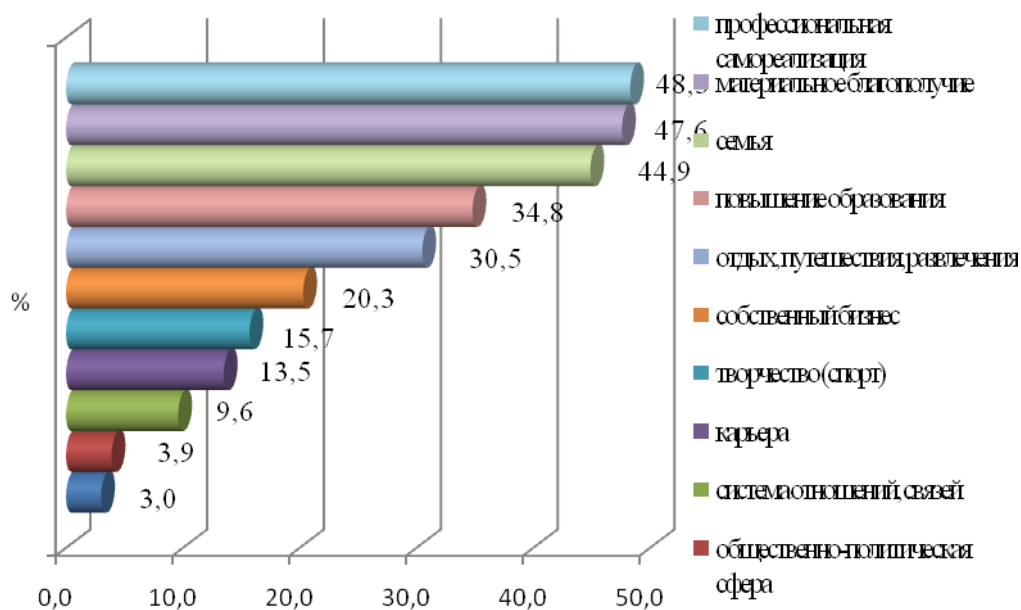

Рис. 3 Желаемые направления самореализации

Особый интерес представляют амбиции молодежи в образовательной, социально-профессиональной и материальной сферах. Большинство молодых северян считает достаточным для себя получение одного высшего образования (57,3%), при этом четверть претендует на два и более высших образования (24,8%). Треть опрошенных довольствуются должностью ведущего специалиста (35,5%), свыше половины претендуют на руководящие должности различного уровня (57,5%). Представления о достойной зарплате имеют довольно высокие значения: почти половина претендует на зарплату свыше 80 тысяч рублей (при средней зарплате в регионе на период опроса – 39,9 тыс.руб.¹).

Значимым элементом анализа профессионально-образовательных ориентаций молодежи является ее отношение к работе по полученной специальности (см. рис. 4). Так среди работающих трудятся по специальности 42,3% опрошенных, не по специальности – свыше трети (37,0%). Особый интерес представляют мнения молодежи относительно важности работы по полученной специальности. Чуть более половины опрошенных (54,1 %) считают важным и крайне важным работать по полученной специальности. 18,4 % затруднились ответить, 27,5 % считают, что работать по полученной специальности скорее не важно и совсем не важно.

¹ Уровень жизни населения Мурманской области / Официальный сайт территориального органа Федеральной службы статистики по Мурманской области. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/resources/006e53004f10f4209b969b22524f7e0f/07039_2014_09.doc.

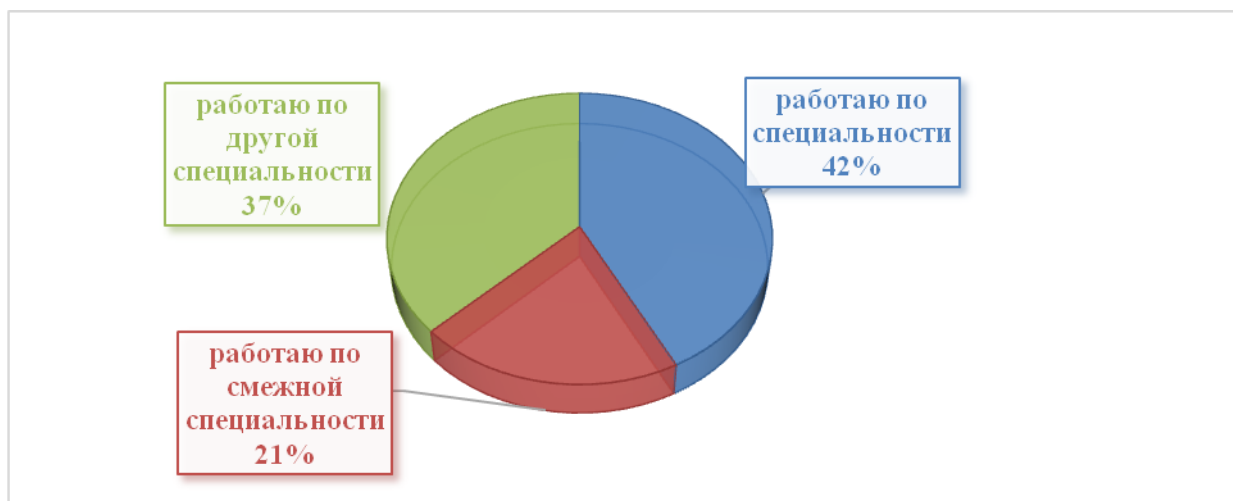

Рис. 4 Связь работы молодежи с полученной специальностью (среди работающих)

При этом выявились статистические различия в зависимости от уровня образования респондентов. Обладатели начального профессионального (44,2 %), среднего специального (48,3 %) и незаконченного высшего образования (48,8 %) сравнительно реже оценивают важность работы по специальности, чем респонденты с высшим образованием (62,5 %) и, особенно, – с ученой с ученой степенью (92,8 %).

Таким образом, самореализация в профессии как преобладающий ценностный ориентир осмысливается относительно автономно от конкретной специальности, полученной в учебном заведении. Институциональный разрыв связей рынка труда и рынка образовательных услуг порождает различные ценностно-смысловые деформации в профессионально-образовательных ориентациях молодежи, особенно студенчества. От того, какие смыслы вкладывают в свое обучение и профессиональное становление потенциальные молодые профессионалы, какие цели они преследуют, вовлекаясь в процесс получения высшего образования, зависит не только их личное будущее самоопределение, но и сценарий развития общества в целом.

В частности, определенная попытка детализированного описания конкретных смыслов получения высшего образования была предпринята в ходе эмпирического исследования профессионально-образовательных стратегий студенчества Мурманской области весной 2016 г. Сбор данных осуществлялся в Мурманском арктическом государственном университете методом открытой групповой дискуссии¹ в 16 студенческих группах 1-4

¹ Левинсон А.Г. Открытые групповые дискуссии как метод прикладных социологических исследований // Вестник общественного мнения. 2007. №6 (92). С. 51.

курсов. Всего приняли участие 151 студент, из них – 39 юношей и 112 девушек¹ [более подробно см. 12].

Для определения ценностей и смыслов получения высшего образования ведущий обращался к группе со следующим вопросом: «*Важно ли сегодня иметь высшее образование и почему?*». Рекомендовано его было задавать на этапе выяснения профессиональных ориентаций студенчества (в блоке вопросов об отношении к направлению подготовки и работе по будущей профессии). В данном контексте проявлялась наибольшая проблематичность и дискуссионность всеобщей практики получения высшего образования. Так как многие студенты на этапе обучения в вузе осознают нежелание работать по своей профессии, вопрос о целесообразности продолжения обучения не всегда сопряжен с очевидным ответом.

В результате было получено и проанализировано 109 суждений.

Условно всю совокупность мнений можно разделить на три основные категории: «высшее образование – неважно в целом», «высшее образование – (не)важно в определенных случаях» и «высшее образование – важно в целом».

Первая группа мнений, включающая 8 суждений, представляет собой особый интерес, так как эта позиция представлена именно среди студенческой молодежи, которая непосредственно вовлечена в получение высшего образования. В ходе кодирования и группировки смыслов данной группы была выделена основная категория, описывающая отношение к высшему образованию как к некоторой массовой, нормативной, но при этом крайне затратной и нерациональной практике. В данной группе мнений вызревает критика системы образования в целом и ее доступности в частности; отмечается неготовность большинства молодых людей осмыслить целесообразность поступления в вуз на определенное направление подготовки; высказывается сожаление о совершенном образовательном выборе и предложении по его рационализации. В целом, для данной группы мнений характерно полное отрицание конкурентоспособности и низкая оценка эффективности высшего образования в условиях его «инфляции и перепроизводства».

Вторая группа мнений (8 суждений) указывает на ситуативную важность высшего образования, которое является одним из множества ресурсов, конкурирующих между собой. С точки зрения участников, принадлежащих к этой группе, высшее образование уступает позиции в сравнении с другими видами капитала (экономическим, взятом в денежном измерении, и социальным, понимаемым через связи). Представлена точка зрения, что не столько формальное образование определяет жизненный успех челове-

¹ Шарова Е.Н., Мудрецова М.О. Ценности и смыслы получения высшего образования в представлениях современного студенчества (на примере студентов МАГУ) // «Человек и общество: опыт и перспективы социологических исследований» : сб. научных статей. Мурманск: изд-во МАГУ, 2016. С.162-171.

ка, сколько наличие у него определенных личностных качеств: работоспособность, трудолюбие, интеллект, практические навыки, предприимчивость, коммуникабельность, наличие идей и умение их воплощать, – которые заменяют узкопрофессиональные знания и навыки.

Третья – самая многочисленная – группа мнений (93 суждения) объединяет в себе различные аргументации важности получения высшего образования. Осмысляются различные факторы конкурентоспособности данного уровня подготовки.

Отмечается самоценность высшего образования, его наличие безотносительно узкопрофессиональных знаний. Также популярны в данной группе высказывания о формальной необходимости иметь диплом (сертификат, «корочку») о высшем образовании. Высказывается мнение о том, что важно получать высшее образование в силу его общедоступности, которая может иметь временный характер. Представители этой группы указывают, что диплом является основой для продолжения обучения по программам магистратуры или для прохождения профессиональной переподготовки по различным направлениям.

Высшее образование в данной группе рассматривается как условие для устройства практически на любую должность, даже неквалифицированную. К тому же, наличие диплома представляется необходимым при продвижении по службе, устройстве на руководящие должности. Немаловажным здесь становится мотив получения более высокой оплаты труда. Осознается высокая конкуренция на рынке труда, и в этой ситуации высшее образование расценивается как преимущество при устройстве на работу и для продвижения по служебной лестнице. Диплом здесь рассматривается как статусная составляющая.

Обучение в высшем учебном заведении данная группа оценивает как эффективное средство для развития определенных личностных качеств – трудолюбия, ответственности, самостоятельности. Оно способствует расширению кругозора, самоутверждению, передаче опыта будущему поколению. Образование дает знания, которые могут пригодиться в разных сферах жизни. В данной группе также проявился такой мотив получения высшего образования, как должностничество. Идти в высшее учебное заведение и получать диплом «надо». Это означает отсутствие альтернатив и восприятие обучения в университете как должного.

Результаты третьего исследования позволяют сделать вывод о том, что большинство студентов осознают важность получения диплома, однако вкладывают в это разные смыслы. Высшее образование расценивается в основном не как средство получения профессиональных знаний и умений, а скорее как основа и необходимое условие для построения карьеры и личностного роста. В структуре профессионального самоопределения получение высшего образования является стандартизирующей, универсальной, социально обусловленной практикой на пути к освоению профессии, на-

полненном уникальным, индивидуальным, субъективно детерминированным содержанием.

Список литературы

1. Дидковская Я.В. Динамика профессионального самоопределения студентов // Социологические исследования. 2001. №7. С. 132-135.
2. Капелюшников Р. Человеческий капитал России: эволюция, структурные особенности // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. №4(78). С.46-54.
3. Красильникова М. Кризис профессионального образования – тревожит ли он работодателей? // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 5 (91). С.30-37.
4. Обследование населения по проблемам занятости – 2010 год IV квартал / Ежеквартальный статистический бюллетень // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_30/Main.htm.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2007. 991 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2013. 990 с.
7. Социальная дифференциация высшего образования / Отв.ред. С.В. Шишкин. М.: НИСП, 2005. 384 с.
8. Телегина Г.В. Образование в течение жизни: институализация в европейском контексте и ее оценка // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Отв. ред. Г.А. Ключарев. М.: ИС РАН, 2008. С. 16-37.
9. Шарова Е.Н. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (региональный аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. №1. С. 50 – 68.
10. Шарова Е.Н. Жизненные стратегии молодежи Мурманской области: Социологический анализ основных // Вестник МГТУ. Серия социальные и гуманитарные науки. 2014. Т.17. №4. С.802-811.
11. Шарова Е.Н. Ценности и смыслы получения высшего образования в представлениях современного студенчества (на примере студентов МАГУ) // «Человек и общество: опыт и перспективы социологических исследований»: сб. научных статей / науч.ред. Г.В. Жигунова. Мурманск: изд-во МАГУ, 2016. С.162-171.
12. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. №3. С.44-54.

О.А. Бодрова
ФГБУН «Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН»
г. Апатиты, Россия

ПУТЕШЕСТВИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭТНОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу путешествия как феномена этнографии. Анализируются антропологический, географический, этнологический, профессиональный, филологический, методологический аспекты путешествия.

Ключевые слова. Путешествие, травелог, этнография.

O.A. Bodrova
Barents centre of humanities
of the Kola Science Centre RAS, Apatity, Russia

TRAVEL THROUGH THE PRISM OF ETHNOGRAPHY

Abstract. Article is devoted analysis of the travel as a ethnography's phenomenon. Anthropological, geographical, ethnological, professional, philological, methodological aspects of travel are analyzed.

Key words. Travel, travelogue, ethnography.

Путешествие (духовное, метафорическое, географическое) как процесс передвижения по намеченному пути привлекает внимание представителей самых разных областей знания. В этнографии можно выделить несколько аспектов, позволяющих исследовать и понять этот феномен, который можно считать ключевым для этнографической науки и этнографического описания.

1. Первый аспект можно условно обозначить как *антропологический*. Миграции (которые, по сути, есть путешествие в другую географическую точку) являются основой большинства этнических процессов, направленных на объединение или расхождение этнических культур, а также причиной этногенеза – исторического происхождения этнических групп. В этом плане миграции нашли отражение в направлении антропологии движения А.В. Головнёва, рассматривающего их как основу, сочетание динамики / статики мотиваций в истории.

2. *Географический* аспект путешествия предполагает передвижение в пространстве с определенными целями. Путешествие находилось в основе эпох античных мореплаваний, Великих географических открытий, колониальных экспедиций, в результате которых происходило расширение «западного» культурного пространства, открытие, изучение и присоединение новых территорий.

3. Открытие новых земель повлекло за собой открытие географически далекого и в культурном плане несхожего Другого, осознание культурных различий между собственным и чужими народами, а процесс этнической идентификации привел к возникновению этнографии. В этом плане путешествие может быть рассмотрено в *этнологическом* аспекте.

4. Путешествие как *профессия*. Систематические экспедиции в дальние края привели к возникновению профессии путешественника. Определению его статуса, противопоставлению другим группам исследователей традиционно уделяется много внимания в этнографических описаниях.

5. *Филологический* аспект. В независимости от статуса, социальной группы, профессиональной принадлежности и самоидентификации путешественника сам факт путешествия обычно воспринимается как некий «текст», требующий последующего описания и повествования, то есть можно говорить о своеобразной текстуализации путешествия. Типичным жанром для описания путешествия является путевой очерк, в котором рассказывается о путешествии по исследуемой территории с сопутствующим изображением некоторых этнографических реалий (быта, нравов, общественного и хозяйственного устройства, религиозного состояния некоторого культурного сообщества и пр.). При этом ключевым моментом для жанра этнографического описания становится путешествие – реальное или метафорическое, а эмоциональные описания тягот путешествия, экзотичности другой культуры, актуальности ее изучения делают этнографические данные иллюстративными и «насыщенными». Жанр путевого очерка как разновидности «травелога» следует отличать от литературного жанра «сентиментального» путешествия.

6. *Методологический* аспект. Травелоги (путевые очерки, дневники, письма, доклады и пр.) часто рассматриваются как этнографический источник, разновидность исторического источника. Однако до недавнего времени не затрагивался вопрос о достоверности сообщаемой информации, степени субъективности при отборе и описании наблюдаемой действительности со стороны путешественника, о факторах, влияющих на восприятие культурных реалий. Примечательно, что субъективность в отражении окружающей действительности свойственна как путешественнику-дилетанту, так и профессиональному исследователю, разница между которыми заключается только в том, что именно служит искажающим фактором: рамки научной школы или обыденные представления.

Список литературы

1. Головнёв, А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

К.Я. Коткин
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

**ПАМЯТЬ В ДОРОГУ: ОПИСАНИЕ ОДНОЙ КОММЕМОРАЦИИ
(ШЕСТВИЕ В ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И
КУЛЬТУРЫ 24 МАЯ 2016 Г. В МУРМАНСКЕ)**

Аннотация. В статье исследуется шествие в День славянской письменности и культуры 24 мая 2016 г. как коммеморативная практика. Описываются история праздника, акторы, внешнее оформление (костюмы, лозунги, исторические образы) и ритуалы.

Ключевые слова. Коммеморация, праздник, шествие, социальная практика.

К.У. Kotkin
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

**MEMORY IN THE ROAD: DESCRIPTION
OF ONE COMMEMORATION (THE PROCESSION IN THE DAY
OF SLAVIC LITERACY AND CULTURE
ON 24th MAY 2016 IN MURMANSK)**

Abstract. This paper examines a procession in the Day of Slavic literacy and culture on 24th May 2016 in Murmansk as a commemorative practice. History of the holyday, actors, external design (costume, slogans, historical images) and rituals of the holiday procession are described.

Key words. Commemoration, holyday, procession, social practice.

Любой праздник имеет свою специфику, организуется в некоторых своих составляющих особым образом. Праздничное шествие является значимой частью многих государственных праздников. Первое, что приходит на ум, когда говоришь о шествии в торжественные дни – это масштабные Первомайские демонстрации и парады на День Победы. Региональные празднования показывают свои отличительные черты через сочетание исторических корней и локальных кейсов, наложение сложившихся по традиции и относительно новых способов подготовки и проведения праздничных мероприятий. Шествие на День славянской письменности и культуры 24 мая 2016 в Мурманске довольно показательно в данном случае.

Коммеморация: микс «история-воспоминание-ритуал-власть»

Так непривычно звучащее для уха российского человека слово «коммеморация» вошло в язык современных как отечественных, так и зарубежных исследований, изучающих мемориальную культуру. Что же такое коммеморация? Ее предварительно можно определить как социальные практики, чаще всего поддержанные на официальном уровне, связанные с данью памяти и уважения значимым для определенной социальной группы историческим явлениям, событиям, личностями. В данном случае масштаб вспоминаемого и статус вспоминающих могут сильно варьироваться, объединяя только узкие группы, а властью и значительной частью общества оцениваться как маргинальные (стихийный мемориал на месте убийства политика Б. Немцова), или, напротив, разделяться большинством (День Победы).

Как отмечает А. Ассман, коммеморация является периодическим воспоминанием, которое стабилизируется посредством годовщин; этим оно переносится на неограниченное количество носителей и на любую протяженность во времени. Спонтанность и ненадежность воспоминания приобретают в коммеморации внешние опоры в виде ритуалов и символов¹. А. Меггил подчеркивает отличие памяти от коммеморации. Если память – это «побочный продукт прошлого опыта», то коммеморация «возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий»².

С. Московичи обращает внимание, что празднования великих событий (рождение Христа, революция, победа над врагами) и годовщин самой группы создают иллюзию длительности и объединяющей связи³. В современных коммеморациях остаются значимыми элементы, связанные с истоками праздничной культуры, – сакральность, ритуализация и эмоциональность, – которые не требуют рефлексии и доказательств, а лишь постулируются. Ритуалы по выражению С. Московичи «будоражат мозг и сердце...», «становятся, можно сказать, иннервированными»⁴, стимулируя объединение группы.

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М., 2014. С. 252

² Меггилл А. Историческая эпистемология: Научная монографий. М., 2007. С. 116.

³ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. / Пер. с фр. Т. П. Емельяновой. М., 1996. С. 357

⁴ Московичи С. Машина, творящая богов. / Пер. с фр. Т. П. Емельяновой, Г. Г. Дилигенского М., 1998. С. 85, 95.

Шествие одно из напрашивающихся для анализа выражений коммеморации. Аналогии между коммеморацией и дорогой прямые: от многочисленных форм демонстраций и шествий с соответствующей атрибутикой и ритуалами до исторического пути праздника с изменением его содержания, участников, отношения власти к нему в определенные исторические периоды и юбилейные даты.

Дорога: человек между свободой и авторитетом

Алексей Юрчак в книге «Это было навсегда, пока не кончилось» приводит воспоминание участника археологического кружка Дворца пионеров в Ленинграде: «В этих экспедициях было особенно важно... Чтобы каждый двигался в своем собственном направлении и никто не стоял у него на пути и не мешал ему думать и ощущать по-своему. Это было крайне важно. ...Это было как медитация»¹. Приведенные строки описывают одно очень важное измерение многогранного феномена «путь». Путь, дорога в сознании человека имеют тесную связь с освобождением. От ежедневной суеты, обязанностей, планов... Многие представители советской молодежи 1960-х оценивали полевую действительность (турпоход с рюкзаком, геологическая экспедиция или, как в представленном выше примере, археологический кружок с практикой летом) как возможность уйти от контроля различных институций, функционирующих в советском государстве.

Однако дорога заставляет определяться человека: выбирать свой путь или идти вслед за кем-то. В дороге человек преодолевает себя, а значит производит волевой акт или сталкивается с авторитетом другого и подчиняется ему. Свобода и открытие нового сталкивается в движении по пути с подчинением и стремящимся обезопасить ограничением. Человек, включенный в коммеморацию, связанную с демонстрацией, парадом, шествием, объединяется со многими идущими. Он солидаризируется с некоторым общим (памятным событием, группой, которая его празднует, поддерживающая коммеморацию власть), которому подчиняется или демонстрирует свою лояльность.

Демонстрация vs шествие или от авторитарности к авторитету

Большинство так называемых общественных праздников подразумевают шествие – более-менее многочисленный, официально организованный выход людей на улицу и движение по улицам. Праздничное шествие – «дорожный» феномен, который связывает во едино путь, праздник-воспоминание и властные отношения.

¹ Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 53-54.

Массовые выходы с лозунгами и транспарантами в советское время, как известно, именовались демонстрациями. Вспоминая латинское значение этого слова, в котором оно и употребляется сейчас довольно часто – «указывание», «показывание», – следует сказать об открывающемся при непосредственном наблюдении. Показательно уже изменение наименования «демонстрация» на «шествие». Характеризуя советские массовые праздники 1920-30-х гг. М. Рольф отмечает, что «Праздник был политической, а советское праздничное действо – выражением специфической формы господства. ... праздничные демонстрации и торжественные уличные шествия служат выражению авторитета»¹. Закрепление наименования «шествие» указывает на попытку адаптации власти к сложившемуся в начале 1990-х годов отрицанию в российском обществе советского наследия в проведении культурно-массовых мероприятий. Но современное праздничное шествие, изменяя наименование, во многих своих внешних проявлениях и практиках сохранило черты советского периода. Эти черты находятся в преемственности с формами реализации авторитетного дискурса (А. Юрчак) советского времени, для которого характерны организация вокруг определенной догмы. В современной российской действительности не продуцируется догматика, аналогичная советской, тем не менее, сохраняется преемственность в практиках авторитетного дискурса (нормализация, застывание, отстраненность, венаходимость)².

Исторический путь праздника³

Официальное современное название праздника, отмечающегося 24 мая, – «День славянской письменности и культуры»⁴. Он приурочен к отмечаемой к православной церковью памяти святых Кирилла и Мефодия – создателей славянского алфавита и письменности. Традиция майского почитания православной церковью устанавливается под восточнославянским влиянием не позднее XII-XIII в.⁵. Окончательно дату 11 мая закрепил Синод в 1863 г. к девятисотлетнему юбилею составления азбуки. Ежегодное празднование на государственном уровне не прерывалось вплоть до советского времени, когда наряду с церковью память о просветителях славян сохраняли лишь исследователи, занимавшиеся изучением их книжного на-

¹ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 63.

² Юрчак А. Указ соч.

³ Информация по истории праздника, если не указано иного, дана по: Кирилл // Православная энциклопедия: Т. 34 Кипрская православная церковь – Кирион, Вассиан, Агафон, Моисей. М., 2014. С. 195-204.

⁴ О праздновании Дня славянской письменности и культуры: указ Президента Российской Федерации от 16.03.2010 № 323.

⁵ Турилов А.А. Гипотеза о происхождении майской и августовской памяти Кирилла и Мефодия. // Славяноведение. 2000. №2. С. 18-28.

следия братьев. В частности, в Москве в 1963 г. прошла конференция в честь тысячелетия создания славянской письменности.

К формированию современной традиции празднования тоже подтолкнул юбилей: 1985 г. проходили обширные европейские торжества в память тысячелетия преставления Мефодия. В следующем году 24 мая как День славянской письменности и культуры праздник был впервые отмечен в Мурманске по инициативе местной писательской организации (в частности, В. С. Маслова, В. Л. Тимофеева). В 1990 г. в Мурманске был установлен памятник Кириллу и Мефодию, подаренный Болгарией в благодарность и в поддержку восстановленной традиции всенародного празднования дня памяти первоучителей славян¹. В 1991 г. был принят указ Президиума Верховного Совета РСФСР о ежегодном проведении Дней славянской письменности и культуры² – праздник стал признанным на официальном уровне. В Мурманской области в 1990-е, а потом и в 2000-е гг. праздник стал сочетать в себе различные форматы, объединяя писателей, школьников, библиотекарей, журналистов, педагогов на многочисленных мероприятиях от выставок и уроков до конкурсов и конференций. К проведению праздника присоединились города области – Мончегорск, Снежногорск, Кандалакша и другие³.

Праздник в прямом смысле стал путешествовать: с 1986 по 1990 гг. местами празднования были Вологда, Великий Новгород, Киев, Минск. В современной России с 1991 по 2009 гг. региональными центрами проведения праздника стали 19 городов. Последним в списке праздничных столиц остался Саратов, а с 2010 г. основные торжества были перенесены в Москву⁴. Проведение торжеств в регионах находится под контролем организационного комитета по подготовке и проведению празднования Дня славянской письменности и культуры. Комитет организован был «во исполнение» указа президента о праздновании этого события⁵. Праздничные мероприятия разделяются на осуществленные при поддержке Министерства культуры России и проводимые в отдельных регионах. В 2016 г. список

¹ Об этом, например: День славянской письменности и культуры. URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/ДЕНЬ_СЛАВЯНСКОЙ_ПИСЬМЕННОСТИ_И_КУЛЬТУРЫ.

² О Дне славянской письменности и культуры: постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 30.01.1991 N 568-1.

³ Маслов В.С. О Дне славянской письменности и культуры: Исследования и комментарии. // Собрание сочинений в 4 т. Мурманск: ИД «Дроздов-на-Мурмане», 1997. Т.4. С. 284-299.

⁴ Дни славянской письменности обоснуются в Москве. URL: <https://lenta.ru/news/2009/03/12/days/>.

⁵ О праздновании Дня славянской письменности и культуры.

насчитывал 375 мероприятий¹. Проведение праздника в регионах курируется исполнительными органами государственной власти, в ведении которых находятся вопросы культуры, а непосредственными организаторами и участниками являются учреждения культуры и образования.

В наименованиях праздничных мероприятий в 2016 г. подчеркивается их просветительская направленность, связь с российской историей и культурой, выделяется как одна из главных идея «славянского единства», что, однако, диссонирует с региональной историей Республик и областей, которая в подавляющем большинстве случаев имеет полиэтнический характер. На первый план выходит число задействованных регионов, количество мероприятий, локальные акценты отходят на второй план. Дата тридцатилетнего юбилея со дня начала современного празднования не фигурирует в наименованиях мероприятий. Так любимый средствами массовой информации акцент на юбилейной теме не был сделан большинством центральных информационных компаний, более того, 1985 указывался годом, когда день 24 мая был объявлен праздником². В то же время региональные средства массовой информации, в частности, сайты органов власти, особенно в Мурманской области, старались обратить внимание аудитории на праздник в 2016 г. через юбилейную дату³. Это свидетельствует о разных акцентах в коммеморативных практиках в центре и регионах.

Праздник, зародившийся как общественная инициатива, ставший объединяющим событием для целого ряда регионов, сейчас отмечается централизованно, что свидетельствует о смене горизонтали путешествия праздника по городам страны на вертикаль столичного организационного комитета, координирующего из центра местные инициативы.

Шествие 24 мая 2016 г.: нарратив

В Мурманске в список ключевых мероприятий приуроченных к празднованию 24 мая в 2016 г. входили следующие: 1. Возжигание свечи у памятника Кириллу и Мефодию. 2. Торжественный молебен у памятника Кириллу и Мефодию. 3. Организация книжной торговли. 4. Праздничное шествие школьников и интеллигенции к памятнику Кириллу и Мефодию. 5. Праздник «Слово» с участием историков, литераторов, учителей, победителей конкурсов, школьников, молодежи, коллективов художественной

¹ План ключевых мероприятий в регионах Российской Федерации, приуроченных к празднованию в 2016 году Дня славянской письменности и культуры, Дня России, Дня народного единства URL: mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/День%20славянской%20письменности.docx.

² Например: День славянской письменности и культуры. Прямая трансляция с Красной площади. URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/152011/

³ В частности: 30-летие празднования Дня славянской письменности и культуры. URL: <http://nationalkom.karelia.ru/press-centr/novosti/30-letie-prazdnovanija-dnja-slavjanskoj-pismennosti-i-kul-tury/>; 24 мая – День славянской письменности и культуры. URL: <https://www.gov-murman.ru/info/speech/171614/>

самодеятельности. 6. Праздничный хоровой концерт, посвященный Дню славянской письменности и культуры. 7. Литературно-музыкальный вечер, посвященный Дню славянской письменности и культуры¹.

Представленная программа включала большее число мероприятий и участников, чем в большинстве других регионов. Тем самым демонстрируется определенная важность праздника для различных групп, общественных организаций, органов и учреждений области.

Специфичным является одно из ключевых мероприятий – Праздничное шествие школьников и интеллигенции к памятнику Кириллу и Мефодию. В ряде информационных сообщений оно оценивалось как основное событие из всех праздничных мероприятий². Причины такой оценки связаны с количеством и статусом участников, а также вниманием к воспитанию молодого поколения, представители которого были основными участниками шествия.

Обратимся к его более подробному описанию³. Место проведения праздничного шествия – исторический центр города, где расположены объекты культуры (Художественный музей, Дворец культуры им. С.М. Кирова, Областная научная библиотека), памятники (в частности, жертвам интервенции, Анатолию Бредову, Кириллу и Мефодию) и скверы около них. Маршрут шествия пролегал по ул. Ленинградская, где происходило построение и началось движение, затем колонна прошла по ул. Профсоюзов (пересекающей проспект центральный городской Ленина и улицу Софьи Перовской) и заканчивался построением на площади Первоучителей около памятника Кириллу и Мефодию. Шествие сопровождал оркестр, игравший «Прощание славянки» и «День победы».

Основное число участников – школьники учебных заведений города, одетые в костюмы (рис. 1,2). Костюм как важный элемент шествия на празднике является зримым воплощением, тех смыслов, которые вкладываются в него участниками мероприятия. Некоторые из них были стилизованы под произведения русской классической литературы, содержали этнические элементы (орнаменты на одежде, головные уборы). Другие включали элементы вооружения и одежды древнерусских воинов (шлем с бармицей и длинный плащ), военной формы времен гражданской и Великой Отечественной войн (суконные шлема – «буденовки», красные косынки, гимнастерки, тельняшки). Часть костюмов – академические мантии и квадратные шапочки – призывали напомнить о связи письменности и культуры с просвещением и наукой.

¹ План ключевых мероприятий в регионах Российской Федерации.

² В Мурманске отмечают юбилейный День славянской письменности и культуры. URL: <http://murman.tv/news/2016/05/24/29068-v-murmanske-otmechayut-yubileynyy-den-slavyanskoy-pismennosti-i-kultury.html>

³ Данное описание является результатом включенного наблюдения в ходе описываемого шествия с фиксацией данных на фотокамеру.

Важной составляющей праздничного оформления были плакаты и транспаранты. На них помещались фотографии русских поэтов писателей (И. Бродский, А. Грибоедов, М. Зощенко, А. Островский, Б. Пастернак, А. Пушкин). Часть транспарантов фиксировала пословицы и афоризмы писателей, отражающие, по мнению участников, содержание праздника: «Учится дитя у мудрого отца!», «Дерзайте отчизну мужеством прославить», «Слово – дело великое», «Ты вся моя и вся родная / Большая Родина моя». На некоторых транспарантах были изображены церкви и копии икон с изображениями Кирилла и Мефодия.

После того, как колонны выстроились полукругом на площади около памятника Кириллу и Мефодию, началась торжественная часть. От имени губернатора Мурманской области Марины Ковтун северян с Днем славянской письменности и культуры поздравил заместитель губернатора Игорь Бабенко. Он же наградил школьные и студенческие коллективы за лучшее оформление колонн¹. Прозвучали выступления представителей писательской организации г. Мурманска (М.Г. Орешета) и священнослужителей (отец Сергей Поливцев). Окончилось мероприятие у памятника возложением цветов и исполнением русских народных песен женским хором.

Шествие 24 мая 2016 г.: практики и смыслы

Представив внешнюю событийно-процессуальную канву праздника, обратимся к выявлению тех смыслов, которые подчас незаметно для участников присутствуют в празднике и определяют его.

Улицы, по которым двигалось шествие, и объекты на них являются, если воспользоваться стандартным штампом, «местом памяти» (П. Нора), однако довольно специфическим. Они связаны с советской историей, причем сочетая общегосударственный и региональный уровни истории (улицы Профсоюзов и Софьи Перовской, памятники жертвам интервенции и А.Ф. Бредову). В контексте анализа коммеморации 24 мая ключевым является сравнение данной группы «мест памяти» с памятником Кириллу и Мефодию, появившемся на излете советского строя. Памятник и праздник олицетворяют инициативу общественности, культурное сотрудничество зарубежными странами, интерес к тематике культуры и просвещения, а не политических и конфликтных событий. Маршрут – от первого памятника советской эпохи к последнему – является зримым символом перехода от советского к постсоветскому отчасти с сохранением ряда ставших традиционными практик, отчасти с их заменой новыми. Последнее проявилось в оформлении и атрибутике шествия.

Масштаб шествия 24 мая не столь не столь крупный, если сравнивать с Первым мая и Днем Победы. Это демонстрирует в целом сниженный статус для общества региональных событий по отношению к общероссий-

¹ В Мурманске отмечают юбилейный День славянской письменности и культуры

ским. Специфика статуса свою очередь реализуется в практиках подготовки и проведения. Группы, задействованные в празднике, это работники учреждений культуры и образования. Праздник не охватывает все население в виду своего статуса (тематика, рабочий день).

Маршрут шествия затрагивает несколько улиц, а не весь городской центр (как на первомайской демонстрации) или фактически два района города (парад на День Победы). В то же время сама подготовка и проведение праздника (перекрытые улицы, организация шествия, участие представителей органов власти, общественных организаций, церкви) демонстрируют конструктивное взаимодействие нескольких институций, их взаимовыгодное сотрудничество. Это позволяет утверждать о вовлечении участников (пусть формально и с акцентом только на часть населения) в празднование, важное для власти и культурной общественности города.

Шествие является лакмусовой бумажкой, выявляющей состояние современного российского общества. Это состояние можно выразить следующими характеристиками: с одной стороны высокая степень конфликтности, с другой – поиски узлов консолидации, которые осуществляются через коммеморации. Авторитетность и свобода как универсальные характеристики любого пути в случае шествия 24 мая проявляются в целом ряде примеров. Оркестр, возглавляющий и ведущий колонну, символика военных подвигов, акцент на «больших» именах в культуре без упоминания местных авторов – примеры первой характеристики. Ко второй можно отнести отсутствие жесткой установки на участие в шествии в некоторых учреждениях, совместное участие представителей политической элиты и культурной общественности в шествии и торжественных мероприятиях (награждение, возложение цветов).

Рис. 1. Шествие к памятнику Кириллу и Мефодию

Рис. 2. Участники шествия на площади
около памятника Кириллу и Мефодию

Список литературы

1. 24 мая – День славянской письменности и культуры. URL: <https://www.gov-murman.ru/info/speech/171614/> (дата обращения 20.11.2016).
2. 30-летие празднования Дня славянской письменности и культуры. URL: <http://nationalkom.karelia.ru/press-centr/novosti/30-letie-prazdnovanija-dnja-slavjanskoj-pis-mennosti-i-kul-tury/> (дата обращения 20.11.2016).
3. В Мурманске отмечают юбилейный День славянской письменности и культуры. URL: <http://murman.tv/news/2016/05/24/29068-v-murmanske-otmechayut-yubileynu-den-slavyanskoj-pismennosti-i-kultury.html> (дата обращения 20.11.2016).
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. День славянской письменности и культуры. URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/ДЕНЬ_СЛАВЯНСКОЙ_ПИСЬМЕННОСТИ_И_КУЛЬТУРЫ (дата обращения 20.11.2016).
6. День славянской письменности и культуры. Прямая трансляция с Красной площади URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/152011/ (дата обращения 20.11.2016).
7. Дни славянской письменности обоснуются в Москве. URL: <https://lenta.ru/news/2009/03/12/days/> (дата обращения 20.11.2016).

8. Кирилл // Православная энциклопедия: Т. 34: Кипрская православная церковь – Кирион, Вассиан, Агафон, Моисей / под. ред. Патриарха Кирилла. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2014. С. 195-204.
9. Маслов В.С. О Дне славянской письменности и культуры: Исследования и комментарии // Собрание сочинений в 4 т. Мурманск: ИД «Дроздов-на-Мурмане», 1997. Т.4. С. 284-299.
10. Мегилл А. Историческая эпистемология: Научная монография / пер. М.М. Кукарцевой В. Катаева, В. Тимонина. Науч. ред. Л.П. Репина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
11. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. Т.П. Емельяновой. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
12. Московичи С. Машина, творящая богов / пер. с фр. Т. П. Емельяновой, Г. Г. Дилигенского. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
13. О Дне славянской письменности и культуры: постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 30.01.1991 № 568-1. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssrf0467.htm> (дата обращения 20.11.2016).
14. О праздновании Дня славянской письменности и культуры: указ Президента Российской Федерации от 16.03.2010 № 323. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.11.2016).
15. План ключевых мероприятий в регионах Российской Федерации, приуроченных к празднованию в 2016 году Дня славянской письменности и культуры, Дня России, Дня народного. URL: mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/День%20славянской%20письменности.docx (дата обращения 20.11.2016).
16. Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В.Т. Алтухова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 439 с.
17. Турилов А.А. Гипотеза о происхождении майской и августовской памяти Кирилла и Мефодия // Славяноведение. 2000. №2. С. 18-28.
18. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

УДК 645(=511.12)(470.21)
ББК 63.5 (2)

О.А. Сулейманова
ФГБУН «Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН»
г. Апатиты, Россия

«ПУТЬ В ЦИВИЛИЗОВАННУЮ ЖИЗНЬ»: К ПРОБЛЕМЕ АДАПТАЦИИ КОЛЬСКИХ СААМОВ К ГОРОДСКОМУ БЫТУ

Аннотация. В статье анализируются пути адаптации кольских саамов к жизни в городах через повседневные практики.

Ключевые слова. Адаптация, идентификация, кольские саамы, город, деревня, вещь, ремесло.

O.A. Suleymanova
Barents centre of humanities
of the Kola Science Centre RAS, Apatity, Russia

“THE WAY TO CIVILIZED LIFE”: TO THE PROBLEM OF THE ADAPTATION OF THE KOLA SAMI TO THE URBAN HOUSEHOLD

Abstract. Article analyses ways of the adaptation of the Kola Sami to the urban life through the everyday practices.

Key words. Adaptation, identification, Kola Sami, city, village, thing, handicraft.

Метафора пути является универсальной для любых жизнеописаний, будь то индивидуальная биография или жизненная траектория какой-либо общности. В статье речь пойдет о той части аборигенного населения Кольского полуострова, которое прошло вполне типичный для эпохи индустриальных преобразований «путь в новую жизнь» в виде перехода к городскому образу жизни. Статья основывается на материалах эмпирического исследования – текстах интервью, которые были собраны у представителей саами. Они содержат сведения об их жизни в советский и постсоветский периоды: проблемах адаптации к новым условиям жизни в связи с коллективизацией, переезде в город, адаптации к городскому образу жизни и т.п.

Большинство представителей автохтонного населения Кольского Севера до настоящего времени проживает в сельской местности – селах Каневка, Краснощелье, Ловозеро и др. В советский период, в связи с коллективизацией, некоторые предпочли переехать в города Мурманской области. До настоящего времени исследователи описывали традиционную культуру саамов, в том числе материально-бытовую, не касаясь вопроса, связанного с изменениями, произошедшими в их быту в советский период в

связи с переходом к урбанизированному быту. Исключение составляют труды, содержащие разрозненные сведения о переселенных группах саамов¹, но и здесь отсутствует тема переселения в города. В советский период, прежде всего, в известной книге А.А. и Т.А. Киселевых о «советских саамах»², речь шла о «преображенной тундре», то есть фактически о процессе с обратным вектором: о «пришествии цивилизации» к аборигенам.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года в России саамов насчитывается 1771 человек (787 – городское население, 984 – сельское). Из них на территории Мурманской области проживает 1599 человек, городское население составляет более 40%³. Можно предположить, что степень урбанизации кольских саамов будет только увеличиваться. Социально-экономические исследования показали, что уровень адаптации коренного саамского населения к современным условиям диагностируется как низкий, а социально-экономическое положение как маргинальное.

В городском быту труднее сохранять национальные особенности. Представители городских саамов проживают в обычных многоэтажках, их квартиры оборудованы в современном стиле, ничем не отличаясь от квартир «среднестатистического» горожанина. В тоже время сегодня наблюдается волна интереса к саамской национальной культуре. Проводятся различные мероприятия – выставки, саамские праздники и т.п. На подобные мероприятия саамы приходят в национальной одежде. Возрождаются различные саамские ремесла, практикуется реконструкция традиционных национальных вещей. Материально-бытовая культура является одним из маркеров этнической, территориальной, религиозной и т.п. идентичностей. Изучение данного аспекта позволяет прояснить механизмы формирования этнического самосознания саамов на современном этапе. Последствия глобализации и урбанизации имеют противоречивый характер. С одной стороны, наблюдается унификация и стандартизация культуры и быта, что в свою очередь приводит к трансформации традиционной материально-хозяйственной жизни отдельных этнических групп. С другой стороны, актуализируются различные формы групповой идентичности (семейной, локальной, этнической и т.п.). Представители малочисленных народов стремятся сохранять элементы бытовой культуры, несмотря на происходящие глобальные ассимиляционные процессы. Траектория село – город для ко-

¹ Гуцол Н.Н., Виноградова С.Н., Саморукова А.Г. Переселенные группы Кольских саамов. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. 86 с.; Allemann L. The Sami of the Kola Peninsula. About the life of an ethnic minority in the Soviet Union. Tromsø: Centre for Sami Studies, 2013.

² Киселев А.А., Киселева Т.А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Книжное издательство, 1987. 206 с.

³ Результаты Всероссийской Переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

ренного населения имеет и пространственное, и культурное измерения. «Путь в цивилизацию» одновременно означает и «уход» от этнической самобытности. Можно сказать, что национальные вещи препятствуют «дезориентации» на этом пути. Они поддерживают линию связи с «малой родиной», или «родиной предков», и позволяют воспроизводить этническую идентичность, но уже в новых формах и с иной прагматикой.

Список литературы

1. Гуцол Н.Н., Виноградова С.Н., Саморукова А.Г. Переселенные группы Кольских саамов. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. 86 с.
2. Киселев А.А., Киселева Т.А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Книжное издательство, 1987. 206 с.
3. Результаты Всероссийской Переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
4. Allemann, L. The Sami of the Kola Peninsula. About the life of an ethnic minority in the Soviet Union Tromsø: Centre for Sami Studies, 2013. URL: <https://uit.no/Content/501066/Nr-19-2013-The-Sami-of-the-Kola-Peninsula.pdf>.

В.В. Рябев
ГОАУК «Мурманский областной
краеведческий музей»
г. Мурманск, Россия

СИМВОЛЫ ПУТИ И ОРИЕНТИРОВ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация. Культурное наследие российско-норвежского Пограничья отражает сложную мультикультурную и кроссграничную специфику истории региона. Здесь на точке стыка двух цивилизаций, своеобразном фронтире колонизации находятся уникальные по своему символизму памятники истории и культуры, непосредственно связанные с ориентирами, границами, путями и путешествиями.

Ключевые слова. Историко-культурное наследие, российско-норвежская граница, Аникеева плита, Екатерининский копец.

V. V. Ryabev
Murmansk Museum of Regional Studies
Murmansk, Russia

SYMBOLS WAY AND LANDMARKS IN THE CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN-NORWEGIAN BORDER

Abstract. The cultural heritage of the Russian-Norwegian Borderland reflects complicated and multicultural crossgrading features of the history of the region. Here at the point of junction of two civilizations, on the kind of frontier colonization are located unique in its symbolism monuments of history and culture, directly associated with landmarks, borders, paths and travelling.

Key words. Historical and cultural heritage, the Russian-Norwegian border, Anikeeva plita, Catherine's kopiec.

Экономические, географические, этнические особенности российско-норвежского Пограничья создали уникальный культурный ландшафт, пронизанный символами рубежности, пограничности, сопряжения культур, религий, государственных интересов.

Примерно до середины XIX века, приграничные районы были крайне малонаселенными, основным населением были кочующие саамы, которые до 1826 г. с легкостью пересекали полуформальные государственные границы. Русское население занималось здесь промыслом и трансграничной торговлей, что делает символику ориентира и пути особенно актуальной. В своем сообщении, я бы хотел привлечь внимание к тем особо ценным памятникам Пограничья, которые символизируют указанные явления.

Наиболее ярким, известным и ценным подобным памятником является «Аникиева плита» или «Аникиев камень», расположенный на о. Большой Аникиев.

«Аникиева плита» – сланцевая плита трапециевидной формы, на данной плите выбиты 162 надписи мореходов различных стран, сделанных в период с 1510 г. по середину XX в. Данные надписи сделаны моряками, огибавшими полуостров Рыбачий и останавливающимися на острове для отдыха или пережидания шторма. Надписи, как правило, представляли собой краткое сообщение с именем мореплавателя, портом из которого он вышел и годом записи. В общем то, эти средневековые путевые граффити по своему текстовому содержанию мало отличались от современных. География данных надписей включает Голландию, Германию, Скандинавские страны, прежде всего, Данию и Норвегию, а также Русское Поморье – Онегу, Кемь, Архангельск.

Среди ученых идет дискуссия о том, к какому времени относится первый русский автограф на плите. И сейчас можно встретить в научной литературе утверждение, что наиболее древней русской надписью является граффити Гришки Дудина 1650 г. Однако уже в 90-е годы XX в. удалось найти автограф шуеречанина Василия Малашова 1630 г., кроме того есть и неподтвержденное авторство одного автографа 1608 г.¹ Так или иначе, «Аникиева плита» является несомненным источником по истории русского мореплавания и освоения Арктических пространств, что имеет не только историческую, но и геополитическую важность в контексте сложной внешнеполитической ситуации и роста международной напряженности в отношении Арктических регионов.

Почему именно на о. Большой Аникиев возник такой удивительный памятник? Особенно интересен этот вопрос в контексте того, что несмотря на свое название протяженность острова составляет не более нескольких сотен метров, на нем нет источников пресной воды. Судя по всему, остров был удобен для пережидания штормов, так как образовывал естественную преграду между открытым морем и побережьем п-ова Рыбачьего. Интересно и то, почему европейские надписи появились раньше русских. Этот факт даже дает основание некоторым иностранным ученым утверждать, что русские поморы не достигали этих берегов ранее XVII века, что, конечно же, не соответствует действительности. Некоторые исследователи предполагают, что поморы на Аникиеве не оставляли записей, так как их маршруты лежали значительно дальше – к берегам Скандинавии, Груманту, а вот для иностранцев, Аникиев напротив был практически крайней точкой их плавания, что они и отмечали автографом. Также, можно связать начало традиции поморских граффити с установлением русской таможни в XVII веке, либо с обычным культурным трансфером.

¹ Орешета М.Г. Рыбачий. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 33.

Известный исследователь поморской культуры Н.М. Теребихин,¹ вслед за одним из выдающихся исследователей Аникеевой плиты Б.И. Кошечкиным связывает возникновение русских автографов с рубежными свойствами острова, который воспринимался поморами как границу между чуждым европейским миром и родной Русью.

С этой точкой зрения сложно согласиться, ведь, во-первых, традиция оставления автографов принадлежит именно европейцам и первые русские автографы появились не раньше начала XVII века, во-вторых, почему не возникло аналогичной традиции направления плавания поморов, ведь не все их маршруты шли через Цып-Наволоок.

Единственную сходную надпись мы обнаруживаем неподалеку от Аникеевой плиты, на мысе Сергеев, п-ов Рыбачий. В этой надписи идет речь о пароходе «Волга», шкипером которого в те годы был помор Тюлев (имя которого также высечено на «Аникеевой плите»)², а судовладельцем был известнейший на Русском Севере Федор Кондратьевич Савин (успешный купец и предприниматель, получивший образование в Англии, был также широко известен как меценат и общественный деятель. Однако, это единственная подобная надпись, и очевидно оставлена она была ситуативно.

Другой интересный, с точки зрения символики ориентира, рубежа, уникальный памятник – это Екатерининский копец. Копец – это старинное русское слово, обозначающее межу, гурий – сложенный из камней путевой или граничный знак. Интересно, что гурии являются традиционной формой погребально-поминальных, памятных, путеводных и «оборонительных» знаков, причем поморы наделяли их определенным магизмом.³

Именно такой знак и появился в 1826 г. в устье реки Ворьемы, он был установлен знаменитым топографом В. Галяминым в рамках проведения первой демаркации российско-норвежской границы, установленной Петербургской конвенцией того же года.

«Екатерининский копец» – сложенная из природного камня, скрепленная строительной смесью пограничная межа (столб) высотой около 3 м, на вершине которого установлена плита с выгравированной шведской короной и вензелем короля Карла Юхана XIV, а также годом постановки знака – 1826 г. На обратной стороне плиты выбита надпись Suomi – предположительно появившаяся после передачи области Петсамо Финляндии в 1920 г. По аналогичной схеме были уничтожены российские гербы на других копцах, например, в Голдаярви. Копец находится на самой северной

¹ Теребихин Н.М. Метафизика Севера: Монография. Архангельск: Поморский университет, 2004. С. 23.

² Б.Н. Кошечкин На скалистом сем острову... // Вокруг света. 1980. №5. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1625/> (дата обращения: 26.07.2016).

³ Теребихин Н. М. Лукоморье: Очерки религиозной геософии и маринистики Северной России. Архангельск: Поморский университет, 1999. С. 160–161.

сухопутной точке российско-норвежской границы, в устье реки Ворьемы, на берегу Баренцева моря. Занимая господствующее на местности положение, он хорошо виден как с моря, так и с суши, в том числе из приграничного норвежского поселка Гренсе-Якобсельв. Очевидно, что место строительства погранзнака и его формат были связаны с путевой составляющей, точно также, как и высокий шпиль часовни Оскара II в соседнем норвежском поселке Гренсе-Якобсельве служил маяком для проходящих рядом кораблей.

Помимо Екатерининского копча сохранились и другие межевые столбы, установленные пограничной комиссией 1826 г., а также последующими двухсторонними комиссиями, однако они не представляют такого историко-культурного интереса, так как не имеют информационных плит, находятся в крайне труднодоступной местности.

Сохранились в российско-норвежском Пограничье и другие памятники, атрибутируемые с путем и ориентиром: маяки, путевые кресты. Большой интерес представляют заброшенные дороги, которые могут и, надеемся, станут в дальнейшем, темой отдельного крупного изыскания.

Таким образом, в культурном ландшафте Пограничья отразилась сложная приграничная история, наследие мультикультурного общества, связавшего русский, саамский, финский и норвежский народы. Символика пути, ориентиров, рубежа и границ пронизывают культурный и природный ландшафт, сохраняя удивительную историю освоения арктических пространств.

Список литературы

1. Кошечкин Б.И. На скалистом сем острове... // Вокруг света. 1980. № 5. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1625/> (дата обращения: 26.07.2016).
2. Орешета М.Г. Рыбачий. СПб.: Нестор-История, 2014. 134 с.
3. Терехин Н. М. Лукоморье: Очерки религиозной географии и маринистики Северной России. Архангельск: Поморский университет, 1999. 204 с.
4. Терехин Н.М. Метафизика Севера: Монография. Архангельск: Поморский университет, 2004. 272 с.

УДК 338.486
ББК 75.81

А.И. Чунин
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

ЧТО ПОБУЖДАЕТ ИДТИ? (ПРИРОДНАЯ ТРОПА КАК АНАЛОГ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме мотивов путешествия и типов поведения туристов.

Ключевые слова. Турист, мотивы путешествия, поведение туристов.

A.I. Chunin
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia

WHAT MOTIVATES TO GO? (TRAIL AS AN ANALOGUE OF THE WAY OF THE LIFE)

Abstract. The article refers to the problem travel motivations and types of tourists behavior.

Key words. Tourist, travel motivation, tourists behavior.

Что заставляет нас делать первый шаг за порог и что нас останавливает сделать этот шаг? Какие страхи мы испытываем, открывая дверь? Как путь меняет человека? Есть ли «путь» – символ жизни? Ответы на эти и многие другие вопросы волнуют человечество с того самого момента, как он сделал первый шаг уходя с обжитого места.

Многое в мире изменилось с тех пор, многое стало иным. Но и сейчас есть «чудаки», готовые в любой момент сорваться и уйти из «зоны комфорта» в «зеленое море тайги». Интерес к туризму играет далеко не одинаковую роль в жизни тех, кто им занимается. Соотношение между интересом к путешествиям и другими интересами человека подвержено весьма существенным колебаниям как у разных людей, так и у одного и того же человека в разные периоды жизни. Диапазон таких колебаний ограничен двумя полюсами: отношение к туризму как к возможному варианту отдыха с одной стороны и фанатичное отношение, которое поглощает все прочие интересы и становится главным смыслом жизни – с другой. Интерес этот неоднороден. Но вот вопрос: что притягивает людей к тому, чтобы встать на «путь тропы»?

Э. Линчевский предложил в качестве основных мотивов рассматривать следующие.

Спортивный мотив предполагает поиск борьбы, победы, стремление к преодолению природных трудностей, преодоление себя или соперников. Мотивы такого преодоления, однако, тоже весьма отличны.

Развлекательный мотив рассматривает путешествие как средство отдыха и отвечает на очень широкий круг запросов. Это и поиск эстетического наслаждения от общения с природной средой, стремление познать родину и «романтика» посиделок у костра под звездным небом, и поиск новых знакомств и расширение круга общения. Наконец – из любопытства или как дань моде.

Есть и третья группа «случайных» мотивов, которые не входят в выше обозначенные две. Сюда относятся путешествия изначально не планировавшиеся индивидом, но в силу объективных причин участвовать ему приходится. Например, человек выиграл бесплатную путевку в тур. Поведение личности в таких ситуациях трудно поддается прогнозированию¹.

Все эти ожидания каждого конкретного участника складываются из многих элементов и представляют собой некий пазл, который с годами может менять мотивационную картину индивида.

Проведя в МАГУ опрос среди студентов и профессорско-преподавательского состава мы получили весьма достопримечательную картину мотивации туризма.

Студенты	Профессорско-преподавательский состав
1. Приобретение профессионально значимых знаний, умений и навыков	1. Укрепление здоровья
2. Совершенствование физических способностей	2. Совершенствование личностных качеств
3. Совершенствование личностных качеств	3. Совершенствование физических способностей
4. Укрепление здоровья	4. Снятие усталости
5. Улучшение телосложения	5. Приобретение профессионально значимых знаний, умений и навыков
6. Приобретение новых знакомств	6. Приобретение новых знакомств
7. Снятие усталости	7. Улучшение телосложения
8. Активизация умственной деятельности	8. Активизация умственной деятельности
9. Повышение своего престижа	9. Повышение своего престижа

Все мотивы к туризму имеют место быть, но их значимость меняется в связи с ядерными личностными ценностями: у взрослых ценность здоро-

¹ Линчевский Э.Э., Федотов Ю.Н.. Типология и психология туризма: учебное пособие. М.: Советский спорт, 2008. С. 58-61; Байковский Ю.В. Психодинамика, как фактор выживаемости малой группы в экстремальных условиях горной среды. М.: ТВТ Дивизион, «Вертикаль», 2010.

вья выше, чем у студентов. Но есть и фундаментальные мотивы, не подверженные изменениям с возрастом – туризм как средство саморазвития ценится одинаково как молодыми людьми, так и людьми с большим жизненным опытом.

Ответив на один вопрос – что нас двигает в путь, встает другой – что нам мешает? И здесь также наблюдается разница в оценке.

Студенты	Профессорско-преподавательский состав
1. Отсутствие денежных средств	1. Отсутствие достаточного времени
2. Отсутствие подходящей компании	2. Отсутствие денежных средств
3. Отсутствие достаточного времени	3. Лень
4. Лень	4. Отсутствие информации
5. Отсутствие опыта	5. Отсутствие подходящей компании
6. Незаинтересованность	6. Незаинтересованность
7. Отсутствие информации	7. Отсутствие опыта

У студентов, в силу повышенного оптимизма, проявляется пренебрежение «информационным блоком» при подготовке к путешествию. У преподавателей же достаточно четко выражена меньшая требовательность к участникам путешествия, в силу накопленного жизненного опыта взаимодействия. Однако, в этих двух группах есть и схожие подходы к факторам, мешающим путешествовать: время и деньги. И здесь мы сталкиваемся с культивируемым средствами массовой информации феноменом туризма – «элитарность». Часто можно прочесть или услышать что тот или иной «великий путешественник» сделал то-то и готовился столько-то лет и затратил столько-то денег. Вся эта информация формирует в голове «среднестатистического» человека мысль о собственной несостоятельности и ограниченности сил, что приводит к выводу о неразумности «выхода за дверь». И здесь проявляется другая сторона личности: наши ожидания, а именно степень соответствия реалий деятельности тем образам, которые мы сами себе создали. Тот диссонанс, который нас пугает и вводит в «поведенческий» ступор, не позволяя нам идти по ступеням эволюции «туриста».

И отсюда порождается та масса ярлыков, которые навешивают на туриста, не понимая и не принимая тех трансформаций, которые с ним произошли за время «пути». А изменения эти весьма существенны и значимы как для самого «туриста», так и для его ближайшего окружения.

Есть несколько типов, в соответствии с которыми можно классифицировать поведение и состояние людей, которые путешествуют.

«Декатлон». Изначальная идея многих начинающих путешественников такова: я куплю много снаряжения, которое возьму с собой и, поэтому, в походе со мной ничего не случится. На следующих ступенях «походного» мастерства турист отходит от этой идеи, а уходит в сторону «некомфорта» – недостаток снаряжения не гарантия опасности.

«Флегматик». Турист при возвращении в круг «комфорта» первое время отличается медлительностью движений, «плавностью» мысли при достаточно высоком уровне работоспособности. Первое связано со своеобразным восприятием времени – она кажется более растянутым и городская жизнь рассматривается как суета. Второе связано с физиологическим сдвигом – в путешествии организм работает на более высоких оборотах обменных процессов.

«Человек-праздник». Путешественник во время путешествия и некоторый период времени после отличается повышенным положительным эмоциональным фоном, который воспринимается организмом как эустресс. Во многом это определяется качественно другой «воздушной» смесью, которой дышит путешественник в период странствий.

«Социопат». При регулярном совершении путешествий наблюдаются некоторые признаки отстраненности от общества, больших скоплений народа. Однако, при этом, турист представляет собой открытый канал общения, без лишней требовательности к другому человеку.

«Странник». Крайняя степень вовлеченности в туристскую деятельность. Этот феномен наглядно демонстрируют «романтики» дороги: гиды, проводники, автостоперы. Для такой категории путешественников смысл понятий «жизнь» и «дорога» слиты воедино.

Ответив на эти вопросы и можно говорить о том, что «путешествие» есть аналог жизненного пути, хотя любой «путь» таит в себе огромное поле вопросов, за поисками на которые человек и отправляется в дорогу.

Список литературы

1. Байковский Ю.В.. Психодинамика, как фактор выживаемости малой группы в экстремальных условиях горной среды: Монография. М.: ТВТ Дивизион, «Вертикаль», 2010. 264 с.
2. Линчевский Э.Э., Федотов Ю.Н. Типология и психология туризма: учебное пособие. М.: Советский спорт, 2008. 272 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РАЗДЕЛ I. ОРИЕНТИР И ПУТЬ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ	4
Сергеев А.М. Ориентиры жизненного пути.....	4
Войтеховский Ю.Л. Жизнь как путешествие: несколько мыслей об «образовании ума и сердца».....	8
Соколов Б.Г. Императив лоукостера.....	13
Шачин С.В. Жизнь в доме и движение по дорогам как два способа человеческого существования: опыт диалектического углубления экзистенциальной феноменологии.....	20
Цылёв В.Р. Природа человека как фактор жизненного пути.....	32
Копылов А.В. Этические ориентиры в переводе.....	42
Циркунов И.Б. Городские «кривые» и «вертикали»: смысл и значение.....	49
Коваленко Н.С. Культура как система ориентиров.....	53
Воропаев Д.Н. Понятие «свобода» в философии Ж.-П. Сартра.....	59
Воронов В.М. Понимание как ориентация на жизненном пути.....	63
Филиппова Е.В. XX век: пути человечества в зеркале утопий и антиутопий.....	67
Попова А.В. Пользователь и используемый: человек в сети.....	77
Романенко М.А. Образ пути в философии Л.Н. Толстого.....	84

РАЗДЕЛ II. ОРИЕНТИРЫ В ПУТИ.....	89
Константинов Ю. «Жизненные ориентиры» и проблема границ (на примере человеческого и нечеловеческого поведения в оленеводческой части Кольского полуострова).....	89
Васильева В.Н. Ценностные ориентиры природоохранной деятельности.....	91
Ефименко М.Н., Ханаш С.А. Развитие в студенческой среде интереса к изучению дома как структуры жизни общества: социально-философский комментарий.....	99
Давыдова А.С. Культурные объекты в городском пространстве.....	104
Цылёв В.Р. Образ дома как мифический символ.....	106
Панов Д.А. Обрядность и ритуальность поморов на мурманских промыслах как ориентир повседневности.....	120
Феофанова О.А. Журналистика как культурная ценность.....	124
Згазинская О.Г. Ориентиры «путника по вселенным» в лирике М.А. Волошина о Париже и Киммерии.....	130
РАЗДЕЛ III. ПУТЬ КАК ОРИЕНТИР.....	135
Карицкая Л.Ю. Мотив пути в творчестве: опыт саморефлексии.....	135
Бакула В.Б. Пути и ориентиры саамской литературы.....	139
Иванова Л.Л. Пути и ориентиры в финалах пьес Александра Вампилова.....	146
Рычкова Т.А. Пути развития региональной прессы.....	153
Шарова Е.Н. Молодежь на пути к освоению профессии (ценностно-смысловые парадоксы профессионального самоопределения).....	159

Бодрова О.А. Путешествие сквозь призму этнографии.....	171
Коткин К.Я. Память в дорогу: описание одной коммеморации (шествие в День славянской письменности и культуры 24 мая 2016 г. в Мурманске).....	173
Сулейманова О.А. «Путь в цивилизованную жизнь»: к проблеме адаптации Кольских саамов к городскому быту.....	184
Рябев В.В. Символы пути и ориентиров в культурном наследии российско-норвежского пограничья.....	187
Чунин А.И. Что побуждает идти? (природная тропа как аналог жизненного пути).....	191

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакула Виктория Борисовна, канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии и массовых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Бодрова Ольга Александровна, канд. ист. наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН, г. Апатиты

Васильева Вера Николаевна, доктор социол. наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Войтеховский Юрий Леонидович, доктор геол.-минерал. наук, профессор, директор Геологического института Кольского научного центра РАН, г. Апатиты

Воронов Василий Михайлович, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Воропаев Дмитрий Николаевич, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии, религиоведения Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург

Давыдова Алёна Сергеевна, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН, г. Апатиты

Ефименко Марина Николаевна, доктор филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии, культурологии, религиоведения Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург

Згазинская Ольга Геннадьевна, канд. филол. наук, директор Центра содействия развитию гуманитарных наук, образования и культуры «Мыслеобраз», г. Мурманск

Иванова Людмила Львовна, канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии и массовых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Карицкая Лада Юрьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии и массовых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Коваленко Николай Сергеевич, канд. филос. наук, доцент, доцент Мурманского института экономики Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, г. Мурманск

Константинов Юлиан, доктор антропологии, профессор, Болгарское общество культурных региональных исследований, г. София, Болгария

Копылов Андрей Васильевич, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Коткин Константин Яковлевич, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Панов Дмитрий Александрович, аспирант кафедры истории и права Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Попова Александра Витальевна, аспирант кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Рычкова Татьяна Александровна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и массовых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Романенко Михаил Александрович, аспирант кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Рябев Василий Вячеславович, канд. соц. наук, научный сотрудник Мурманского областного краеведческого музея, г. Мурманск

Сергеев Андрей Михайлович, доктор филос. наук, профессор, ректор Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Соколов Борис Георгиевич, доктор филос. наук, профессор, зав. кафедрой культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Сулейманова Олеся Анатольевна, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН, г. Апатиты

Феофанова Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры русской филологии и массовых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Филиппова Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Ханаш Светлана Александровна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург.

Циркунов Игорь Борисович, канд. экон. наук, доцент, директор Мурманского областного книжного издательства.

Цылёв Виктор Рюрикович, канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Чунин Александр Игоревич, старший преподаватель кафедры физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Шарова Елена Николаевна, канд. социол. наук, профессор, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Шачин Святослав Вячеславович, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Коллектив авторов

ОРИЕНТИР И ПУТЬ

Сборник научных статей

Науч. ред.: В. М. Воронов, К. Я. Коткин

Дизайн обложки: О. Н. Цылёва

Подписано в печать 19.06.2017. Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 12,5. Тираж 100 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе (РИО) МАГУ
с готового оригинал-макета.

Мурманский арктический государственный университет.
183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15.